Рехказы

В.Н. Курилов А.Ю. Майничева

КРЕПОСТЬ И ХРАМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
2005

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

VLADIMIR N. KURILOV, ANNA YU. MAINICHEVA

THE FORT AND THE CHURCH

Cultural tendencies in the Russian Siberian architecture

Edited by I.V. Aseev, Dr. of Sc.

NOVOSIBIRSK
2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В.Н. КУРИЛОВ, А.Ю. МАЙНИЧЕВА

КРЕПОСТЬ И ХРАМ

Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И.В. Асеев*

НОВОСИБИРСК
2005

ББК Н(2Р5)
К 93

Рецензенты

доктор исторических наук Т.С. Мамсик
кандидат исторических наук Г.В. Любимова
кандидат исторических наук А.А. Люцидарская

Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, проект № 02-01-00329а
«Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв.»
и интеграционной программы РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке А.Л. Данилова,
директора ЗАО «Техстройкомплект», Республика Саха (Якутия)

К 93 **Курилов, В.Н.,** Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве / В.Н. Курилов, А.Ю. Майничева. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 96 с., ил.

В монографии рассматривается эволюция двух памятников деревянной архитектуры Сибири – Казымского острога и Спасской церкви из Зашиверска, являющихся ныне экспонатами историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. На основе систематизации разнообразного материала, характеризующего эти архитектурные сооружения в различные периоды, дана оценка роли традиций и новаций в средневековой культуре, проанализированы причины появления феномена непрерывно изменяющегося деревянного зодчества, характерного для русской культуры, уделено значительное внимание его символике, морфологии и феноменологии, а также ценностным ориентациям создателей произведений деревянной архитектуры Сибири. Особенностью работы являются авторские реконструкции исследуемых памятников.

Книга предназначена для историков, архитекторов, искусствоведов, а также для всех, интересующихся вопросами развития культуры.

ISBN 5-7803-0113-1

ББК Н(2Р5)

© Курилов В.Н., Майничева А.Ю., 2005

Введение

Эта книга появилась достаточно незакономерным образом. Ее авторы в продолжение весьма длительного времени занимались повседневной научной и проектной работой, связанной с памятниками деревянного зодчества, ставшими экспонатами Историко-архитектурного музея Института археологии и этнографии СО РАН. Особое место среди этих памятников занимали два – шатровая церковь с колокольней из давно исчезнувшего городка Зашиверска, некогда стоявшего на берегу Индигирки, и деревянная крепость – «острог», башни которой были привезены в Новосибирск с Казыма, одного из самых северных притоков низовья Оби. Памятники были изучены в свое время выдающимися археологами А.П. Окладниковым, А.П. Деревянко, В.И. Молодиным, крупными специалистами по истории деревянной архитектуры России Е.А. Ащепковым, А.В. Ополовниковым, С.Н. Баландиным. Поэтому мы полагали, что наши собственные наблюдения над памятниками не имеют сколько-нибудь серьезного значения, а если и могут для чего-либо пригодиться, то только для, так сказать, «служебного пользования» – достаточно рутинной и не интересной для окружающих работы по созданию и описанию музейной экспозиции.

Однако годы шли, маленькие уточнения и крохотные поправки к утвердившимся в науке взглядам накапливались, и однажды нам, отчасти даже вопреки нашему собственному желанию, вдруг стало ясно, что о церкви из Зашиверска и остроге с Казыма можно сказать кое-что интересное не только для своих коллег по практическому созданию музея. Не скроем, что мы испытывали и испытываем определенное смущение, решаясь поделиться своими наблюдениями и рассуждениями, ведь нам не довелось принимать участие в поистине героических экспедициях на Крайний Север, где памятники изучались в естественной среде. Отчасти это смущение преодолевается тем обстоятельством, что мы имели отношение к реставрации памятников, прикоснувшись при этом к каждой их детали.

Разумеется, прежде всего, предлагаемая здесь попытка восстановить судьбу каждого из памятников значима в чисто музееведческом аспекте. Однако за этой вполне прикладной проблемой стала все отчетливее проступать другая, более общая, относящаяся к сущности деревянной архитектуры, к обусловленному ее материалом отличием от произведений в естественном или искусственном камне. Поскольку деревянное строительство составляло одну из первооснов русской культуры вплоть до самого исторически недавнего времени, постольку в специфическом для дерева сочетании социальной функции зданий и их архитектурной формы, индивидуальности каждого строения и гармоничности их ансамблей, основательности и пластичности срубных конструкций, вариативности и каноничности сооружений – во всем этом выявились черты культуры эпохи и народа. Отсюда и не лишенная дерзости заявка: рассмотрев два (всего два) архитектурных памятника выйти на культурно-историческую проблематику.

Наверное, за последние годы многие поняли, что история – и вся в целом, от истоков рода человеческого, и в каждом пространственно-временном отрезке – полна тайн и нерешенных вопросов не меньше, чем любая область бытия, от космогонии до физики микромира. Конечно, не исключение из этого правила и прошлое Восточной Зауральской России. О нем мы также знаем (или думаем, что знаем) далеко не все, и не все понимаем правильно. Казалось бы, что может остаться неизвестного в истории Сибири последних трех столетий? В XVII в. между «Каменным поясом» и Тихим океаном жило не более 200 – 250 тыс. человек, столетие спустя число сибиряков достигло едва одного миллиона. Если соотнести с численностью населения края объем публикаций документов, исторических исследований и популярных книжек, то на каждого сибирского старожила едва ли не придется по странице и больше печатного текста. Тем не менее факт остается фактом –

Рис. 1. Стрельцы.
Фрагмент картины художника С.В. Иванова.

для специалиста прошлое Сибири полно тайн, загадок и проблем.

Первый круг этих проблем охватывает историю землепроходческого движения от Урала до Тихого океана. Полагаем, что многие из наших читателей осведомлены о существовании двух-трех и даже более точек зрения не просто на обстоятельства, а даже на датировку знаменитого похода Ермака[1].

Почти все ныне существующие сибирские города имеют далеко не по одной «дате рождения», хотя отстоят эти события от наших дней на каких-нибудь 300 – 400 лет (что это по сравнению с многотысячелетней историей Афин или Рима, Стамбула или Нанкина?), а в архивохранилищах до сих пор лежат тысячи подлинных, написанных на хорошем русском языке, как правило, точно датированных документов, запечатлевших, как будто бы, каждый шаг землепроходцев «встреч солнцу», и на библиотечных полках стоят десятки и сотни книг, рассказывающих о Сибири.

Конечно, при всем богатстве письменных источников история Сибири затемняется почти полным отсутствием источников вещественных. Ничего или практически ничего не осталось от вещного мира, окружавшего наших предков не то что триста, даже сто лет назад. Утварь и одежда, орудия крестьянского труда, предметы деревенского и городского быта, собранные работниками музеев и краеведами, в лучшем случае относятся к концу XIX в. От века XVIII, а тем более XVII, до нас дошли считанные единицы предметов, среди которых почти не найти изделий из дерева, кожи, кости, тканей, т.е. того, что горит, гниет, тлеет, а главное – всегда кажется современникам ничем не примечательным, не достойным сбережения в память потомкам, в отличие, скажем, от медной чеканной посуды или, тем более, серебряных и золотых украшений. А ведь для жизни человека одежда и обувь, топор и деревянная ложка гораздо важнее того, что сейчас называют «предметами престижного потребления», да и узнать о минувшей жизни по обычным предметам быта и орудиям труда можно значительно больше, чем по перстням или серьгам.

И уж совсем плохо обстоит дело с постройками. По вполне понятным причинам Сибирь едва ли не до середины века XX была страной деревянной. А дерево, повторимся, гниет и горит. К тому же леса в Сибири всегда было так много, что едва ли не каждое поколение устраивало свою жизнь и быт, строя себе новую избу, новое подворье, и не слишком заботилось о сохранении построек, срубленных дедами и отцами. При изобилии отличного строевого леса и плотницкой навычности гораздо легче срубить новую избу, чем пытаться починить старую. Не приходится рассчитывать и на то, что «мужик» якобы ставил новую избу «по старине», «как отцы и деды наши жили». Тип построек достаточно быстро менялся, в зависимости, прежде всего, от характера хозяйственной деятельности и связанного с ним семейного уклада. В XVII – XVIII вв. живое и энергичное население края было очень чутко к новым веяниям в быту, быстро перенимая модные новшества домообзаводства. К тому же средний сибирский крестьянин был несравненно зажиточнее такого же «среднего» крестьянина Центральной России, сибирские мужики-богачи нередко могли поспорить достатком с российским помещиком средней руки. Не забудем, что в Сибирь прибывало новое население, большая часть которого в социально-культурном отношении[2] принадлежала к средним и высшим слоям российского общества.

Наконец, через всю Сибирь проходил Московский (Иркутский, если по нему ехали на восток) тракт, по которому вместе с людьми и товарами непрерывно притекали новые представления о красоте и комфорте. Но при этом, следует сказать и о том, что в постройках устойчиво из века в век все же сохранялась некая часть традиционных элементов, являющихся знаковыми.

Всеохватная изменчивость культурных феноменов послужила тому, что уже полтораста лет назад ни в сибирских городах, ни в деревнях нельзя было рассчитывать найти сколько-нибудь замечательное строение,

датировавшееся первым столетием освоения Сибири. Живописные руины Якутского острога уже в первой половине XIX в. воспринимались как нечто уникальное и обязанное своим сохранением только удаленности и заброшенности этого северо-восточного форпоста России в Азии.

К середине XX в., когда, собственно, началось глубокое научное познание прошлого Сибири, архитектурных памятников, насчитывающих хотя бы пару сотен лет, не говоря уже о трех-четырех веках, в крае практически не осталось. Как ни странно, относительно повезло памятникам оборонного зодчества: в Восточной Сибири сохранилось до наших дней не менее шести башен старинных крепостей – две в Братске, две в Илимске, по одной в Бельске и Якутске. Конечно, эти башни уцелели отнюдь не в своем первозданном виде, но все-таки по ним можно составить представление о том, как выглядели сибирский острог и город-крепость. Жилых и хозяйственных построек, которые можно было бы датировать если не XVII, то хотя бы XVIII в., в Сибири обнаружить практически не удалось. Впрочем, некоторые жилые дома, а особенно хозяйственные постройки – амбары, напогребицы, бани, стайки – сохранили отдельные детали конструкции и черты внешнего облика, подобные тем, что возводились на начальных этапах заселения края.

В Сибири был еще один распространенный и значительный класс деревянных сооружений, от которого не осталось, в полном смысле этого слова, – ничего. Это здания общественного характера. Делились они на два вида: административно-общественные строения (приказные избы, воеводские канцелярии, волостные и сельские «мирские» избы и т.п.) и культовые сооружения (церкви, часовни, колокольни). Все они были самыми крупными, высотными, наилучшим образом построенными и нарядно украшенными сооружениями. Их архитектура в каждом поселении и в каждый период времени была как бы высшим образцом, к которому тянулась по мере сил и возможностей так называемая рядовая застройка. Понятно, сколько важного могли бы рассказать нам памятники этого рода, если бы они сохранились хотя бы в руинах или позднейших перестройках.

Общественные здания в Сибири губило из века в век как раз то, что делало их выдающимися архитектурными памятниками своей эпохи. Эпоха менялась, и с нею менялись представления о достойном и красивом в архитектуре. Разумеется, первыми должны были достигать соответствия этим представлениям здания, символизировавшие власть светскую и духовную. Излишне говорить, что у властей всегда было достаточно материальных возможностей для замены старого административного здания, старой церкви, новыми, отвечающими «духу времени» постройками.

С рубежа XVII и XVIII вв. в Сибири распространяется, как и по всей России, представление о престижности каменного строительства по сравнению с деревянным. В последующие два века не только вместо деревянных зданий возводят предназначенные для тех же функций – управления или богослужения – каменные, но и в архитектуре новых деревянных строений начинают все более и более подражать формам и конструкциям каменных. Гладь покрытым тесом и окрашенных стен, большие оконные и дверные проемы, накладные дощатые пилястры и карнизы – все это должно было производить впечатление если не каменного здания, то хотя бы подобия его.

Деревянная архитектура Древней Руси имеет основным элементом конструкции и одновременно главным элементом художественного образа здания освобожденное от коры круглое бревно. Бревна соединяются друг с другом в срубную конструкцию посредством серии приемов продольной и поперечной припазовки. Деревянная архитектура Нового времени, если приглядеться, начинается с того, что превращает изначально круглое бревно в подобие прямоугольного кирпича или квадрата естественного камня. Окантованные на четыре стороны брусья и пиленый прямоугольный в сечении тес являются главными элементами конструкции и декорации. В способах соединения этих элементов уже не столько существенна припазовка, сохраняющаяся только в своих простейших разновидностях, сколько разного рода металлические связи – гвозди, болты, скобы. Срубный дом из бруса по многим своим деталям начинает приближаться к каркасному строению. Соответственно, изменяется облик и художественный образ здания.

Новое, модное – престижно, а значит, на его фоне начинают казаться убогими, уродливыми старинные срубные здания, которые, по мнению идущих в ногу с веком (XVIII, XIX, XX...) современников, не только не стоит оберегать, а необходимо как можно скорее от них избавиться. Это всеобщее явление, а не специфическая черта России. В прошлом веке старинные постройки – прежде всего церкви – с равным энтузиазмом шли на слом или в лучшем случае перестраивались до неузнаваемости и в просвещенной Франции, и на «диком» российском Севере. Например, Проспер Мериме, возглавлявший в середине XIX в. инспекцию по охране памятников архитектуры, посвятил этой проблеме «Записки о путешествии по югу и западу Франции»[3], из которых становится ясно, что полное отрицание прошлого, неоварварство, не является исключительно российской чертой, обусловленной особенностям политической истории.

Проблемы возникновения новизны и сохранения традиционного в деревянной архитектуре будут освещены при рассмотрении, как уже говорилось, двух памятников – Спасской церкви из Зашиверска и башен

Казымского острога, во взаимосвязи с развитием поселений, где они находились. Для историков архитектуры и архитекторов-практиков, думающих о преемственности традиций, важно знание градостроительных этапов существования каждого поселения и особенностей отдельных сооружений в контексте общего развития культуры, поскольку архитектурный ландшафт отражает социально-этнические аспекты жизни народа. Тщательное рассмотрение всего комплекса имеющихся документов и материалов позволяет проследить историю сооружений, увидеть закономерность их развития. Временные рамки исследования охватывают фактически весь период существования этих сооружений, т.е. XVII – XX вв.

Феномен деревянной архитектуры тесно связан с развитием русской культуры, что не могло не привлечь внимание исследователей. История исследования деревянного зодчества в Сибири прекрасно освещена в исчерпывающей в библиографическом отношении обзорной статье С.Н. Баландина[4].

За прошедшие со времени появления этой статьи десятилетия, список работ по истории архитектуры Сибири пополнился незначительно, а из монографических исследований можно назвать вышедшую в 1988 г. книгу Н.П. Крадина[5], которая особенно значима потому, что это первое исследование данной темы за все XX столетие. Для нас же эта работа ценна вдвойне, поскольку большая ее часть написана с использованием сибирских материалов, в том числе отдельная глава посвящена Юильскому-на-Казыме городку.

Разумеется, размышляя над вещественными остатками и документальными свидетельствами к сибирской деревянной архитектуры, нельзя не пользоваться описаниями и исследованиями аналогичных по материалу, конструкции, назначению и архитектурному облику памятников, расположенных к западу от Урала. Принимая во внимание только книги, вышедшие в последнюю половину XX столетия (о более ранних изданиях по их редкости и фактической недоступности говорить в данном случае не приходится), следует отметить труды А.В. Ополовникова, И.В. Маковецкого, Ю.С. Ушакова, Г.К. Вагнера, В.П. Орфинского[6], – называем только тех исследователей, у которых в 1960 – 1990-х гг. вышли отдельные книги. Симптоматично, что с приближением к нашим дням в литературе по истории архитектуры стала все чаще прослеживаться идея возможной реконструкции утраченных памятников или, что ближе к избранной нами проблематике, этапов развития того или иного памятника на протяжении его исторического существования. В этом направлении наиболее успешны изыскания М.И. Мильчика, Ю.С. Ушакова, а в самое последнее время интересные результаты получили исследователи, работающие под руководством В.П. Орфинского[7].

Жанр нашей книги вполне соответствует исходному значению слова «история» – «разыскание», «расследование», что естественным образом сближает каждую работу по данной проблематике с широко известным детективным жанром, использование приемов которого в историческом исследовании сегодня уже, к счастью, не новость. Пожалуй, основная характерная черта этого жанра – открытость перед читателем «исследовательской кухни». Авторы этой монографии также стремились «играть в открытую», показывая и даже подчеркивая фактические основания своих гипотез. Читатели смогут сами оценить основательность и логичность наших предположений. Те же, кто не согласен с выводами могут попытаться иным способом истолковать приводимые в книге факты. Использование методов историко-генетического анализа, функционального, системного и специфического метода графических реконструкций, характерного для исследований в области архитектуры, позволило создать, несмотря на гипотетичность, образ достоверных реконструкций зданий. Книга создавалась совместными усилиями авторов, однако следует отметить, что графические реконструкции выполнены А.Ю. Майничевой, текст написан В.Н. Куриловым. Авторы с удовольствием пользуются возможностью высказать свою благодарность коллегам за оказанную помощь в подготовке книги.

Авторы признательны В.П. Мыльникову за предоставленные цветные фотографии памятников, сделанные в 2003 – 2004 гг. в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН.

Авторы глубоко благодарны А.Л. Данилову, директору ЗАО «Техстройкомплект», которая является одной из лучших строительных компаний Якутии, за финансовую поддержку переиздания книги. В 1988 г. Андрей Лукич, будучи студентом архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института, участвовал в работах по восстановлению Спасской церкви из Зашиверска в Историко-архитектурном музее ИИФФ СО РАН. Церковь стала первым объектом творческой деятельности А.Л. Данилова как архитектора.

Глава 1. Крепость

Период конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. принес два поразительных открытия памятников далекого прошлого Сибири. На Крайнем Северо-Востоке, на реке Индигирке была обнаружена деревянная шатровая церковь – единственная к востоку от Урала. В центре Западной Сибири нашлись остатки Казымского острога, опять-таки единственного из нескольких десятков зимовий и острогов, отметивших путь землепроходцев от «Каменного пояса» к Восточному морю. Необходимо осознать очевидный факт: больше таких находок никогда не будет сделано. Спасская церковь на месте исчезнувшего г. Зашиверска и руины башен Казымского острога – последние обнаруженные не в результате раскопок свидетели раннего прошлого русской Сибири.

В то же время эти памятники, пожалуй, первые из числа аналогичных, которые были подвергнуты подлинно научному исследованию. К ним были применены методы не только архитектуры, но археологии и истории. Здесь и выявился парадоксальный, неожиданный, а на самом деле закономерный результат – ни об одном из памятников сибирского прошлого мы не знаем столько, сколько о Зашиверске и Казымском остроге, и ни с одним из памятников не связано столько проблем и откровенных загадок, как с этими двумя. Начнем с Казымского острога.

Несколько лет назад А.А. Люцидарская, в свое время возглавлявшая экспедиции по изучению и спасению Казымских башен, представила всю совокупность сведений об остроге, накопившихся за полтора века в литературе[8]. Эта публикация прояснила многое, и, прежде всего, круг нерешенных проблем, связанных с Казымским острогом, которые в самых общих чертах можно свести к следующим: загадка Казымско-Юильского острога вообще и именно того острога, который был расположен на южном берегу Казыма в среднем течении реки. Как нам представляется, к первой, более общей загадке удобнее подойти через решение второй.

В начале 1970-х гг. на месте Казымского острога были обнаружены руины трех построек: двух проезжих башен и некоего сооружения, именовавшегося «избой-казармой», «гарнизонным домом», «домом приказчика». Кроме того, и на самой территории острога и вокруг него просматривались остатки нескольких десятков построек в виде бревен нижних венцов срубов. Обе проезжие башни были ориентированы по линии север – юг и располагались на местности вместе с «казармой» в вершинах воображаемого треугольника. Двухэтажные башни имели сквозные проезды, а также небольшие бойницы в боковых стенах нижнего яруса и на фронтальной стене на уровне второго этажа. Кровля башен отсутствовала. В еще более руинированном состоянии была «изба-казарма». От нее остался невысокий сруб с окнами и со следами врубок в бревнах стен. Таково было состояние крепости в конце XX в., а что видели на месте острога те, кто бывал на Казыме сто, сто пятьдесят, двести лет назад?

Рис. 2. Северная башня Казымского острога. 1972 г. Фото Н.П. Крадина.

Самое раннее сохранившееся свидетельство о Казымском-Юильском остроге – рисунок, сделанный

Рис. 3. Казымский острог. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. (?).
Прорисовка со «шторок Шахова». (См. Чернецов, 1949. – С. 7 – 33, рис. 10).

Н. Шаховым, скорее всего в первых десятилетиях XIX в.[9] На нем видны постройки острога, окруженные тыновой оградой, посредине которой возвышается проезжая башня, крытая тесом. Ворота башни, изображенной на рисунке, имеют полуциркульное завершение, что соответствует воротам северной башни. Но сам острог изображен таким образом, что он как бы стоит на правом, северном, берегу Казыма (в действительности же острог был расположен на левом, южном, берегу реки, причем довольно далеко от основного русла – в 15 – 20 км), а к реке, тем не менее, обращена именно башня с арочными воротами. Вокруг крепости располагаются многочисленные одноэтажные строения.

Следующее свидетельство относится к началу 1840-х гг., когда Казымский «городок» посетил чиновник Шершеневич, опубликовавший затем два описания уже опустевшего к тому времени острога. В одном его описании сказано следующее: «Признаки укреплений сохранились в остатках деревянной башни, срубленной в виде шестиугольника со стрельницами, окнами и нижним сводом». Как видим, здесь речь идет о каком-то шестиугольном сооружении с бойницами и окнами, без ворот, имеющем более одного яруса. В другом описании упоминаются две проезжие башни, на одной из которых еще сохранялась кровля, а на другой – створка ворот. Описание это исключительно точное, так как именно эту створку ворот обнаружили участники экспедиции 1973 г. Кроме того, Шершеневич верно указал на то, что башни сложены из относительно тонкого, четырехвершкового леса, что также полностью соответствует действительности. Такая разница в указанном количестве башен, по предположению А.А. Люцидарской[10], была связана с тем, что первое было сделано Шершеневичем на основе устных рассказов, до того, как он сам побывал на месте острога.

В конце XIX в. появляется очень подробное описание Казымского острога в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.»: «Существуют 3 (!) деревянные башни, почти уже развалившиеся. Башни расположены на южном конце юрт, расстоянием одна от другой саженях в 20, треугольником на запад, восток и юг. Крыши их уже провалились, вход же в них с двух сторон: с северной и южной. К южной башне пристроено нечто вроде амбара вышиной в 1 и длиной в 2 сажени, вся постройка из круглого леса. Башни в длину и ширину имеют по 1,5, а в вышину 2 сажени»[11].

Во-первых, здесь речь идет о трех башнях в то время, как профессионально выполненная археологическая разведка показала, что третьей башни в створе оборонных стен не было. Во-вторых, странно указана ориентация башен. Две сохранившихся до наших дней башни стояли точно по линии север – юг. В-третьих, в описании башни приуменьшены размеры их срубов: не полторы сажени (3,2 м), а две – две с половиной (4 – 5 м)[12].

В то же время ряд точных деталей – расстояние между башнями, расположение острога к югу от жилой застройки находящегося рядом селения («юрт») – свидетельствуют о том, что описание «городка» сделано «с натуры». Обратим внимание на еще одну деталь: «... к южной стене пристроено нечто вроде амбара...» Как было установлено, у существующих ныне башен пристроек не было, но упомянутый амбар с точным указанием его размеров следует запомнить для будущего анализа.

На рубеже XIX и XX вв. появляется еще одно подробное описание Казымского острога – в книге А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север». Этот автор в 1910 г. нашел в Юильском городке четыре новых

«сборных юрты», три старых, четыре лавки-амбара, три старых сторожевых башни. Также он пишет: «При последних находится старая жилая изба, кроме того, есть развалившиеся амбары-лавки и бывшая казарма...»[13].

Вновь речь идет о трех башнях, причем их состояние в конце прошлого века практически уже не отличалось от того, что застали участники экспедиций 1972 – 1973 гг. Впервые упомянуты гражданские постройки, не связанные с башнями: амбары и жилая изба, все это «старое». Опять-таки, описание Дунина-Горкавича обнаруживает знакомство с реальным положением дел на месте, что подтверждается сделанной им и впоследствии неоднократно воспроизводившейся в литературе[14] фотографией руин северной башни. Наконец, в 1914 г. в Казымском городке побывал И.Н. Шухов, который также сделал несколько фотоснимков, один из них, южной башни, был опубликован в книге В.И. Кочедамова[15].

Описание Шухова таково: «Маленькое пустое селение со своими двумя башнями и полуразвалившейся казармой. Башни имеют двое ворот и бойницы. Высота башен около 5 сажен». Кроме последней фразы, все остальное полностью соответствует картине, обнаруженной и в 1972 г. Что же касается высот башен, то здесь возможна описка: должно быть не «5», а «3» сажени.

Все последующие наблюдатели (З.П. Соколова в 1950-е гг., А.В. Ополовников, Н.П. Крадин, С.Н. Баландин, А.А. Люцидарская в 1969 – 1973 гг.) заставали на месте Казымского острога картину, принципиально не отличающуюся от описания Шухова: две башни, некая постройка, видимо, жилая, следы (в виде заросших нижних венцов срубов) каких-то других строений[16].

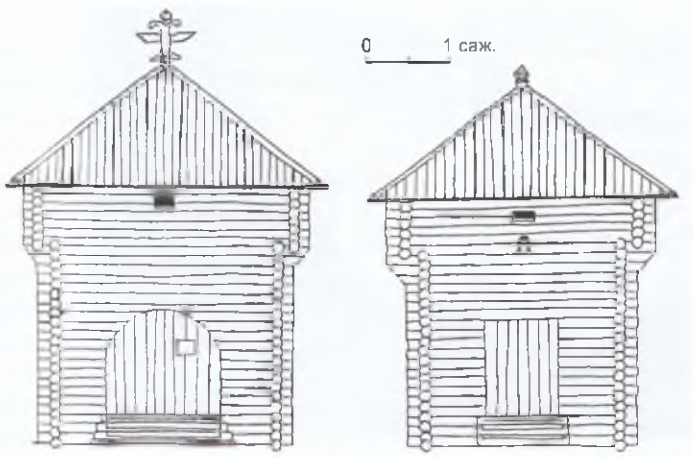

Рис.4. Северная и южная башни острога
(Здесь и далее, если не указано особо, реконструкция авторов).

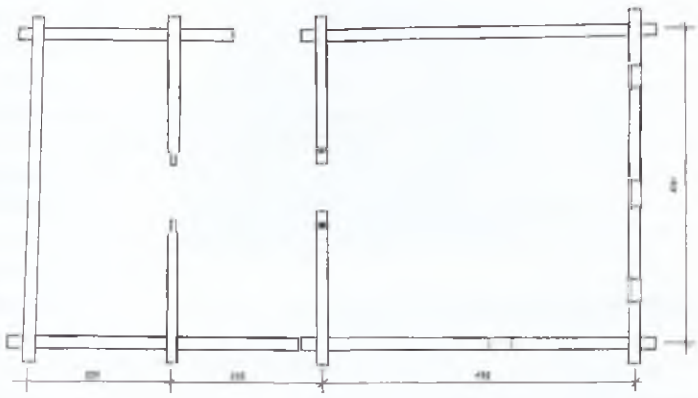

Рис.5. План башни-зимовья Казымского (Юильского) острога. Обмер 1969 г.

Итак, начинаются вопросы. Сколько же башен стояло на территории Казымского – Юильского острога и какими они были? Как мы видим, три башни упомянуты в «Памятной книжке... на 1884 г.» и в книге А. Дунина-Горкавича. Н. Шухов в 1914 г. уже видел только две башни. Самое раннее описание – Шершеневича – как раз в отношении башен сбивчиво: в одной части текста упоминается «шестиугольная» башня, в другой – две проезжих. А.А. Люцидарская предположила, что, «возможно, остатки шестиугольной башни находились также на р. Казым или в прилегающем районе»[17].

Но если описание Шершеневича все же относится именно к Казымскому-Юильскому острогу, как и тексты «Памятной книжки» и Дунина-Горкавича, то получается, что в середине – второй половине XIX в. наблюдатели видели на месте Казымского острога именно три башни. С двумя проезжими, существующими и сейчас (в Историко-архитектурном музее под открытым небом), проблем не возникает. Но что такое третья башня?

Допустим, что она действительно существовала. Тогда ее описания содержатся у Шершеневича («шесть углов», окна и отсутствие упоминания о проезжих воротах) и в «Памятной книжке» («...к южной башне пристроено нечто вроде амбара...». Попробуем совместить эти два описания. «Шесть углов», упомянутые Шершеневичем, могут быть перефразировкой понятия «шесть стен», которые относятся к трехкамерному помещению, в котором продольные стены являются общими для всех трех камер. Таковы дома «со связью», построенные по схеме «изба – сени – клеть». Представим теперь, что одна из камер – изба или клеть имеет высотное продолжение, превращающее ее в башню. В этом случае мы, действительно, увидим башню, к которой пристроено «нечто вроде амбара».

Рис.6. Южная стена башни-зимовья. Вид изнутри сруба. Фото Н.П. Крадина.

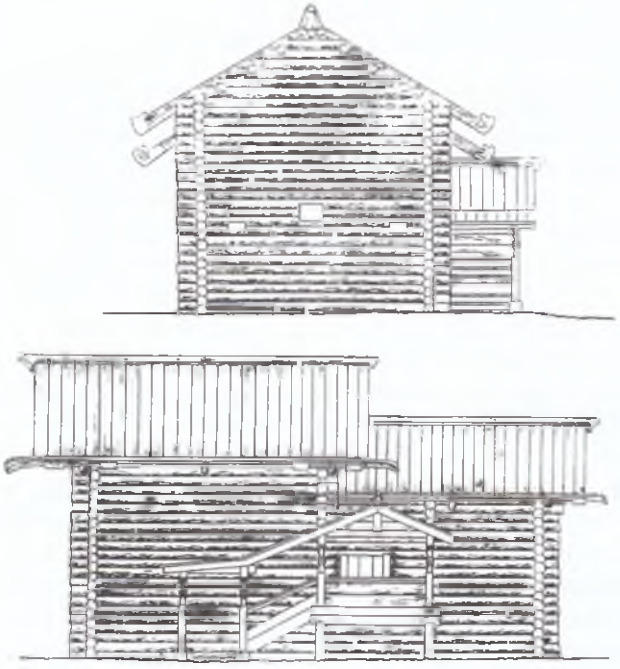

Рис. 7. Изба-казарма (здание зимовья). Реконструкция Н.П. Крадина.

Соответствует ли реконструированное в таком виде описание какому-нибудь объекту, реально сохранявшемуся на территории Казымского острога? Этот объект хорошо известен, это так называемая «изба-казарма». Она на самом деле представляет собой «связь», в состав которой входит изба с печью и волоковыми окнами, сени и неотапливаемое складское помещение (клеть, амбар). Могло ли это строение в описаниях фигурировать как башня? По имеющимся в 1972 – 1973 гг. остаткам нельзя дать определенный ответ, так как стены сохранились на высоту не более двух метров. Обратим внимание, что «казарму» впервые зафиксировал Н. Шухов, он же первый увидел на территории острога две, а не три башни (о «старой жилой избе» и трех башнях в описании Дунина-Горкавича речь будет дальше). Следовательно, то, что предшествующие наблюдатели называли «башней», Шухов мог назвать «казармой». Еще одно обстоятельство говорит в пользу этого предположения, так как не исключено, что реальное расположение объектов по треугольнику север – юг – запад, в «Памятной книжке» было ошибочно определено как восток – запад – юг. Экспедиции начала 1970-х гг. так называемая «казарма» предстала в обветшавшем состоянии, перевозить ее в Новосибирск не имело смысла. Однако архитектурно и археологически она была тщательно обследована, что позволяло сделать достоверные графические реконструкции. Один из вариантов был предложен Н.П. Крадиным[18].

Он предположил, что кроме кровли постройка утратила свою нижнюю часть, и представил «казарму» как жилое строение северорусского типа на высоком подклете, с крутой двускатной кровлей на «курицах и потоках», имеющее крыльцо перед дверью в сени. Такая реконструкция при учете ряда обстоятельств не является единственно возможной. Прежде всего обратим внимание на то, что при такой схеме «казарма» к 1970-м гг. утратила снизу не менее десяти венцов сруба. Но это не согласуется с потерями нижних венцов башен, которые составили три-четыре венца. По результатам дендрохронологического анализа «казарма» и башни были построены почти одновременно, разница в возрасте деревьев, срубленных для всех трех строений, менее 10 лет[19], следовательно, и утраты сооружений должны быть близки. Абсолютно ровное по всему периметру гниение бревен трудно представимо, учитывая разницу в освещении стен солнцем и двукратное различие в длинах продольных и поперечных стен. Такая сложносоставная постройка, как казарма, при оседании на высоту более чем на два метра развалилась бы. Разрушающийся сруб должен был перекоситься, печь, находясь в случае такой реконструкции на высоте более двух метров от земли, продавив своей тяжестью пол, обрушилась бы не вертикально, отвесно вниз, а рассыпалась бы по всей площади избы. Между тем археологами развал обожженной глины печи был найден строго в северо-западном углу, там же найдены следы деревянно-земляных конструкций опечка. Кроме того, раскопки в «казарме» обнаружили под одной из стен опорный камень-валун. Он находился точно в створе северной стены, что было бы просто невозможно, если бы здесь сгнило и рассыпалось в труху десять венцов.

Высота расположения трех окон на боковом фасаде здания не является убедительной, так как, согласно традиционному расположению, окна должны были находиться либо значительно выше, либо ниже. Но в первом

случае они бы не отвечали требуемой оптимальной высоте над уровнем пола, во втором – их расположение исключало бы наличие высокого подклета. Как видно, приведенные факты противоречат идее высокого подклета, предположенного в реконструкции Н.П. Крадина.

Предположим, что высотные утраты «казармы» произошли снизу на три-четыре венца, как у башен, и сверху сруба. При этом не обязательно, чтобы в своем исходном виде сооружение по всей длине имело одинаковую высоту. В «Памятной книжке» говорится о башне и пристроенном к ней амбаре. Кроме того, по Шершеневичу, именно «шестиугольная» башня имела окна. Следовательно, в гипотетической реконструкции мы должны представить себе поднимающейся вверх именно ту часть строения, в которой есть окна, а также печь. При этом оказывается, что сохранившаяся до 1970-х гг. часть сруба – это общая нижняя часть сооружения, а над ней должна была возвышаться конструкция, которая уверенно воспринималась наблюдателями как башня. Те, кто бывал на месте Казымского острога до конца XX в., идентифицировали проезжие башни, называя и ту постройку, что впоследствии была известна как казарма, также башней. В ней не было воротного проема, но должны были быть некие присущие башенным сооружениям элементы. Плановые измерения сруба не характерны для избы «со связью», несмотря на совпадение структуры помещений. Так, избам «со связью» свойственны близкие к квадратным измерения как клети, так и избы, только сени имеют меньшую ширину, чем эти два помещения. По плану найденной казармы видно, что по пропорциям подквадратна только одна часть сруба, две другие же вместе приблизительно равны ей. Именно такие пропорции визуально способствовали выделению одной повышенной части сруба. Кроме того, в этом сооружении должен быть венчающий часть строения облам, т.е. больший в горизонтальных измерениях сруб, опирающийся на консоли, которыми служили выпуски бревен нижнего сруба, что являлось характерным для башенных сооружений элементом конструкции. В таком виде это загадочное сооружение является типичным землепроходческим зимовьем.

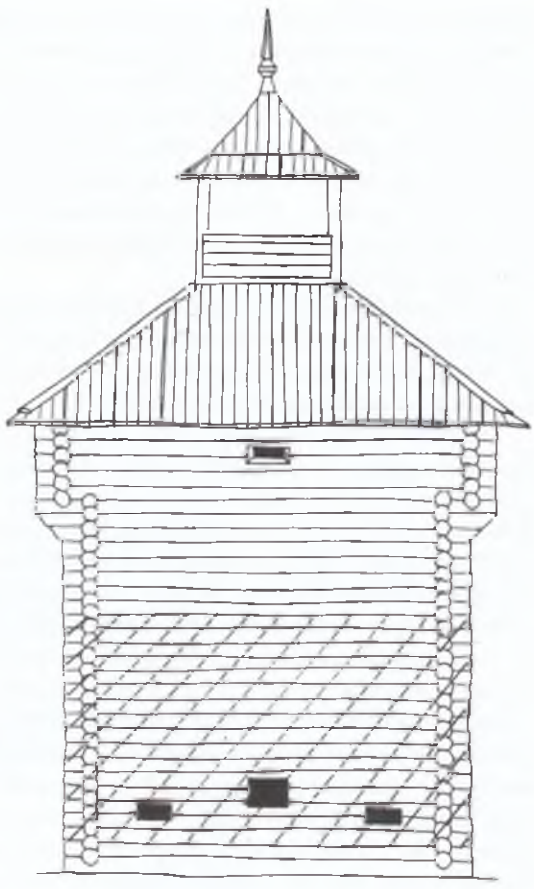

Рис. 8. Башня-зимовье Казымского (Юильского) острога. Восточный фасад. Реконструкция. Заштрихована сохранившаяся часть сруба.

Именно такие постройки, судя по многочисленным документальным свидетельствам, отмечали собой маршруты первых отрядов землепроходцев, двигавшихся вглубь Сибири[20]. Зимовье, в отличие от острога, было очень небольшим комплексом строений, тяготевших, как правило, к слиянию в единое сооружение. Из описаний следует, что в этот комплекс обязательно входили отапливаемое помещение (собственно зимовье) с печью, клеть, использовавшаяся для хранения припасов, пушнины, снаряжения. Связующим элементом между избой и клетью служили обычные срубные сени или каркасные конструкции, по размеру и назначению представляющие собой нечто среднее между сенями и двором. Всегда принимались меры для обеспечения защиты от возможных покушений «немирных иноземцев», для этого на зимовье сооружалась «нагородня» (облам над избой, представляющий собой невысокий сруб без кровли). В дальнейшем нагородня могла быть перекрыта обычным четырехскатным шатром, т.е. «изба с нагородней» превращалась в башню с жилой избой внизу. Образец последнего типа постройки дошел до наших дней в башнях Братского острога[21].

Кажется странным, почему с самого начала обламы на «ясачных избах» зимовий не перекрывались кровлей, что настоятельно требуется в условиях сибирского климата с его снежными зимами. Возможно, объяснение заключается в большей древности нагородни, открытой сверху, в сравнении с крытым боевым ярусом башни. Открытая сверху боевая площадка соответствует эпохе метательного оружия, с преобладанием не только настильной, но и навесной стрельбы, в то время как защищенный кровлей боевой ярус башни с бойницами приспособлен к огнестрельному оружию, стрельба из которого ведется в основном прямой наводкой или по пологим настильным траекториям. Конечно, крытые башни появились в русских крепостях задолго до появления огнестрельного оружия, однако, распространились они одновременно с развитием артиллерии и ручного

оружия «огневого» действия. При этом на раннем этапе крытые башни были приспособлены не только и не столько к ранним пушкам и пищалям, сколько с станковым и ручным баллистам (арбалетам или, как их называли в России, самострелам), метавшим стреловидные тяжелые снаряды («болты») по траекториям, приближающимся к огнестрельным. В Сибири арбалеты, видимо, не применялись (в отличие от Испанской Америки, где победа отрядов Кортеса и Писарро над армиями местных правителей в подавляющем отношении обеспечивалась как раз арбалетами, а не немногочисленным, ненадежным, плохо обеспеченным боезапасом огнестрельным оружием). В то же время основным оружием на первых этапах продвижения на восток был именно лук со стрелами, а не пищаль[22]. Причина аналогична той, что сказалась в Америке: крайняя сложность в обеспечении оружия порохом.

Поэтому первые землепроходческие зимовья были рассчитаны на оборону посредством «лучного», а не «огненного боя», что и обусловило устройство нагородней. Огнестрельное оружие быстро распространилось в Сибири, уже в первые десятилетия по присоединении той или иной области, становясь достоянием не только русского, но и коренного населения[23].

Оборонительные сооружения стали быстро преобразовываться, приспосабливаясь к преобладанию пищалей, «гладких» и «винтовальных» – ручных, «затинных» («волконейки» или фальконеты), малокалиберного длинноствольного станкового оружия и, наконец, пушек. При этом обладание огнестрельным оружием и использование его для обороны рассматривалось не только с практической, но и с престижной стороны. Поэтому крытая башня с бойницами под «огненный бой» стала символом основательности, обеспеченности материальными условиями обороны. В таком значении башни и башнеподобные сооружения распространялись у аборигенов Сибири, сохранившись до наших дней в Якутии[24].

По-видимому, в центре Казымского острога стояла именно башня, а не «изба с нагородней». Об этом говорит поздняя дендрохронологическая дата постройки острога (почти середина XVIII в.), и упоминания о кровлях в описаниях XIX в. По крайней мере, до конца XIX в. средняя башня острога сохраняла остатки облама, что и позволяло всем наблюдателям, вплоть до Дунина-Горкавича, без колебаний описывать эту постройку как «башню». В начале XX в. последние следы облама исчезли, высота сруба сравнялась на всех его трех частях, после чего И. Шухов уже определил постройку как «казарму». Для этого у него были основания, так как уже Дунин-Горкавич наряду с тремя (еще тремя!) башнями увидел на территории острога «старую жилую избу». Так как перед Шуховым стояли три постройки: две проезжие башни и остатки трехчастного намного более низкого сруба по сравнению с башнями, то он и определил этот сруб как жилую избу. Между тем представляется, что Дунин-Горкавич имел в виду буквально и фигурально совсем другое строение, к появлению на месте острога Шухова сохранившееся всего в двух-трех венцах.

Как уже упоминалось, кроме трех руинированных строений на территории Казымского острога были обнаружены остатки еще нескольких зданий.

Среди них обращает на себя внимание расположенное в северо-западном углу острога крупное трехчастное строение, по сохранившимся нижним венцам которого можно определить его план. По-видимому, перед нами что-то близкое к обычной «избе со связью», где среднюю часть занимают сени, а с боков к ним примыкают клети, по крайней мере, одна из которых, а может быть и обе (раскопок в этом месте произвести не удалось) могли быть жилыми, т.е. отапливаемыми избами.

При рассмотрении плана острога напрашивается вывод, что к тому же комплексу, что и башня-зимовье и изба-связь принадлежало небольшое строение, расположенное около северной башни острога. Вместе эти три постройки образуют своеобразный внутренний дворик неправильной формы, который занимает северо-западный угол острога и предназначен для жилой зоны постоянного населения, например, гарнизона. Любопытно, что совершенно точную аналогию этому комплексу приводит Н.П. Крадин среди реконструируемых им планов сибирских зимовий[25]. При этом башня-зимовье служила не столько жильем, сколько оборонительно-складским помещением, а одновременно и архитектурной доминантой всего острога. Жилое помещение располагалось в избе-связи, ориентированной длинной стороной вдоль западной стены острога, а небольшая постройка около северной проезжей башни, вероятно, являлась теплой сторожкой.

Как бы то ни было, но основным строением в комплексе острога была именно башня-зимовье. На основе сделанных предположений и имеющихся обмеров можно реконструировать ее следующим образом. Вся постройка, как уже говорилось, была трехчастной. На первом этаже в направлении с востока на запад располагалась изба (жилое помещение с печью), сени со входом и северным крыльцом, а также клеть, использовавшаяся как хранилище, судя по отсутствию в ней следов печи. Трехчастность композиции башенных зданий, повторяющих приемы жилой архитектуры, была известна в России XVII – XVIII вв. К таким зданиям относятся известная Сухарева башня, построенная в 1692 – 1701 гг. в Земляном городе Москвы, Передние ворота в Коломенском (1671 – 1672)[26].

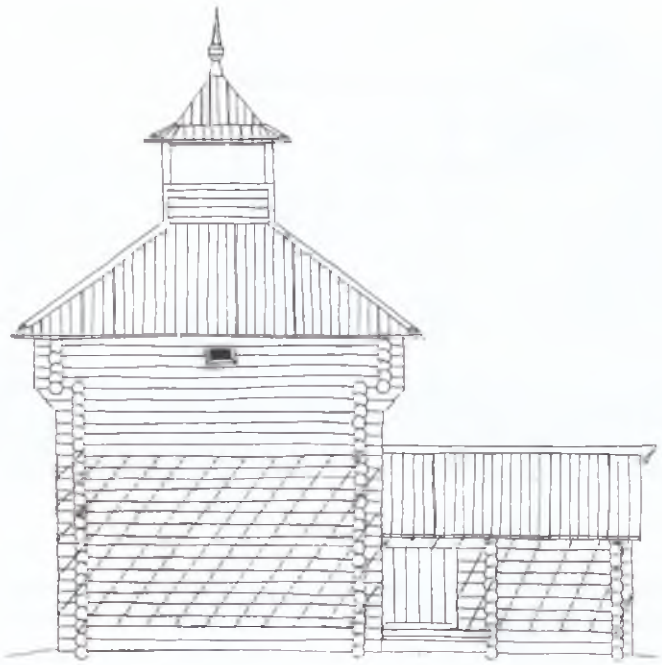

Рис. 9. Башня-зимовье Казымского (Юильского) острога. Северный фасад здания. Реконструкция. Заштрихована сохранившаяся часть сруба.

Рис. 10. Реконструкция башни-зимовья. Разрез интерьера.

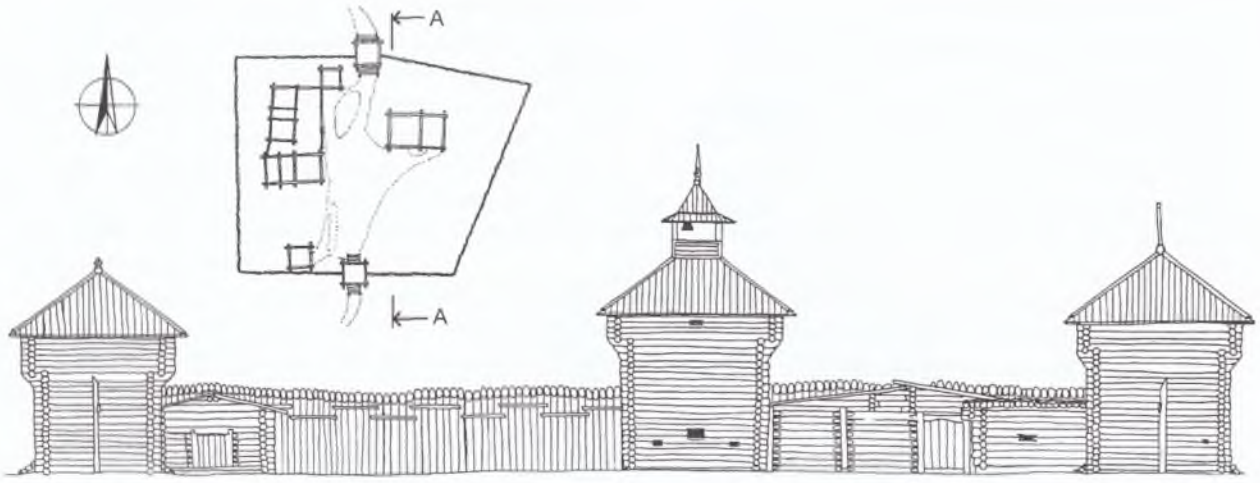

Рис.11. Генплан острога и разрез А – А.

В избе башни, как предписывалось северорусской традицией, печь размещалась слева от входа, в северо-западном углу. Стена напротив входа (восточная) имела три волоковых окна, расположенных традиционным треугольником (среднее окно находилось выше боковых, меньших по размеру). Еще одно волоковое окно располагалось на южной стене для обзора речных ворот острога. Нетрадиционным было в избе расположение полатей. Если обычно они устраивались над дверью, то здесь, судя по врубкам воронцов, полати, Т-образные в плане, перекрывали пространство над окнами и дверью. В северо-западном и юго-западном углах полатей не было. Если их отсутствие в северо-западном углу объясняется расположением печи «по-черному», то в юго-западном, видимо, находилась лестница, по которой можно было подняться на ярус полатей. На первый взгляд, ее наличие представляется вовсе не обязательным, так как в обычной избе на полати попадали без лестниц, однако в нашем случае это было оправданным. Дело в том, что, в отличие от известных башен с жильем, например, Братского острога, в которых нижний жилой этаж был полностью изолирован от боевого верхнего яруса, на который можно было попасть только по наружной лестнице, в башне-зимовье Казымского острога вход на боевой ярус был изнутри. Это следует из ряда фактов. Никто из наблюдателей раннего периода, видевших еще третью башню, ничего не сообщил о наружной лестнице (положим, эта деталь могла исчезнуть) и о непременно бросившейся бы в глаза наружной двери в боевом ярусе. Трудно представить себе, чтобы Шершеневич, отметивший существование разных оконных проемов, не обратил внимание на дверной проем, расположенный на трех-четырехметровой высоте. Кроме того, оценка ситуаций, складывавшихся вокруг зимовий, в расчете на которые они и строились, приводит к убеждению, что в зимовьях ход на боевой ярус, будь то нагородня или закрытый облам, мог устраиваться только изнутри[27].

Рис. 12. Охотник.
Прорисовка со «шторок Шахова».

Часто зимовью приходилось выдерживать осаду, когда нападавшие «секли топорами» его двери и стены, пытаясь проникнуть внутрь. Поэтому одно дело – довольно многолюдный, хорошо огражденный Братский острог, а другое – маленькое зимовье, в котором жили три-пять человек. В таких условиях наружная лестница в зимовье была бы фактором, снижающим его оборонительные качества. Очевидно, что башня-зимовье в центре Казымского острога сохранила традиционную для сооружений этого типа черту – внутренний ход на боевой ярус. Поэтому полати в избе, точнее их часть, расположенная над дверью, были промежуточной площадкой в двухмаршевой лестнице, которая вела с уровня пола на боевой ярус. Разумеется, потолок избы должен был иметь плотно закрывающийся, возможно, утепленный люк, иначе не было смысла устраивать на первом ярусе печь. Боевой ярус башни-зимовья, ее облам, для обеспечения кругового обстрела имел, по крайней мере, четыре бойницы, так же как и проездные башни. Небольших бойниц, предназначенных для ручного огнестрельного оружия, могло быть и больше.

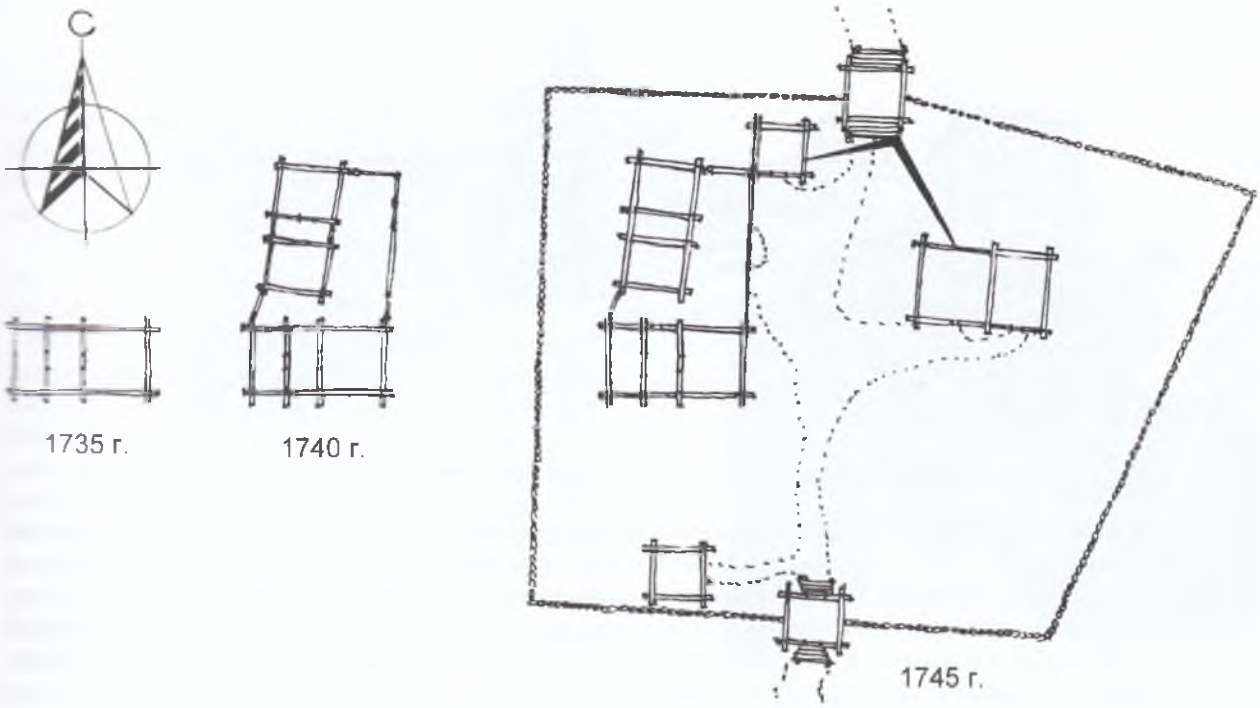

Рис. 13. Развитие Казымского острога. Реконструкция.

Наиболее вероятно, что завершение башни-зимовья было более сложным, чем простая четырехскатная кровля. Постройка двух проезжих башен по оси острога ограничивала обзор местности с каждой из них, что является серьезным недостатком. Поэтому было бы логично предположить, что средняя по расположению в остроге, самая крупная и высокая башня-зимовье могла иметь караульную вышку. Расположение ее в одной из вершин треугольника, образуемого всеми тремя башнями, способствовало обеспечению прекрасного обзора и в направлении реки, протекающей с юга, и сухопутной дороги-зимника, проходившей по береговому валу Казыма с северной части острога. Такой тип смотровой вышки хорошо известен для сибирских городов и острогов XVII в.

Итак, примерно в 1745 г. (по данным дендрохронологии, не противоречащим сведениям, содержащимся в письменных источниках) Казымский-Юильский острог представлял собой огражденную почти четырехметровым стоячим тыном территорию в виде неправильного четырехугольника, приближающегося по форме к трапеции с одним прямым углом, его две проездные башни стояли в продольных стенах, причем одна была обращена к реке, а другая к дороге и к существовавшему здесь в это время хантыйскому селению. Внутри острога, в его северо-западном углу находился комплекс, состоявший из башни-зимовья, вытянутой вдоль западной стены острога избы «со связью», небольшой сторожки, расположенной рядом с северной башней и, возможно, «аманатской избы»-полуземлянки. Кроме того, на территории острога были и другие строения. Это небольшая постройка около южной, речной башни, которая могла быть амбаром для хранения снасти и рыбы, одновременно являясь сторожкой. В восточной стороне, скорее всего, построек было мало или не было совсем. Возможно, эту часть острога предполагалось использовать как торговую площадку и место сбора жителей на случай опасности, скажем, при межродовых конфликтах. Ведь, собственно говоря, одной из причин строительства Казымского-Юильского острога было обострение отношений в первой половине XVIII в. между хантами и ненцами в нижнеобских тундрах, причем нападающей стороной были ненцы[28].

Если принять во внимание это обстоятельство, то обнаруживающееся зонирование острога на восточную и западную половины, в первой из которых должно было укрываться от врагов мирное население, а во второй размещался гарнизон, выглядит вполне логичным. В таком виде и при таком составе построек Казымский острог являлся вполне типичным сооружением русских в Сибири в XVI – XVIII вв. Что касается следов построек, в том числе довольно крупных, прослеженных на территории острога экспедициями 1969 – 1973 гг., то нельзя не предположить их разновременность. Так, например, какие-то следы на земле должны были оставить указанные Дуниным-Горкавичем «4 старые лавки-амбара», по всей вероятности, построенные уже после того, как острог прекратил свое существование. Именно к ним можно отнести следы срубных построек в центре острога

Рис. 14. Постройки Казымского городка. 1745 г. Реконструкция.

и его юго-восточном углу. Представляется несколько поспешной выполненная Н.П. Крадиным реконструкция плана постройки, располагавшейся в центре, как типичной церкви, с трапезой и алтарной апсидой, так как мы не имеем никаких сведений о существовании какого-либо культового строения в Казымском-Юильском остроге, а отсылки Н.П. Крадина к документам о постройке церкви в «селе Казымском» ведут нас, как показала А.А. Люцидарская, не в Юильск, а в устье Казыма, в селение, которое до середины XIX в. называлось Казымским, а затем стало называться Полноват (Полноватское)[29].

Еще одна загадка Казымского – Юильского острога состоит в практически полном отсутствии археологических находок на его территории, в том числе и внутри башни-зимовья. В свое время это неприятно поразило участников экспедиции 1973 г., потративших огромное количество сил и времени на то, чтобы добраться до Казыма, где их, к сожалению, ждал почти лишенный каких-либо существенных находок культурный слой. Однако по нашей реконструкции планировки острога и назначении построек получается, что так и должно было быть. Прежде всего, это объясняется тем, что жильем, по нашему мнению, служила не башня-зимовье, а стоявшая рядом изба-связь. Именно на ее месте, а также, возможно, в квадрате полуземлянки («аманатской избы») можно было бы рассчитывать на находку каких-то предметов быта.

Важно и другое обстоятельство. Методами дендрохронологии установлено, что башня-зимовье построена из деревьев, срубленных в 1738 г., а башни острога появились на семь лет позже – в 1745 г. Следовательно, «ядро» Казымского острога стало обитаемым в самом конце 1730-х гг. А уже в 1751 г. был издан указ, упразднявший все караулы в Березовском уезде, в том числе, очевидно, и в Казымском-Юильском остроге. Таким образом, маленький гарнизон березовских служилых людей (который был не более четырех человек) постоянно находился в остроге около двенадцати-тринадцати лет. Много ли предметов могло попасть в землю за такой короткий срок?

В дальнейшем жилые постройки использовались всего несколько дней в год, при сборе ясака. С одной стороны, это способствовало сохранению построек, а с другой – сводило к минимуму возможность «оседания» в земле каких бы то ни было вещей. Последние же полтораста лет башня-зимовье не использовалась, медленно истлевая и разрушаясь. От этого периода также никаких вещественных осадков не могло образоваться. Из восстановленной истории Казымского-Юильского острога следует, что там, где были заложены раскопы, найти что-либо представляется почти невероятным.

Итак, оказалось возможным объединить на первый взгляд достаточно противоречивые, но, как выясняется в результате анализа, отражающие разновременные состояния построек, описания Казымского-Юильского острога. Острог возник во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. XVIII в. Строительство осуществлялось в несколько приемов: вначале, видимо, на исходе 1730-х гг., было построено укрепленное зимовье, увенчанное башней со сторожевой вышкой, затем в комплекс вошли «аманатская изба» и избушка, далее, скорее всего в 1745 г. вокруг зимовья поставили тын с двумя проездными башнями. После 1751 г. острог утратил функции укрепления, но до начала XX в. его площадка использовалась как место ярмарочного сбора. За это время на территории острога создавались, ветшали и разрушались несколько «поколений» жилых и хозяйственных построек, остатки которых до начала 1970-х гг. проступали на поверхности земли. К счастью, местные жители более двух столетий не прикасались к башням острога и за все это время не случилось лесного пожара. Сейчас проездные башни восстановлены в музее под Новосибирском, для башни-зимовья сделаны графические реконструкции.

Закончив с обсуждением проблем Казымского-Юильского острога, связанными с его материальными, вещественными остатками, перейдем к загадкам, так сказать, идеальным. Если до сих пор мы могли позволить себе не выходить за пределы стен острога, то теперь нам придется обозревать сразу едва ли не всю территорию Западной Сибири, по крайней мере, ее таежно-тундровую зону.

Загадка, которую надо решить, формулируется так: сколько было Казымских и – отдельно – Юильских городков? В основе ее лежит проблема освоения и заселения Северной Сибири, условно говоря, «русскими» (почему приходится прибегать к условностям, станет понятно из дальнейшего). С названием «Казымский» как будто бы особенных затруднений не встречается. Селения или укрепления, называемые «Казымскими», должны были быть «привязаны» к источнику названия – р. Казым. Мы уже упоминали с. Казымское, позднее названное Полноватским, расположенное на Оби близ устья Казыма. Кажется достаточно обоснованным такое предположение А.А. Люцидарской: «...не было ли поселения с аналогичным названием на месте современного райцентра (?) Казым... или в другом месте по берегу р. Казым»[30].

Рис. 15. Южная башня Казымского острога в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН. Новосибирск. Фото 1992 г.

В то же время известно, что во второй половине XIX – начале XX в. улус Казымский или юрты Казымские существовали за много сотен верст от Казыма – на Нижней Оби, почти у самого ее перехода в Обскую губу. Конечно, это можно попытаться (чисто гипотетически) объяснить переселением какой-то группы аборигенов с Казыма в Обское устье. Однако, как видим, даже, казалось бы, прочно «привязанное» к географическому объекту – реке – название может переместиться в самом неожиданном направлении и на внушительное расстояние, надежно закрепиться на новом месте: поселок Горноказымск и сейчас находится на правом берегу Оби близ ее устья.

Со вторым названием острога – «Юильский» – все обстоит более проблематично. Прежде всего, достоверно установлено, что между XVI и XVIII вв. восточнее Северного Урала существовали по меньшей мере два острога, носившие это название. Первый из них находился на р. Сыгве, впадающей в Северную Сосьву близ восточной части Урала. Позднее р. Сыгва стала именоваться Ляпин, под этим названием она известна и сейчас. На устье этой реки, при впадении ее в Сосьву, находился Ляпинский острог, своей планировкой и архитектурой очень близкий Казымскому-Юильскому. По-видимому, они и построены были одновременно. Что касается Юильского-Сыгвинского острога, то его месторасположение остается до конца не выясненным, во всяком случае, речь идет о верховьях Сыгвы.

З.П. Соколова, опираясь на установленные ею факты массового переселения хантов в конце XVII – начале XVIII в. с Сосьвы на Казым, полагает, что мы имеем дело с простым переносом привычного названия переселенцами[31].

Полностью отбрасывать этот мотив, конечно, нельзя, но только ли одной привычкой объясняется появление названия «Юильский» на Казыме? Исторической топономастикой установлено, что переносу при переселениях хорошо поддаются те названия, которые либо понятны для переселяющихся (т.е. имеют определенное значение в их языке), либо настолько привычны, что при всей непонятности стали фактом языка переселенцев. И в том, и в другом случае переносимое название не подвергается изменениям. В нашей же ситуации все обстоит иначе. Во-первых, слово «Юильск», или точнее «Юил», не является ни хантыйским, ни мансийским и не поддается столкованию на этих языках. Во-вторых, на что в свое время обратила внимание А.А. Люцидарская, известны местные изменения названия «Юильск» – «Июльский городок», «Юльевский городок», а также близкий топоним «Чуильские юрты»[32].

В первых двух случаях наблюдается переименование непонятного названия под привычные слова русской речи, а в последнем возникает аналог местной обской лексике. Значит, слово «Юил» и, соответственно, название «Юильск» воспринималось как русскими, так и обскими уграми чужеродным, не входящим в традиционный топонимический фонд. Для сравнения можно привести тот факт, что никто не знает, на каком языке и что могут значить слова «Москва», «Казань», «Тамбов» и пр., но в районах переселений мы найдем множество

Рис. 16. Старое русло реки около Казымского острога. 1974 г.
Фото Н.П. Крадина.

«Московок», «Казанок», «Тамбовок». Основа топонима при этом не изменяется, что свидетельствует о полном восприятии русской географической лексикой когда-то и откуда-то заимствованных названий.

Этимология слова «Юильский» не находит своего объяснения ни в русском, ни в местных обских языках. В то же время, это слово – «Юильск», не было в низовьях Оби чем-то совсем чуждым. Оно благополучно просуществовало несколько сотен лет (самое раннее из сохранившихся документальных свидетельств относится к 1580-м гг.), являясь названием по меньшей мере двух географических объектов. Кто мог дать это название? Так как обские угры и ненцы как возможные авторы исключаются, то оказывается необходимым расширить круг поисков. В языках сибирских тюрок слово «Юил» также не имеет аналогий. Другими проживавшими рядом с регионами Нижней Оби были коми, широко расселившиеся в таежной зоне Приуралья и издавна контактировавшие с обитателями западносибирской тайги. Именно в языке коми обнаруживаются точные соответствия слову «Юильск (Юил) », имеющие ясный смысл. «Ю» – самая распространенная в языке коми форма слова со значением «река». «Ил», точнее «йы/л/в» – вершина, в том числе и «верховье реки». Итак, «Ю»+«йыл» – верхоречье. Слово с таким значением хорошо соотносится с географической реальностью в отношении Юильского острога на Сыгве-Ляпине, так как если Ляпинский острог стоял в устье реки, то Юильский мог находиться только в верхнем течении.

Также хорошо обнаруживается соответствие с исторической реальностью: именно здесь, по Щугору с перевалом на Сыгву-Ляпин шел один из наиболее известных путей в Сибирь, носивший название Зырянский, он же Русский Тес[33], в котором закрепилось название северных коми – зыряне. Как уже говорилось, связи культур в пределах таежной зоны Евразии прослеживаются на материале археологических изысканий со времен неолита. Особенно активизируются связи между Приуральем и Западной Сибирью в последнее тысячелетие, когда установились торговые пути по Волге, Дону, Днепру, и по ним на юг и запад во все возрастающих количествах доставлялась северная пушнина.

Широко известны торговые и военно-торговые экспедиции новгородцев и ладожан «в Югру», менее распространены сведения о том, что новгородцы шли на Урал и в Зауралье совместно с «пермичами», предками нынешних коми. Сами «пермичи» проложили путь в Сибирь еще задолго до возникновения Новгорода. Вещественные следы этого движения коми в Сибирь в X – XV вв. в изобилии представляют археологические раскопки на берегах Оби и ее притоков. Исключительно показательны в этом отношении находки близ нынешнего с. Перегребное, расположенного на Оби, южнее устья Казыма. Здесь обнаружено целое долговременное селение, жители которого принадлежали к так называемой родановской культуре, распространенной в Верхнем Прикамье, т.е. на родине коми. Некоторые детали находок позволяют утверждать, что в укрепленном валами и, вероятно, тыном поселении, которое датируется XII в., вместе с коми-родановцами жили русские[34].

Таким образом, пермско-уральское население за много столетий до Ермакова похода открыло Сибирь для Европы и активно осваивало Зауральский край. Выйдя на Обь, коми и русские промысловики и торговцы пушниной пытались проникнуть как можно дальше, в края, где намного позже стала знаменитой «златокипящая

Мангазея». Безусловно, они должны были обратить внимание на исключительно благоприятные возможности, которые представляла по р. Казым – единственный приток Нижней Оби, долина которого ведет прямо на восток. Продвинувшись до истока Казыма, коми и русские первопроходцы обнаружили, что отсюда, от оз. Нум-то, открываются речные пути сразу во всех возможных направлениях: на север уходил Надым, на юг и юго-восток – Пим и Тром-Еган, на восток и северо-восток – Пур, своими притоками переплетавшийся с притоками Таза. Понятно, что промысловики обязательно должны были использовать этот путь, уводивший далеко на восток, в конечном счете, на Енисей и по Нижней Тунгуске – на Вилюй и Лену.

Рис. 17. Ловля рыбы неводом на Оби. Прорисовка со «шторок Шахова».

Близ устья Казыма существовали опорные пункты для промысловых экспедиций, по крайней мере, одно из городищ обнаружено археологами. Обязательно должна была быть создана подобная опорная база в виде, скорее всего, укрепленного городка, в верховьях Казыма, близ оз. Нум-то, обеспечивавшая остановку перед переходом волоками на одну из указанных ранее сибирских рек. Название свое такой городок мог получить просто по своему месторасположению – «городок в верховьях (Казыма)», «Верхореченский городок», т.е. на языке коми – «Ю-йыл (-кар)», «Ю-йыл (-сикт)», «Юильский городок». Следовательно, из высказанных ранее предположений о времени и месте возникновения Юильского городка на Казыме оказывается наиболее соответствующей топонимическим данным версия В.Н. Кочедамова. Он пытался соотнести дату строительства Юильского городка с известными из летописей походами русских воевод «в Югру» на рубеже XV и XVI вв., а место первого Юильского городка на Казыме определял интуитивно в верховьях реки[35].

Исходя из других соображений, считая коми предшественниками собственно русских землепроходцев (кстати, среди последних значительную часть составляли «зыряне», т.е. северные, вычегодские коми), мы обнаруживаем вероятное расположение Юильского-Казымского городка там же, близ оз. Нум-то, но расходимся с Кочедамовым относительно даты. По нашему мнению, первый Юильский городок на Казыме возник еще в XII – XIII вв. как опорная база на пути торгово-промысловых экспедиций вглубь Западной Сибири.

Можно ли установить другие, дополнительные свидетельства того, что в период, предшествующий официальному, так сказать юридическому присоединению Сибири к Русскому государству, в Нижнем Приобье было велико значение пермскоязычного коми населения? Археологически Казым до сих пор остается почти неизученным[36].

Остается обратиться вновь к данным топонимики. Оказывается, традиционная хантыйская топонимика именно на Казыме обнаруживает прямые заимствования из языка коми. Прежде всего, именно здесь наблюдается «вклинивание» распространяющегося с запада, от Урала, ареала типичного коми названия «кар». Сравним названия двух городов коми Сыктывкар и Кудымкар и двух известных по историческим документам городков в Казымской волости – Кельчикар и Черикор. «Кар» на языке коми – «город», раньше, естественно, значение этого слова было ближе к понятию «крепость». По-хантыйски «город», «городище» обозначается словом «вош/ч/». Это слово также восходит к слову коми «водж», сохранившемуся к настоящему времени только свое узкое значение «ез» – запор на реке для ловли рыбы, а ранее, видимо, обозначавшему «частокол, ограда». В названии реки, протекающей близ острога, присутствует именно этот элемент – Ун-Вош-еган, в буквальном переводе «Большой-город-река». Некоторая «корявость» названия настораживает: не попытка ли это освоить изначально чужое слово? Отбросим несомненно хантыйское «еган» (река), остается «Ун-вош» («большой город»). Учитывая уже определившееся направление поисков аналогий – язык коми, сразу приходим к «Лун-вож», где «вож» – «приток, ответвление, развилка», а «лун» – «юг, южный». Получается совершенно логично, так как река, впадающая в Казым с юга, вполне могла получить такое название – «южный приток», «Лунвож». Такое название встречается в топонимике коми: Лунвож – приток верхней Печоры, близ Шугора, которым шел, как уже говорилось, «Русский-Зырянский тес» – путь в Сибирь. Любопытно, что «лун (г)», в том же значении «юг, южный» усвоен именно казымским диалектом хантыйского языка, но слово «вош» (хантыйскому свойственно оглушение звонких согласных) утвердилось в значении «город, городище», а не «приток». Название «лун вош» – «южный город», да еще применительно к реке, разумеется воспринималось бы странно,

Рис. 18. Охотник стреляет в белку из лука. Прорисовка со «шторок Шахова».

поэтому произошло свойственное языку осмысление названия, в результате которого из «лун вош» получилось «(л) Ун-вош-еган», что хотя и коряво (отсутствует суффиксное согласование), но зато понятно именно по-хантыйски.

С присоединением Сибири к Российскому государству Юильский городок на Казыме не мог не привлечь к себе внимание воевод и служилых людей, создававших в новоприсоединенном крае опорные пункты для организации функций управления, прежде всего, с целью объясачивания коренных насельников. Продвижение к Мангазее не могло оставить в стороне Юильска-на-Казыме, при учете выявившегося в новых условиях стратегического значения городка. Поэтому более чем вероятно, что Казымский-Юильский городок был перестроен в русский острожек около 1600 г., в пределах первого десятилетия XVII в. В публикациях такая точка зрения, правда весьма расплывчато, уже высказывалась, например, в неоднократно уже упомянутой нами «Памятной книжке Тобольской губернии за 1884 г.» основание Казымского-Юильского острога связывается с «восстанием инородцев» «после заложения Березова». Известно, что царским воеводам пришлось столкнуться с вооруженным сопротивлением уже при основании Мангазеи в 1600 г. (в организации сопротивления воеводы подозревали участие промышленников-зырян, давно обосновавшихся в здешних местах и не склонных попадать под власть и налоги со стороны московской администрации). В 1607 – 1609 гг. на фоне смуты в Московском государстве весь Обской Север был охвачен волнениями обских угров и ненцев. Возможно, что неспокойно было в этих краях уже с 1590-х гг., со времени основания Березовского города и установления московской власти и взымания ясака в Нижнем Приобье, одновременно шло продвижение русских служилых людей и воевод на Среднюю Обь, регион, селькупское население которого было тесно связано с обитателями бассейна Таза, где селькупы примерно с этого времени стали активно расселяться, уходя с Кети и Тыма. Короче говоря, положение в северной части Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. было весьма нестабильным, и создание военно-административных центров на месте «городков» коренного населения документально подтверждается, в том числе и в Юильском-на-Сыгве городке.

Поэтому мы полагаем, что второй Юильский-на-Казыме городок, уже в виде острога как военно-административного центра, был построен именно в этот период. Вероятно, свое местоположение Юильск при этом не изменил, по-прежнему находясь в верховьях Казыма.

Что касается последнего Юильского городка, известного по описаниям XIX в. и исследованного экспедициями 1968 – 1973 гг., то его возникновение точно датировано дендрохронологически и относится к 1730 – 1740 гг. К этому времени обстановка в западносибирской тайге и тундре существенно изменилась. Еще во второй половине XVII в. запустела и была оставлена Мангазея. Торговые пути сместились на юг, на сухопутный Московский (Иркутский) тракт или на среднее течение Оби. Падение значения пушного промысла и возрастание экономической роли обских рыбных промыслов вызвали переселение хантыйского населения к Оби, а в лесотундре и северной тайге стали расселяться ненцы, вытесняя уменьшившееся угорское население.

Основной конфликт сосредоточился именно в отношениях между хантами и манси, с одной стороны, и ненцами – с другой. В первой половине XVIII в. «масла в огонь» добавила поспешная повальная христианизация обских угров, после чего угорско-ненецкие трения приобрели идеологическую окраску борьбы православия с язычеством. В 1730-е гг. была предпринята попытка, как сказали бы сейчас, «ввести миротворческие силы в район конфликта».

Для их размещения, видимо, и были построены дошедшие до наших дней Ляпинский острожек на Сосьве и его архитектурный аналог – Юильский острожек на Казыме. При этом Юильский-на-Казыме острог, сохранив название своего предшественника (который скорее всего запустел одновременно с Мангазеей, т.е. еще в XVII в.), переместился вниз по Казыму в устье реки, называемой сейчас Ун-Вош-Еган, поскольку именно в этих местах проходила условная граница между расселением хантов и ненцев, утвердившихся к тому времени

Рис. 19. Стрелец. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

в лесотундре верховьев Казыма. Показательно, что с переносом острога название его не только сохранилось, но и осталось понятным казымским хантам. Свидетельство этому содержится в книге А. Дунина-Горкавича, в которой Юильский городок связывается с «Вершинскими юртами». Если обратить внимание на географию нынешнего Юильска, то становится ясно, что до любой «вершины», т.е. горы, от этих мест – сотни верст. Поэтому название «Вершинские» нужно толковать исключительно как перевод названия «Юильск».

Место, где был расположен третий и последний Юильский-на-Казыме острог, было издавна освоенным и заселенным. Скорее всего, обнаруженное рядом с острогом городище[37] имело в свое время отношение к тому же Казымскому пути на Мангазею и в Сургут, узловой пункт, на котором фиксировался первый Казымский-Юильский городок. Ко времени строительства острога на гриве между протокой Ун-Вош-Егана и Казымом существовало хантыйское селение, а острог стал как бы его составной частью, превращая само селение по структуре в традиционную для русских форму поселения.

Жилые постройки располагаются вокруг «кремля», укрепленной части, служащей для укрытия населения во время военной опасности и являющейся воплощенным символом российской государственности. Менее, чем десять лет спустя, в начале второй половины XVIII в. маленький гарнизон березовских служилых людей был выведен из острога, а в конце XVIII – начале XIX в. запустело и примыкавшее к острогу селение. Впрочем, это запустение было далеко не абсолютным. При всей обширности просторов таежно-тундровой зоны, удобных мест для поселения охотников и рыболовов относительно немного. Поэтому несколько приподнятая над болотистой равниной (на 10 – 15 м) грива левого берега Казыма всегда была заселена. Отдельные жилища и небольшие селения передвигались на новое место, находившееся на некотором расстоянии от старого. Причины были чисто природного характера: в одном месте протока обмелела, а в другом – река размыла наносы и возникли богатые рыбой плесы, один участок леса состарился, в нем стало меньше зверя, зато другой участок, находящийся на когда-то образовавшейся гари, проходил в это время стадию максимального изобилия кормовых ресурсов и закономерным большим количеством зверья. Во всяком случае, окрестности Казымского-Юильского острога полны остатками старинных хантыйских жилищ, а в начале XX в. поблизости, севернее мысового городища, располагался поселок Юильск. В наши дни он переместился вверх по Казыму, но в общем, по местным масштабам, не вышел за пределы того же микрорайона.

Такова наша версия происхождения, истории и архитектурного облика Юильского-на-Казыме городка-острога. Как можно заметить, мы старались с как можно большим доверием отнестись ко всем описаниям состояния острога в прошлом, полагая, что никто из писавших о своем впечатлении от Юильского острога не стремился ввести своего читателя в заблуждение. Просто каждый наблюдатель видел и полагал достойной быть отмеченной какую-то одну, наиболее яркую деталь. Оказалось, что при внешней противоречивости источников содержащиеся в них сведения вполне можно совместить, связать с реальными остатками строений, дошедших до наших дней.

Что же касается происхождения Юильского городка, то опять-таки правы все – и те, кто возводил его основание к доермаковскому этапу освоения Сибири, и те, кто приводил точную датировку – 1730-е гг. Речь при этом, как выясняется, шла о разных стадиях существования укрепленного пункта на Казыме. Возникнув между XIII и XV вв. в верховьях реки, он продолжил свое существование в XVIII – XIX вв. ниже по течению. Преемственность при этом, очевидно, заключалась не только в переносе названия, но и в сохранении основных черт архитектурного облика, чем и объясняется тот факт, что постройки Юильска, реально срубленные в послепетровскую эпоху, казались принадлежащими более раннему периоду, повторяя типологические черты русских укрепленных поселений более раннего периода. Традиции возведения сооружений оборонного зодчества были достаточно устоявшимися и признанными, на новоосваиваемой территории они обеспечивали выработанную веками возможность эффективно выполнять функции, присущие этому типу зданий: оборонную, защитную, складскую, жилую, а в символическом плане – установление привычных форм русских поселений и как следствие, утверждение российской государственности.

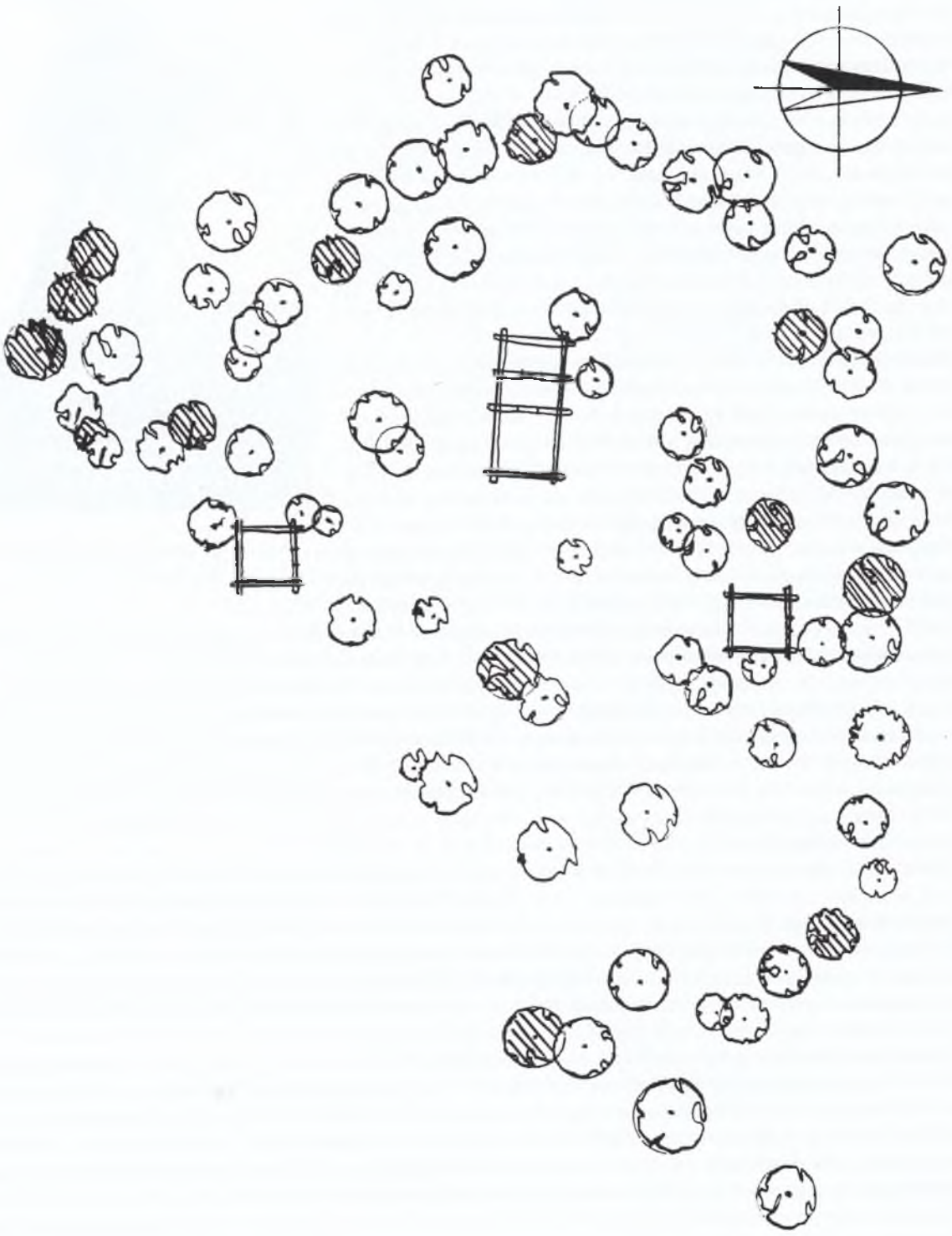

Рис. 20. Ситуационный план Казымского острога. 1969 г.

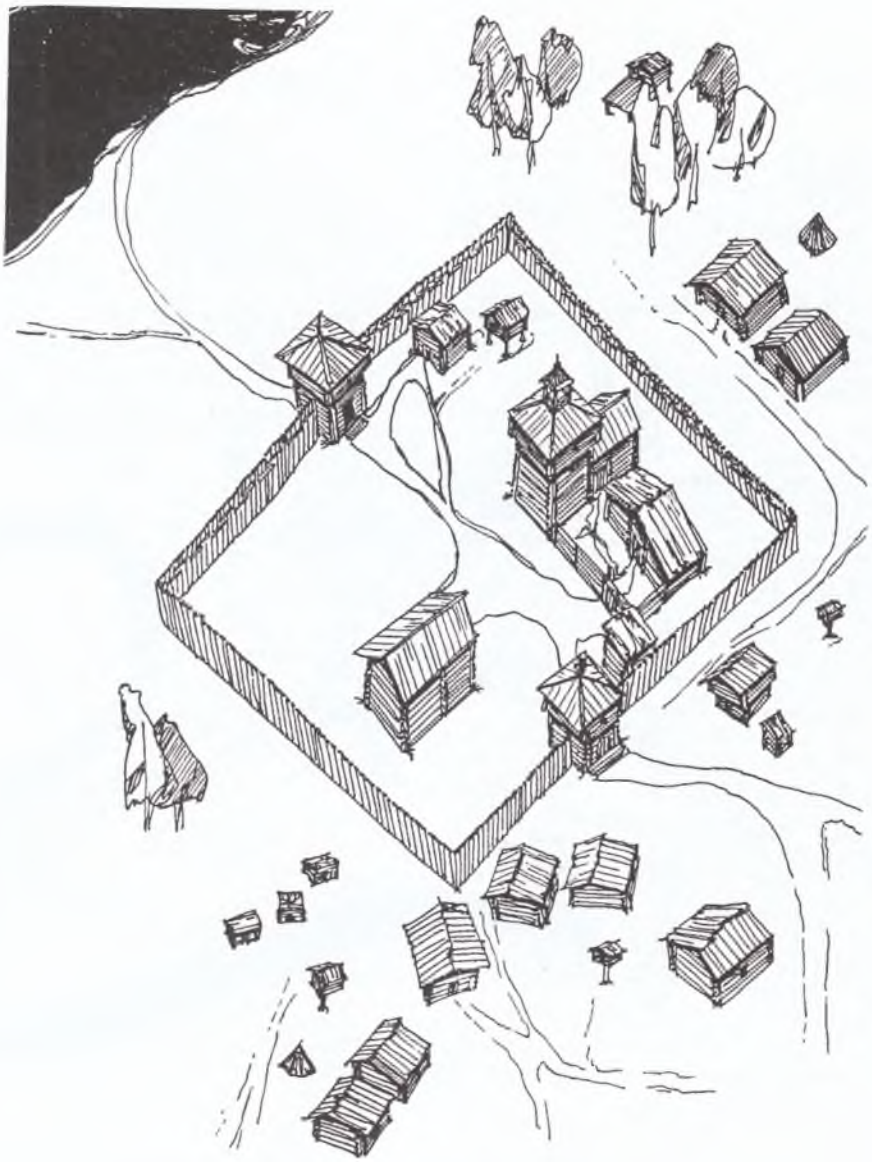

Рис. 21. Казымский (Юильский) острог. Реконструкция.

Рис. 22. Генеральный план Казымского (Юильского) острога.
Реконструкция Н.П. Крадина.

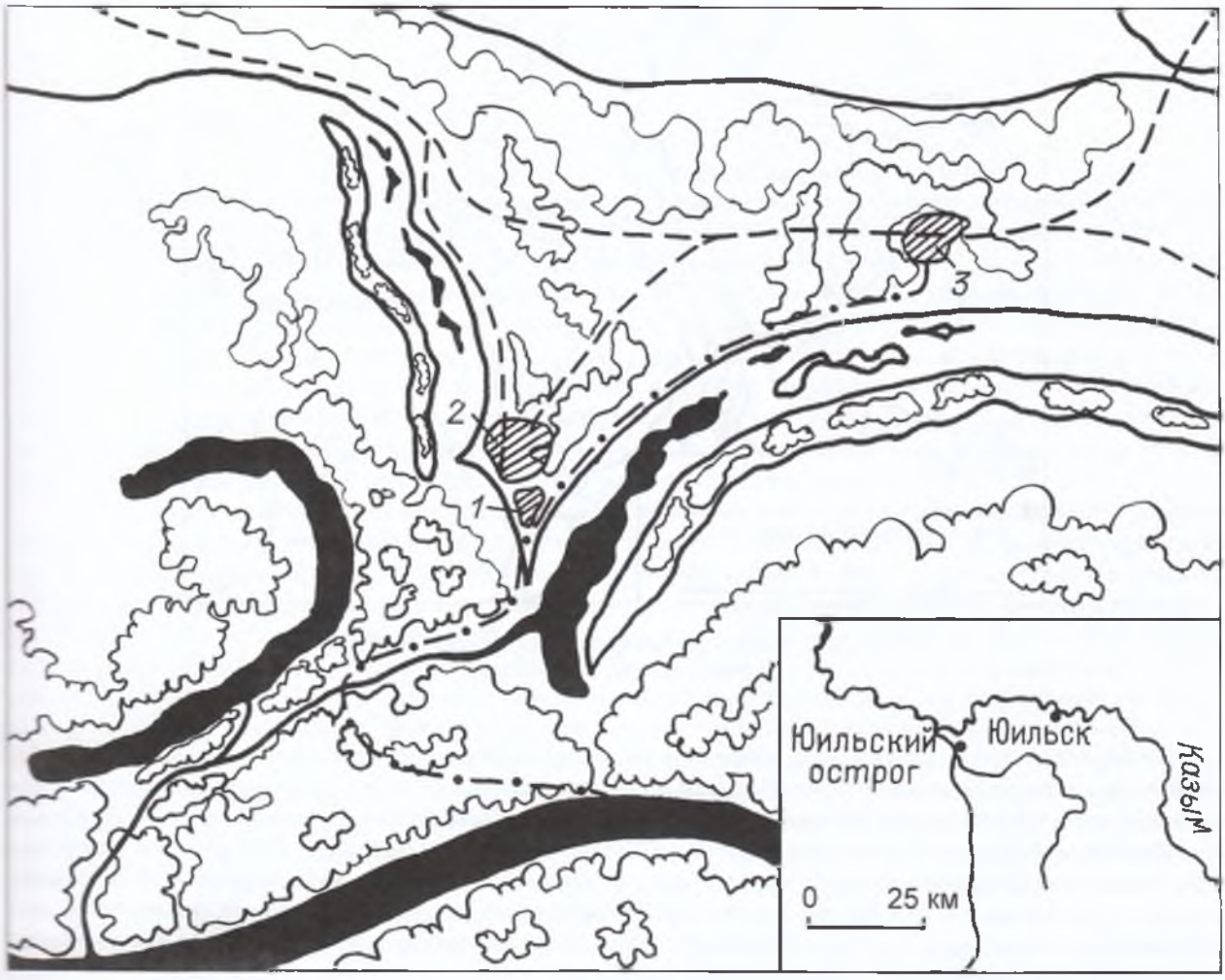

Рис. 23. Ситуационный план расположения Казымского (Юильского) острога. (См. Крадин. – С. 105).
1 – остатки городища; 2 – развалины старого Юильска; 3 – острог

Рис. 24. Схема расположения первых сибирских острогов.
Гипотеза В.И. Кочедамова.

В результате проведения анализа, выявилось дополнение к истории Юильского городка в виде связи его раннего этапа существования с проникновением в Сибирь задолго до присоединения ее к Русскому государству пермского населения, предков нынешних коми. «Зырянские» промысловики и торговцы, уже в самые ранние времена действовавшие совместно с древними славянами, были как бы передовым отрядом землепроходцев. Поражающая историков стремительность продвижения русских в Сибирь в XVII столетии во многом объясняется тем, что последователи Ермака шли по уже проторенным путям, на которых стояли зимовья и городки. Одним из таких «зырянских» укреплений на путях вглубь Сибири и был первый Юильский-на-Казыме, «Верхореченский» в точном переводе с коми, городок.

Глава 2. Храм

Во второй половине XX в. стало окончательно ясно, что по-настоящему старинных общественных (прежде всего, культовых) деревянных зданий в Сибири как будто бы уже нет. Легко понять тот восторг, с которым было встречено «открытие» на Крайнем Северо-Востоке, на обезлюдевших берегах Индигирки деревянной шатровой церкви. Последнее строение, уцелевшее на месте исчезнувшего полтора века назад крохотного городка Зашиверска, выглядело так, как если бы его перенесли в наши дни прямо из XVII столетия. Разумеется, уникальный, единственный на все Зауралье памятник нужно было спасать от превратностей судьбы. Два года продолжались исследование и вывоз памятника. Наконец, в 1972 г., после разных приключений (часть из которых сдержанно и, скажем так, оптимистически описана участниками экспедиций в книге «Древний Зашиверск»[38]) церковь была доставлена в Новосибирск. Прошло еще полтора десятка лет, и церковь из Зашиверска была восстановлена в Музее под открытым небом.

И вот тут начались загадки, точнее они начались много раньше, но теперь, когда хлопоты и заботы о самом памятнике отошли в прошлое, стали выходить на первый план. Одной из них является название церкви. По имеющимся документам XVIII – XIX вв. церковь из Зашиверска именуется как освященная во имя Всемилостивого Спаса Нерукотворного Образа, но в последние годы за церковью установилось именование Спасо-Преображенской или Спасо-Зашиверской. В общем-то, если говорить о церкви как о памятнике архитектуры, ее название не столь уж важно. Однако, наименование Спасо-Зашиверская, получившееся соединением посвящения церкви с названием населенного пункта, в котором она находилась, несколько настораживает, так как не отвечает традициям названий русских православных храмов. Возможно, одним из немногих исключений является Москва с ее ближайшими окрестностями, где было если не «сорок сороков», то близко к тысяче церквей и соборов, которым просто приходилось присваивать топографические названия, но в более строгой форме: церковь в такое-то имя «на/в» таком-то месте, например, Вознесения в Коломенском, Покрова в Филях, Георгия на Всполье. Разноголосица в названии церкви стала как бы символом проблем, которые обнаруживаются, если приглядеться внимательно и к самому зданию, и к документам, в которых церковь упоминается.

Итак, попробуем в хронологической последовательности изложить факты, относящиеся к церкви города (вначале – острога) Зашиверска на Индигирке. В основном будем следовать (за некоторым исключением) капитальной книге «Древний Зашиверск». Представляется необходимым сделать тщательный анализ всех имеющихся письменных, графических источников, результатов археологических раскопок и натурного обследования восстановленного здания, используя весь комплекс разнообразных данных.

Зашиверск, вначале как зимовье, а позднее как острог, упоминается в документах с середины XVII в., но в довольно подробном описании строений острога, существовавших в 1668 г., церковь отсутствует[39].

На чертежах Семена Ремезова, составленных в конце XVII – первых годах XVIII в., Зашиверский острог показан значком, включающем в себя профиль церкви, но одно это не может служить полным доказательством существования ее в тот период, так как точно такими же значками показаны на его чертежах все остроги Сибири[40].

Затем следует тридцатилетний перерыв, от которого до нас не дошло ни одного упоминания о Зашиверске. Всплеск сведений приходится на 1730-е гг. Наиболее ранние упоминания Зашиверска были в материалах, отложившихся в так называемых «портфелях Миллера»[41]. Г.Ф. Миллер, один из замечательных российских историков, совершил в 1730 – 1740-е гг. грандиозное путешествие по Сибири, собирая документы по истории края. В те отдаленные места, куда он не смог попасть сам, он отправлял официальные запросы, требовавшие

Рис. 25. Спасская церковь из Зашиверска в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН. Новосибирск. 1992 г. Фото А.Ю. Сидоровой.

Рис. 26. Зашиверск в XVIII в.
(из книги Биллингса «Voyage dans le Nord de la Russie asiatique...» – Paris, 1802).

Рис. 27. Спасская церковь с колокольней. Фото 1930-х годов.
(См. *А.П. Окладников, З.В. Гоголев, Е.А. Ащепков* «Древний Зашиверск», Новосибирск, 1977 (Далее – ДЗ). – С. 16).

представить описания населенных пунктов, их современного и прошлого состояния. Ответы приходили с разной степенью исправности и полноты сведений.

О Зашиверске в архиве Миллера сохранилось буквально несколько строчек, в которых указано, что в остроге было двое ворот, несколько стволов огнестрельного оружия, но о церкви же никаких упоминаний нет. Зато в записках другого участника той же Великой Северной экспедиции Якоба Линденау Индигирский (Зашиверский?) острог характеризуется как довольно значительное укрепление, с гарнизоном в 35 служилых людей и со Спасо-Преображенской церковью[42].

Сохранился и третий, для нас едва ли не важнейший документ, точно датированный 1735 г., о выборе и определении к церкви Спаса Нерукотворного Образа Зашиверского острога священника Слепцова (основателя династии Слепцовых, бывших священнослужителями церкви в Зашиверске до последних дней ее существования как храма)[43].

Затем вновь следует полувековой перерыв, в течение которого никаких документов не найдено. Конец 1760-х гг. оставил нам первое изображение Зашиверска и его церкви в двух рисунках художника Л. Воронина, участника экспедиции Сарычева-Биллингса по северо-востоку Сибири[44]. На рисунках заметное место занимает изображение церкви и колокольни. С одного из рисунков была снята копия, практически во всем подобная оригиналу, имевшая, однако, несколько большую деталировку изображения и опубликованная в начале XIX в. в Париже в книге о путешествии Биллингса[45].

1797 г. датирован документ, содержащий перечень отапливаемых строений Зашиверска, но в нем церкви нет. Зато в следующем, 1798 г. церковь четко обозначена на плане города, известном в двух копиях: одна подписана иркутским губернским землемером Яковом Федоровым, другая – состоящим в той же должности Турчаниновым. Учитывая, что Я. Федоров состоял в должности губернского землемера в 1790-х гг., а уже в 1805 г. на это место был назначен А. Лосев, мы можем датировать федоровскую копию 1798 – 1800 гг., а турчаниновскую – интервалом между 1800 – 1804 гг., скорее даже последним из этих годов, поскольку на заголовке плана Зашиверск не назван «уездным» городом, в то время как перенос администрации из Зашиверска в Верхоянск состоялся в 1804 г.[46] Планы идентичны за исключением одной детали, обсуждение которой будет далее.

Прошло еще два десятилетия, и в начале 1820-х гг. Ф. Матюшкин, участник экспедиции Ф. Врангеля, зарисовывает то, что осталось к тому времени от Зашиверска, в том числе и церковь с колокольней. В середине 1830-х гг. здание церкви было обследовано комиссией, впечатляюще описавшей то печальное состояние, в котором находилась постройка[47].

Затем прошло еще полвека, и в 1888 г. верхоянский благочинный иерей А. Бердников составил описание руины Зашиверской церкви, к тому времени уже тридцать лет как переставшей быть храмом.

Проходит еще полвека, в начале 1930-х гг. Зашиверская церковь впервые фиксируется на фотопленке. Известны две фотографии общего вида церковного ансамбля с колокольней, снятые с юго-запада и северо-востока.

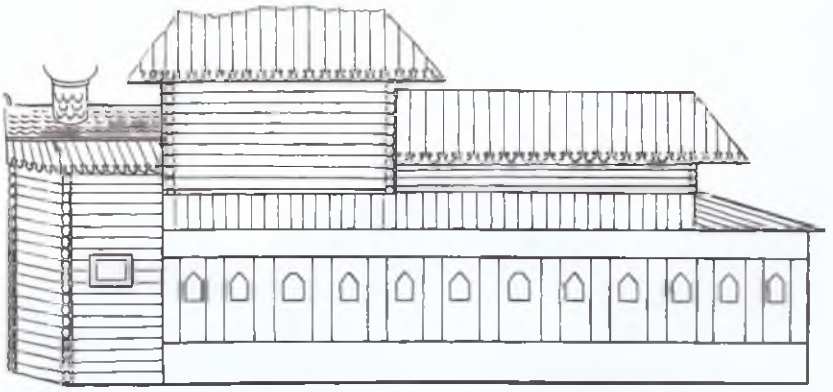

Рис. 28. Зашиверская церковь.
Северный фасад. Рис. А.П. Бердникова. 1888 г. (См. ДЗ – С. 95).

Еще через сорок лет, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Зашиверск, наконец становится местом работы нескольких научных экспедиций, последняя из которых, в 1971 г. разбирает строение церкви и остатки колокольни и перевозит их в Новосибирск. Здесь, как уже упоминалось, Зашиверская церковь в 1980-х гг. реконструируется. Материалы этих экспедиций представляют собой самый обширный корпус сведений о Зашиверске и его церкви.

Итак, впервые в аутентичном документе существование церкви в Зашиверском остроге отмечается в 1735 г. Описания церковного строения в документе нет, но указано именование церкви – Спаса Нерукотворного Образа и то, что церковь построена «в давних летах», но не действовала, так как не было священника. Как известно, местная легенда, бытовавшая еще в XIX в. и отразившаяся в книге архиепископа Иркутского Нила (начало 1840-х гг.)[48], затем в «Метрике» А. Бердникова, и утвердившаяся в популярной литературе, датирует построение церкви с поразительной и подозрительной точностью – 1700 г. Если это так, то получается, что до определения в церковь А. Слепцова в 1735 г. здание церкви простояло «без дела» треть века. Это представляется невероятным по двум соображениям.

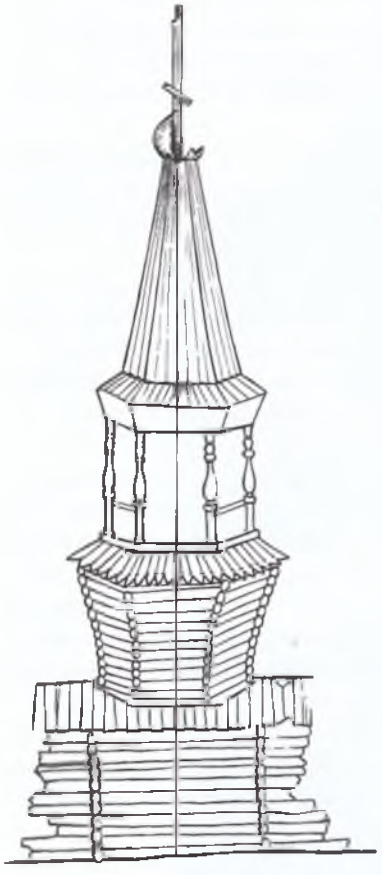

Рис.29. Общий вид колокольни.
Рис. 1888 г. по обмерам
А.П. Бердникова. (См. ДЗ – С. 87).

Во-первых, мы хорошо знаем, как быстро ветшает и разрушается деревянное строение, которое не используется по назначению. Для того чтобы церковь простояла, как говорилось в те времена, «без божественного пения» с 1700 по 1735 г., нужно было совершенно уникальное отношение к зданию местных жителей, неизвестное более нигде в России XVI – XIX вв.

Во-вторых, – и это кажется еще более важным – выглядит совершенно невероятным, чтобы церковные власти в продолжение трети века не озаботились заброшенностью храмового здания. Возможно, что в отдаленные от нас времена, в XIV или XV в., церковь можно было построить простым решением группы местных жителей, что, однако, было совершенно неканоничным и в те времена. Но на рубеже XVII и XVIII столетий это было совершенно невероятным. По крайней мере, со второй половины XVII в. в Восточной Сибири политика церковного строительства была полностью в руках церковной власти. Архиереи давали разрешение не только на постройку церкви, но и на заготовку леса для нее[49] только после тщательного выяснения всех обстоятельств предполагаемого функционирования храма. Прежде всего, церковные власти интересовались возможностью материального обеспечения клира «ругой» – местным налогом или, что их устраивало гораздо больше, «государевым жалованием» (с начала XVIII в. речь уже шла о «казенном жалованье», что не меняло сути дела). Основной смысл контроля за церковным строительством духовная власть видела в том, чтобы не допустить появления неиспользовавшихся церквей, справедливо полагая, что церковь, в которой не совершается богослужение, превращается из святого храма в поругание православной веры.

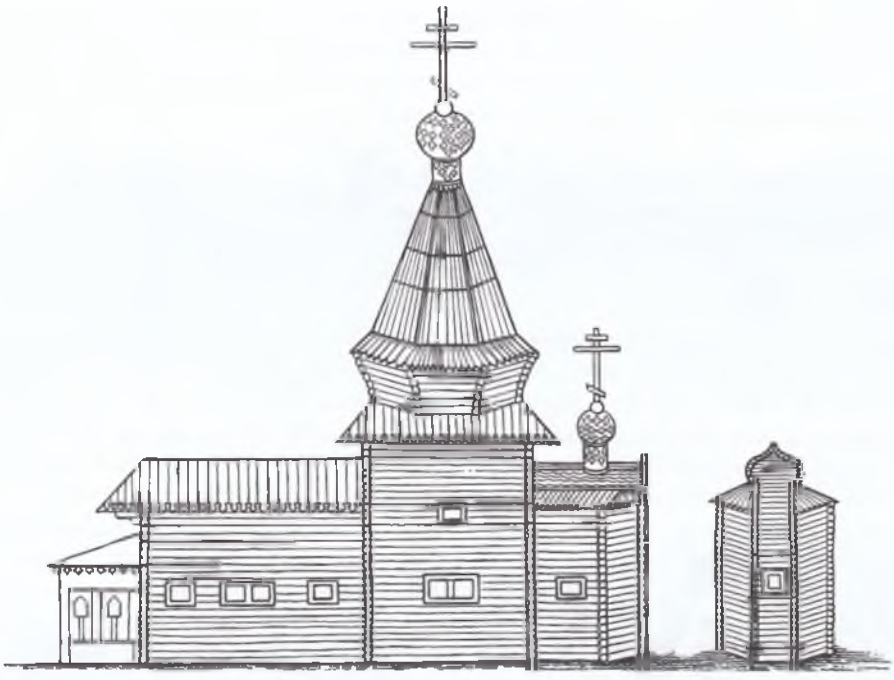

Рис. 30. Южный фасад Спасской церкви.
Рис. А.П. Бердникова. Справа - алтарная апсида. (См. ДЗ – С. 69).

Напомним также, что благословенные грамоты на постройку церкви со второй половины XVII в. обязательно содержали, как бы мы сказали сейчас, проектное задание. Обязательно оговаривалось, какой должна быть церковь – теплой или холодной, предписывались форма алтаря, характер покрытия и количество глав на церкви. Наконец, после завершения строительства церкви происходило освящение постройки, собственно, делавшее ее храмом. При этом церковь и получала свое наименование вместе с антиминсом – священным покровом на престол.

Церковь в Зашиверске к 1735 г. имела посвящение и, следовательно, уже была освящена. Однако в документе об определении в церковь в качестве священника А. Слепцова не упомянут его предшественник, хотя объяснение, каким образом запустела церковь, было бы уместно. Не означает ли это, что А. Слепцов был первым священником в церкви Зашиверского острога? В этом случае не найденная пока святительская грамота на церковь непосредственно предшествовала «выбору» зашиверскими жителями А. Слепцова. Что же касается фразы о том, что «из давних лет оная святая божия церковь стоит пуста», свидетельствовавшая о существовании в Зашиверске какой-то церкви задолго до 1735 г., то объяснение ей мы попытаемся отыскать в дальнейшем. Пока же подведем итог группе сведений 1730-х гг.

В официальных документах начала 1730-х гг., представленных Г.Ф. Миллеру в Якутске (где путешественник был в 1736 – 1737 гг.), церковь в Зашиверском остроге не упоминается. К лету 1735 г. относится сообщение о выборе и определении в церковь в Зашиверске А. Слепцова. Пожалуй, именно этот год можно считать первым годом существования Спасской церкви в Зашиверском остроге. Напрашивается сопоставление с другим шатровым храмом Сибири – Богоявленской церковью, находившейся на притоке Лены, р. Илге, под Иркутском, построенной в 1731 г. и просуществовавшей до начала XX в.[50]

Эта церковь была одним из интересных образцов церковного сооружения. Она несколько раз перестраивалась, но в целом сохранила основные композиционные особенности, относящиеся к 1731 г., когда церковь вновь была выстроена на месте прежней шатровой церкви, сгоревшей в 1730 г. Это был один из самых грандиозных храмов в Сибири. Длина здания составляла 37,3 м, ширина трапезной – 15 м, ширина собственно церкви – 12,8 м, а общая высота достигала 38 м. Одновременно с церковью была построена колокольня, имеющая низкий четверик, на котором возвышался высокий восьмерик. Возведенные практически одновременно, они могли иметь одну программу постройки, что проливает свет на их облик.

Обратимся к следующему кругу свидетельств о церкви в Зашиверске – графическим изображениям, сделанным Л. Ворониным в 1787 г.[51] Они представлены двумя панорамами Зашиверска, показывающими город с юга и севера, первая из которых известна в двух вариантах – схематичном и более детальном. На всех трех рисунках мы видим шатровую церковь, с примыкающим с запада притвором, алтарем, покрытым фигурной

Рис. 31. Панорама Зашиверска. Рисунок Луки Воронина, сделанный во время посещения города. 1787 г. (См. ДЗ – С. 12).

Рис. 32. Панорама Зашиверска. Рисунок Луки Воронина. Город изображен с южной стороны. 1787 г. (См. ДЗ – С. 13).

кровлей с полицами (последняя деталь есть только на первой южной панораме, на северной панораме апсида изображена прямоугольной, а на копии южной панорамы ее вид неясен). Изображение построек Зашиверска на всех панорамах достаточно условно, но так как художник воспроизвел характерные черты строений различного типа, срубных поземных и подклетом, балаганов якутского типа, то и к изображению церкви следует подходить, предполагая, что оно условно воспроизводит наиболее значимые для формирования облика здания архитектурные черты.

На первый взгляд, церковь на панорамах Зашиверска вполне идентична тому сооружению, которое обнаружили и исследовали участники экспедиций 1969 – 1971 гг. Однако при внимательном рассматривании рисунков, начинают возникать вопросы. На обеих панорамах высота притвора намного меньше высоты апсиды, в то время как в имеющемся сейчас здании церкви высота коньков кровель трапезной и апсиды одинакова. На южной панораме хорошо видна западная стена притвора, перед ней нет не только паперти-галереи, но и крыльца. На северной панораме должен был быть виден выступающий угол галереи, но этого нет. Восьмерик на обеих панорамах кажется значительно массивнее, чем ныне существующий. И последнее: на северной панораме продольная северная стена церкви показана так, что на ней можно видеть выступ части сооружения в северном направлении. Все вышеуказанное можно отнести к случайностям и неточностям. Тем не менее складывается впечатление, что вид церкви в тот период был несколько иной, чем в конце XIX – середине XX в.

Окружение церкви, изображенное на панорамах Воронина, отличается от того, что было установлено археологически. По данным раскопок церковь была встроена в прямоугольные стены острога. На панораме же изображено несколько прясел ограждения заплотного типа, выставленного зигзагом, характерного для оград

разного типа на Северо-Востоке, примером, такого же типа ограды могут служить стены крепости, построенной на Анюе в 1848 г.[52] Колокольня изображена с западной стороны церкви, как будто там же, где ее остатки были найдены экспедицией 1969 г. Но ныне отреставрированная колокольня относится к типу надвратных и опирается на две клети, обрамляющие входной проем, на панорамах же изображена обычная для погостов отдельно стоящая шатровая звонница типа «восьмерик на четверике».

Кроме того, на обеих панорамах колокольня расположена не к северо-западу от церкви, как сейчас, а к юго-западу. Расположение другого ориентира на местности – большого строения типа амбара, свидетельствует о том, что колокольня находилась именно в том месте, где ее нашла экспедиция, т.е. при неизменном положении колокольни взаиморасположение ее и церкви было иным, при этом последняя находилась к северо-востоку от колокольни. Там же, где на панораме мы должны были бы увидеть церковь, изображен сложный комплекс из нескольких сооружений. Причем на южной панораме в этот комплекс включено расположенное параллельно церкви, вытянутое в направлении запад – восток невысокое строение, кровля которого увенчана крестом, что позволяет считать ее также церковью, так как по своему произволу художник не мог пририсовать крест к мирскому зданию. Значит, в 1787 г. кроме шатровой церкви, которая стояла не там, где предполагалось ранее, в Зашиверске было еще одно культовое здание, которое находилось на том месте, где позднее стояла ныне существующая церковь. Аналогом такой постройки является церковь на Алазее, найденная А.В. Ополовниковым в урочище Шатоба[53], что наряду с зигзагообразной оградой является косвенным подтверждением возможности реальной основы панорам Л. Воронина. Предположим, что изображения верны. Следовательно, на основании рисунков можно сделать предположение, что в 1780-х гг. в Зашиверске было две церкви, одна из них, шатровая, обликом напоминавшая ныне существующую, другая – клетская, находившаяся на месте ныне существующей. Колокольня была типично погостной, без входного проема и стояла в полном соответствии с правилами, реконструированными Ю.С. Ушаковым для деревянной архитектуры Севера России[54], в вершине треугольника, в двух других вершинах которого находились церкви.

Рассмотрим теперь планы Зашиверска в 1798 г. Копия плана, подписанная Я. Федоровым, опубликована в монографии Ф.Г. Сафронова[55], а сделанная Турчаниновым – помещена в книге «Древний Зашиверск»[56].

Обе копии совпадают, кроме подписи к первому пункту экспликации условных знаков. Букве «А» на плане Я. Федорова соответствует крепость, на плане Турчанинова – церковь. Церковь Спаса Нерукотворного на обеих копиях отмечена литерой «В». Как уже упоминалось, копия Турчанинова сделана позднее, чем копия Федорова, так что можно было бы это считать ошибкой копирования. Но анализ помещенных в книге Ф.Г. Сафронова нескольких планов городов Северо-востока, выполненных в 1798 г., единообразных по исполнению и подписанных Я. Федоровым, показывает, что только на плане Зашиверска буквой «А» обозначена крепость, а не церковь. Оборонительные же сооружения, как правило не выносятся в экспликацию, лишь на плане Охотска они обозначены буквой «О». На этом же плане буквой «А» обозначена старая церковь, а «В» – строящаяся. План же Турчанинова полностью соответствует нормам изображения и экспликации, принятых для этой серии городских планов.

В центре обоих чертежей виден правильный прямоугольник ограждения, включающего в свои стены колокольню («С»), соляной амбар в северо-западном углу и другие сооружения. Стена ограждения не зигзагообразная, как на рисунках Л. Воронина, а состоит из прямых срубных прясел – «тарас». К южной стене примыкает здание под буквой «В». По его характерному трехчастному плану (трапезная – собственно церковь – алтарь) можно узнать церковь. Внутри стен показано крупное сооружение сложной конфигурации, обозначенное литерой «А», которое по особенностям его плана и ориентации также можно трактовать как церковь. При сравнении плана 1798 г. с рисунками Л. Воронина выясняется, что местоположение на плане здания, обозначенного буквой «А», точно соответствует расположению церкви на панораме, при этом также совпадает расположение колокольни и амбара, а церковь, обозначенная как «В» на плане, на рисунке соответствует комплексу построек с крестом. Таким образом, можно предположить, что на плане конца XVIII в. неизвестное здание в центре – это большая церковь, амбар и колокольня определены и сохраняются на прежних местах, а на месте комплекса зданий, включавшего клетскую церковь или часовню, существовавшего в 1787 г., изображена церковь Спаса Нерукотворного. Тогда же были построены и крепостные стены. Включенная в ее стену колокольня стала надвратной (точнее, надкалиточной).

Все эти преобразования можно отнести к последним годам XVIII в., что и отразилось на плане Турчанинова. Причиной того, что они были проведены в самом конце XVIII в., послужило то, что Зашиверск, едва став в начале 1780-х гг. уездным городом, оказался перед проблемой смены местоположения. С 1785 г. одной из основных тем в переписке уездных и городских властей с Якутском и Иркутском оказывается предполагаемый перенос города на несколько десятков верст вниз по Индигирке, в урочище Крест-Майор[57]. Только в 1796 г. зашиверский исправник ставит в этом деле точку, доказав, что перенос города не нужен. Это все привело

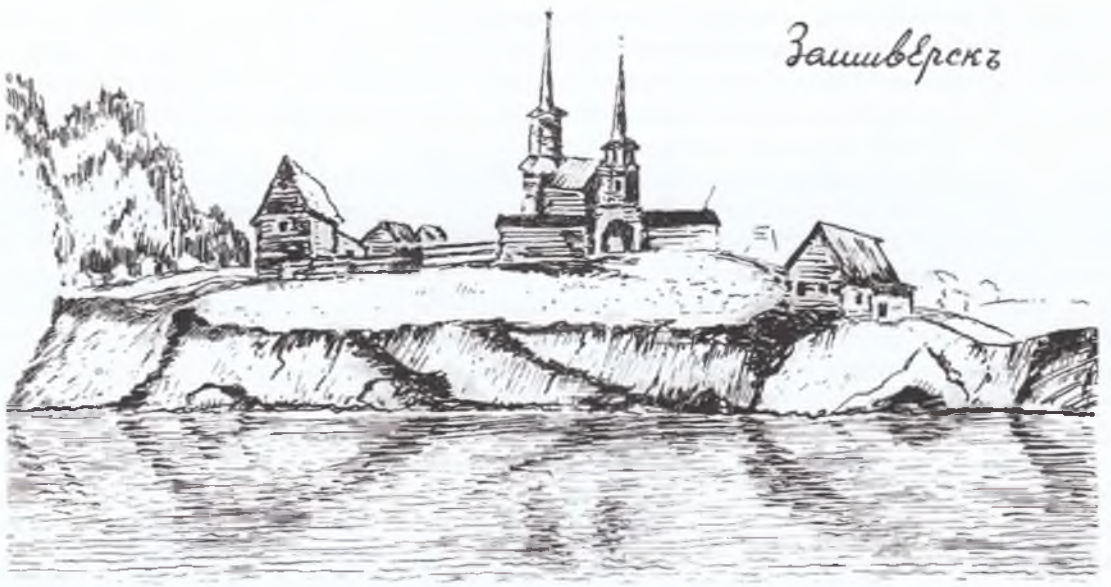

Рис. 33. Город Зашиверск.
Рисунок Ф.Ф. Матюшкина от 29 ноября 1820 г., сделанный им во время посещения города (См. ДЗ – С. 11).

к тому, что в продолжение дискуссии Зашиверск не имел возможности основательно обстроиться. Такое положение и отразилось на плане города 1798 г. В то время как в других городах Якутии и Северо-Востока к 1798 г. существовало несколько казенных зданий, в составе которых обязательно были «присутственные места», в Зашиверске, судя по плану, стояли только «провиантские и соляные амбары».

Таким образом, обстраиваться в соответствии с административным статусом города Зашиверск стал, видимо, только после 1797 г. Уже в 1804 г. центр уезда был перенесен в Верхоянск, т.е. для «статусного» строительства Зашиверску было отведено меньше десятилетия. Это строительство велось в полном соответствии с вековыми традициями. В первую очередь восстановили острог, традиционно являвшийся символом государственной власти и воздвигли новую церковь, символ православной веры.

Следующее свидетельство о Зашиверске – путевые заметки Ф. Врангеля и зарисовка Ф. Матюшкина, сделанные в 1820-х гг. К этому времени в городе осталось всего пять жилых изб и церковь с колокольней. На рисунке Ф. Матюшкина показано то, что сейчас называют «комплексом Зашиверской церкви» в ее известном по материалам экспедиций 1969 – 1971 гг. варианте. Церковь и надвратная колокольня стоят на тех же местах, где их нашли участники экспедиций. От колокольни на север идет срубная стена, в высоту имеющая три-четыре венца. В северо-западном углу огороженной территории находится двухэтажный амбар, за которым видны кровли двух-трех невысоких строений. Единственное здание вне ограды – дом, который уже был на панораме Воронина и на плане 1798 г.

Как будто бы рисунок Ф. Матюшкина не противоречит ситуации, существовавшей в конце XIX в. и прослеженной экспедицией 1969 – 1971 гг., однако по сравнению с существующим зданием пропорции церкви существенно разнятся, смещены высотные размеры частей здания, восьмерик церкви на рисунке вытянут в высоту, галерея отсутствует. Опять-таки эти отличия можно отнести к художественным условностям, но, возможно, что Ф. Матюшкин верно передал облик церкви, отличавшейся от известного нам здания существующей церкви, чему мы находим косвенное подтверждение в документе 1835 г.[58], в котором описывается аварийное состояние церкви. В пазах бревен стен церкви была найдена гниль, кровли совершенно прогнили, покрылись мхом и травой, кресты и главы покривились, полы и потолки просели, матицы надломились. Если в таком состоянии церковь находилась в 1830-х гг., то к 1970-м она должна была бы совершенно разрушиться, чего, к счастью, не произошло. Кроме того, в документе не упомянута галерея, которая также должна была быть в плачевном состоянии.

В описании названы две матицы, «которые поддерживаются двумя столбами и одним деревянным болтом, пропущенным от наружных верхних связей сквозь потолков». В известном нам здании церкви матица одна. Предположим, что «матицы» во множественном числе относятся к помещению церкви и трапезной. Но в таком случае, на пролете около 6 м, не превышающем размер обычной крестьянской избы, в качестве поддерживающей конструкцией размещалось два столба и подвеска, при этом на шаге не более двух метров,

матицы были найдены прогнувшимися и треснувшими, а заборка потолка – «вышедшей из черепьев», т.е. из пазов верхнего венца сруба. Невольно возникают вопросы: как могли произойти такие разрушения, перекрытий при малых пролетах? Как могло здание церкви, имея такую степень разрушения простоять еще полтораста лет?

Последний документ, «Метрика», составленная А. Бердниковым в 1888 г.[59], в какой-то мере проясняет ситуацию. Согласно ей, в 1888 г. церковь на месте запустевшего Зашиверска была найдена во вполне приличном состоянии. Потолки были целы, хотя подпиравшие матицу столбы исчезли, церковь опоясывала каркасная галерея, находящаяся в исправном состоянии. Все это нельзя объяснить ничем другим, как следствием проведенного после 1835 г. ремонта. Бердников в тексте «Метрики» и на чертежах показал, что крыльцо на паперть находится в южном углу западного фасада церкви, а колокольня не имеет входного проема.

В перечне икон, вывезенных из Спасской церкви после упразднения Зашиверска в 1853 г., выделяется крупная (около 1 м высотой) икона Святителя Николая, размеры которой и тот факт, что она была вывезена не в урочище Крест-Майор, а в церковь, расположенную в устье Момы и названную Никольской, позволяют трактовать ее как престольный образ.

В последующие восемьдесят лет с церковью в окончательно запустевшей местности, к счастью, ничего не произошло. Фотографии конца 1920-х – начала 1930-х гг. сохранили облик ныне существующего здания, причем в это время еще оставалась часть галереи с западной стороны (несколько опорных столбов и кровля). Примерно в таком же состоянии застала церковь экспедиция 1969 г., что позволило обмерить и зарисовать все конструкции. Внутри церкви все было в относительном порядке, но на месте печи лежала груда кирпича и глины, деревянные конструкции были тронуты гниением, кровля с северной стороны провалилась. Галерея к тому времени исчезла, сохранились только ее опоры – консольные выпуски бревен сруба церкви на северном и западном фасадах. На месте колокольни были найдены конструкции четверика и части восьмерика, а также столбы, формировавшие ярус звона[60]. Детальное обследование здания церкви показало, что это шатровый трехчастный храм с пятигранной апсидой, прямоугольным помещением собственно церкви, в котором ширина превосходит его длину, и практически квадратной трапезной. К 1969 г. церковь стала почти «поземной», но высказанное сразу предположение о том, что первоначально она имела высокий подклет, полностью подтвердилось при археологических раскопках. В целом, здание выглядело как типичное в ряду творений северорусской архитектурной школы. Его индивидуальные особенности не выходили за ее рамки.

Рис. 34. План Зашиверской церкви с галереей. Выполнен А.П. Бердниковым 25 мая 1888 г. (См. ДЗ – С. 98).

К характерным чертам церкви можно было отнести отсутствие единой оси симметрии в плане, причем ось апсиды и собственно церкви смещены относительно оси трапезной, следствием чего было появление сплошной линии северного фасада и ломаная линия южного. Кроме того, отмечалась особая двойная конструкция перекрытий пола и потолка. Полы во всех трех помещениях были двойными, сделанными из плах-половинок, с просветом между слоями в один венец сруба, что объясняется желанием приспособить здание к грунтам с вечной мерзлотой. Такая конструкция пола предназначалась не столько для сохранения тепла внутри помещения, сколько для исключения протаивания и проседания грунта под сооружением, в результате излучения им тепла. Потолок в апсиде и собственно церкви был дощатым однослойным, а в трапезной двойным, нижний сделан из тесаных плах и бруса, настланных «в разбежку», с укладкой в пазы матицы и черепных венцов сруба, а верхний – из бревен, который опирался на две матицы. Подвеска, расположенная в центре матицы нижнего потолка, скрепляла конструкции обоих потолков.

Рис. 35. Зашиверский храм с колокольней. 1930 г.

Рис. 36. Остатки башни-колокольни Зашиверской церкви. Верхняя часть колокольни разрушилась в 1940-е годы. (См. ДЗ – С. 59).

Рис. 37. Общий вид Зашиверской церкви с запада. На переднем плане слева - остатки колокольни. (См. ДЗ – С. 55).

Смысл этой конструкции, казалось бы, ясен, так как в условиях холодного климата, двойной потолок должен был обеспечивать большую теплозащиту помещения. Но расстояние между потолками в пять венцов, наличие волокового слухового окна на западной стене, длинной растесанной щели между бревнами в верхней части разделяющей церковь и трапезную стены практически полностью снимает утепляющий эффект двойного потолка. Обращает на себя внимание также то, что упомянутое слуховое окно находится не по вертикальной оси фасада, а смещено в направлении к северу. Второе же слуховое окно прорублено в двух верхних подконьковых

самцах западной стены строго по оси фасада. Возникает вопрос, зачем на западной стене было сделано два слуховых окна, одно из которых, расположенное ниже другого и смещенное относительно оси симметрии, сводит на нет утепляющий эффект конструкции двойного потолка трапезной?

Некоторые странности обнаружились также в поклете церкви, где был найден переруб, связывающий восточную и западную стены церкви, сделанный по оси собственно церкви. Его конструктивная роль и расположение вызывают некоторые сомнения, так как он выполнен со смещением относительно оси всего сооружения и на пролете менее четырех с половиной метров, не требующем такой связки, в то время как в срубе трапезной, большем в полтора раза сруба собственно церкви, такой связки нет.

Немногочисленные, но интересные результаты дали раскопки, проведенные по периметру стен острога, а также на месте церкви[61]. Были обнаружены остатки срубных крепостных стен, выполненных сплошными «тарасами», т.е. таким образом, что продольные бревна стены, отстоящие друг от друга на расстоянии двух метров, связывались поперечными бревенами-перевязками.

Рис. 38. Зашиверская крепость. Общий вид. Реконструкция В.И. Кочедамова.

Известно, что возникающие в результате такого конструктивного решения камеры использовались по-разному: их могли засыпать грунтом и камнями для укрепления, могли использовать в качестве складов или жилья. Как обстояло дело в Зашиверске, осталось не вполне ясным, так как были найдены только самые нижние, окладные венцы стен. В тех местах, где сохранность дерева оказалась лучше, а грунт позволил углубить раскопки, получены материалы, говорящие о двух разновременных укреплениях, построенных по одной линии. Оба эти сооружения были в свое время уничтожены огнем, между слоями золы и обугленного дерева обнаружилась прослойка речного песка, являвшегося, возможно, следом затопления площадки.

Удалось проследить остатки больших по размерам, чем клети, стен, срубов сооружений, примыкавших с севера и юга к колокольне (они видны и на рисунке Ф. Матюшкина 1820 г.); сруб крупного строения длиной 8 – 10 м в северо-западном углу укрепления (его изображение можно обнаружить и на панорамах Л. Воронина, и на рисунке Ф. Матюшкина) и срубы клетей в середине северной, обращенной к реке, стены. Под полами этих срубов и в створе стены найдены многочисленные мелкие предметы, в основном поделки из кости и рога, несколько медных монет XVIII в. Монеты 1746 и 1765 гг. были обнаружены в окладных венцах трапезной, что говорит о том, что они были положены уже после 1765 г.[62]

Раскопки на месте острога были краткими – приближалась ранняя полярная осень. Вскрыв периметр острога, археологи не успели раскопать всю его внутреннюю площадь. Однако заложенные ими шурфы в центре острога показали существование большого срубного сооружения, по остаткам и ориентации его можно было бы определить как церковь с двумя апсидами, имеющими стыковку некоторых стен под тупым углом. Это строение располагалось точно на том месте, где по плану 1798 г. находилось сооружение, обозначенное буквой «А» – церковь (или крепость).

В.Н. Кочедамов реконструировал его как светское здание, что-то вроде «приказной избы». Но такой реконструкции противоречит следующее. Нужно заметить, что для жилых и административных зданий срубные стены, соединенные под косым углом, совершенно не характерны. Расположение приказной избы в нескольких метрах от входных ворот также невозможно. Она, в этом случае, ставится под непосредственную угрозу при нападении. А это важное в стратегическом плане сооружение служило для хранения боеприпасов, оружия, продовольствия, ценностей и, как правило, являлось последним оплотом защищающихся при вторжении неприятеля внутрь острога. Наконец, жилое или административное здание должно было отапливаться, а печь, даже полностью разрушенная, оставляет характерные следы, прежде всего, обожженную до состояния керамики глину. Но археологические раскопки этого не показали.

В то же время те признаки, не позволяющие реконструировать это здание как жилое или административное, прямо указывают на возможность понимания его как холодной двухпрестольной церкви с приделом. В таком случае, назначение церковных помещений было таково. Большой сруб – церковь во имя Всемилостивого Спаса Нерукотворного Образа, меньший – придел во имя Святителя Николая Мирликийского.

Как мы уже говорили, Спасская церковь могла быть построена и освящена в 1730-х гг., острог основан не позднее 1653 г., поэтому можно предположить, что до возведения церкви первым культовым сооружением поселения являлась часовня, что и сделали авторы книги «Древний Зашиверск». Одним из косвенных подтверждений этого является то, что С.У. Ремезов при составлении чертежей в начале XVIII в. пользовался материалами 1680 – 1690-х гг., т.е. обозначив Зашиверск как поселение, имеющее церковь, он вряд ли мог иметь в виду именно Спасскую, даже если она, согласно местному преданию, была построена в 1700 г. Датировка сооружения храма достаточно приблизительна, так как письменных документов, которые могли бы сохранить дату и обстоятельства постройки, не было не только в 1880-х гг. у А. Бердникова, но и в 1735 г., когда в выборной грамоте А. Слепцова туманно упоминаются «давние года».

Результаты раскопок подтвердили существование стен острога и его построек на местах, соответствующих изображенному на каждом рисунке. Каков же был облик зданий?

Итак, известны три графических изображения церкви и колокольни, выполненные в столетнем интервале: Л. Воронина – в конце 1780-х гг., Ф. Матюшкина – в 1820 г. и А. Бердникова – в 1888 г. На всех трех рисунках изображены шатровые церкви типа «восьмерик на четверике» с пониженными относительно четверика пристройками с востока и запада. На каждом рисунке в западном направлении от церкви помещена шатровая колокольня. Все три рисунка имеют свои особенности.

На рисунках Л. Воронина церковь расположена северо-восточнее колокольни, в то время как у Матюшкина и Бердникова она находится на юго-востоке от колокольни. Изображения Воронина и Матюшкина не имеют галереи, зафиксированной Бердниковым на северной и западной стенах. На рисунке Воронина вход в церковь с запада показан в пристрое, который по высоте и ширине меньше четверика, что по пропорциям не соответствует трапезной на рисунке Матюшкина, здесь она много шире четверика церкви.

Л. Воронин изобразил апсиду церкви прямоугольной в плане, покрытой двускатной кровлей, с полицами по ярко выраженным повалам четверика. Бердников же изображает апсиду как пятистенную. На рисунках Л. Воронина и А. Бердникова пропорции восьмерика и четверика схожи, Матюшкин же изобразил церковь резко вытянутой вверх, при этом восьмерик на его рисунке имеет большую высоту, чем ширину.

Еще более заметны различия в изображении колокольни. Л. Воронин показал отдельностоящую, не связанную с другими постройками колокольню. Своеобразной чертой колокольни на его рисунках является отсутствие восьмерика. Ф. Матюшкин увидел колокольню, встроенную в срубную стену крепости-погоста, с примыкающими к ней с севера и юга низкими клетями. Его колокольня имеет высокий четверик с калиточным проходом под ним и несколько меньший его по высоте восьмерик, в западной грани которого видно окно. А. Бердников рисует колокольню без прохода, отмечает примерное равенство восьмерика и четверика по высоте. Подробно описав внутреннее устройство колокольни, он не упоминает об окне.

Эти расхождения в изображениях как будто бы одного и того же строения могут быть истолкованы двояко: либо как проявление вольностей со стороны исполнителей рисунков, либо как отображение происходивших за сто лет перестроек зданий. Попробуем отнестись с доверием ко всем имеющимся в наличии материалам. В таком случае из всего вышесказанного можно сделать предварительный вывод о том, что история церкви в Зашиверске, а вместе с ней всего поселения, развивавшегося от зимовья к острогу и городу, а затем пришедшего в упадок и запустение, была достаточно сложной. Ее историю невозможно выразить одной фразой: построена с начала существования поселения, в таком виде и существует. Закономерности развития поселений Сибири и, соответственно, их сооружений взаимосвязаны, все церковные здания ставились согласно численности, статусу и потребностям зимовий, острогов и городов. По-видимому, основные этапы истории церкви должны были совпадать с этапами развития Зашиверска. Как представляется, они были следующими.

Первый этап – 1650-1680-е гг. «За шиверами» в устье Момы возникает поселение в виде зимовья. К концу 1660-х гг. оно разрастается до размеров небольшого острожка. Застройка его представляла собой комплекс из «ясачных изб» и амбаров, которые, судя по документам 1668 – 1669 гг.[63], располагались по периметру огражденной территории. Отметим как характерную особенность архитектуры раннего Зашиверска ее повышенную высотность при малой площади застройки. «Амбар о трех жирах» – это трехэтажное строение, высотой более 10 м, «амбар на воротах» – не ниже 7 – 8 м. Ясачные избы имели, по крайней мере, нагородни, а скорее всего обламы и четырехскатные кровли. Зашиверск представлял собой компактное поселение, застроенное зданиями большой высоты. Стены острожка могли быть выполнены в виде стоячего и косого тына (переносных щитов из бревен, укрепленных по принципу козел), позволяющих эффективную защиту совмещать с преимуществами перемещения на местности. Данных о культовом сооружении нет, но вполне возможно, что в одном из сооружений зимовья хранилась икона, принесенная основателями поселения.

Второй этап – после 1680-х – около 1700 г. Рост поселения шел за счет жилой застройки вне стен острога. Посреди острога возведена часовня, вероятно, Никольская. Часовня не имела апсиды, возможно,

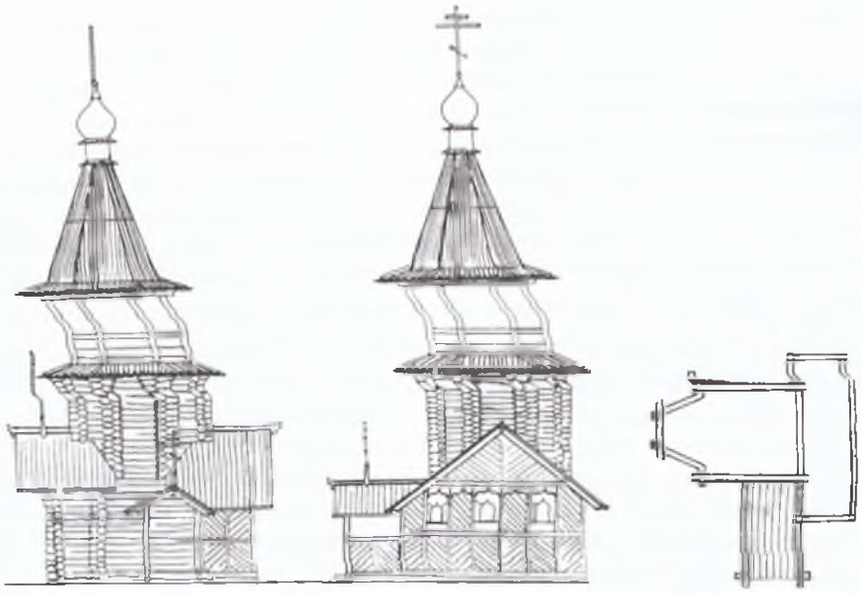

Рис. 39. Никольская (?) часовня. Около 1700 г. Фасады и план. Реконструкция.

Рис. 40. Часовня в д. Кавгора до перевозки в музей «Кижи».

Рис. 41. Часовня Спаса Нерукотворного XVII – XVIII в. из д. Вигово.

была построена клетской с каркасным крыльцом с запада. Она была, как и большинство часовен этого типа, небольшой, и напоминала обычные избы «карельского» или «русского» типа. Такова же была часовня в д. Избитае, которая не имела ни алтарного прируба, ни трапезы, а ее колокольня представляла из себя столб с перекладиной, на которой висели колокола[63].

Третий этап – 1700 – 1735 гг. Острог переносится ниже каньона Момского хребта, на берег Индигирки. Его площадь увеличивается до размеров, установленных экспедициями 1969 – 1971 гг. Основные элементы планировки – размещение двух амбаров и ясачных изб – сохраняются, по всему периметру выстраиваются капитальные стены тарасами. В южной половине острога устраиваются вторые ворота в дополнение к северным, выходящим к реке. Вероятно, они находились в западной стене, обращенной к протоке, где удобно было устроить пристань для судов. Основные сооружения старого острога а также часовня, существенно перестроенная в соответствии с увеличением размеров острога и возрастанием его значения были перенесены в новый острог по Индигирке.

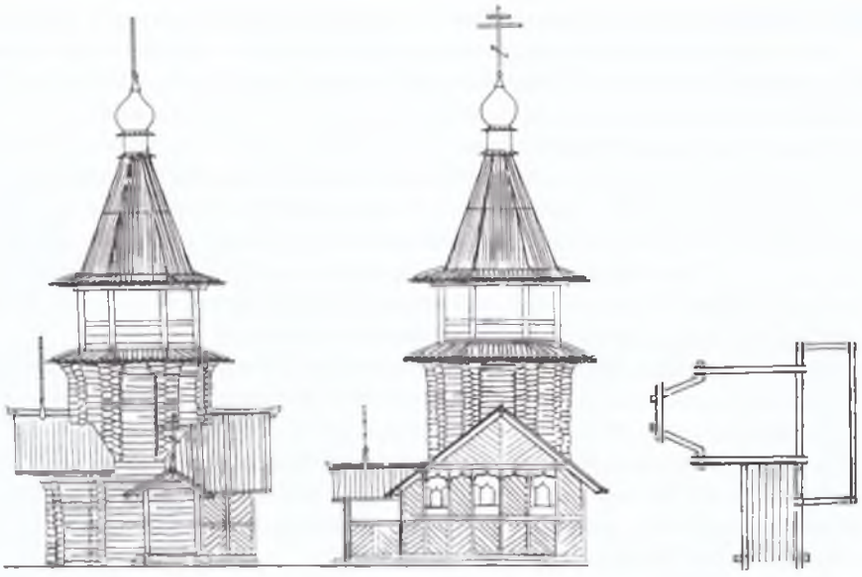

Рис. 39. Никольская (?) часовня. Около 1700 г. Фасады и план. Реконструкция.

Рис. 40. Часовня в д. Кавгора до перевозки в музей «Кижи».

Рис. 41. Часовня Спаса Нерукотворного XVII – XVIII в. из д. Вигово.

была построена клетской с каркасным крыльцом с запада. Она была, как и большинство часовен этого типа, небольшой, и напоминала обычные избы «карельского» или «русского» типа. Такова же была часовня в д. Избитс, которая не имела ни алтарного прируба, ни трапезы, а ее колокольня представляла из себя столб с перекладиной, на которой висели колокола[63].

Третий этап – 1700 – 1735 гг. Острог переносится ниже каньона Момского хребта, на берег Индигирки. Его площадь увеличивается до размеров, установленных экспедициями 1969 – 1971 гг. Основные элементы планировки – размещение двух амбаров и ясачных изб – сохраняются, по всему периметру выстраиваются капитальные стены тарасами. В южной половине острога устраиваются вторые ворота в дополнение к северным, выходящим к реке. Вероятно, они находились в западной стене, обращенной к протоке, где удобно было устроить пристань для судов. Основные сооружения старого острога а также часовня, существенно перестроенная в соответствии с увеличением размеров острога и возрастанием его значения были перенесены в новый острог по Индигирке.

Ядро часовни – квадратный сруб размером около полутора сажен (остатки его найдены при раскопках 1969 – 1971 гг.) – было переделано в основание существенно большей часовни «под колоколы». Площадь увеличивается за счет прируба апсидоподобного выступа с востока, полностью открытого внутрь, в результате чего четвериковая перевязка восточной стены сохраняется только в окладных венцах и в двух-трех венцах завершения. На последних выставляется колокольня по типу «восьмерик на четверике» с шатровым покрытием яруса звона. Для придания колокольне, опирающейся на маленький, полуторасаженный четверик, соразмерности с крепостными сооружениями было необходимо, чтобы восьмерик опирался на четверик, расширенный повалами, что на последующем этапе получит дальнейшее конструктивное развитие. Полагаем, что западная стена повала не имела, а на восточной стороне уширение сруба было двойное, так что прируб апсиды приобрел ясную конструктивную причину. Не исключено, что первоначальная апсида была простой двустенной, треугольной в плане, так как для обеспечения опоры этого было достаточно.

Крыльцо устраивается с севера, вход в часовню осуществляется через паперть-галерею с запада. В каркасной конструкции галереи особенностью является использование консольных выпусков верхних бревен продольных стен четверика. Князевая слега апсиды и галереи проходит сквозь восьмерик и выполняет роль матицы настила яруса звона. Вход в колокольню находится под кровлей в западной грани восьмерика, куда ведет лестница, находящаяся в южной ветви галереи. Высота колокольни могла быть не менее 13 – 15 м (6 – 7 сажен), а плановые размеры с учетом апсиды и паперти-галереи – не менее 7,5 м (3,5 сажен) по оси восток – запад и не менее 5,5 м (2,5 сажени) по оси север – юг.

Очевидно, что часовня «под колоколы» являлась вертикальной осью ансамбля острога, внося тонкий штрих нарядности в суровый облик срубной крепости. Как мы полагаем, обустраиваясь на новом месте, обитатели Зашиверского острога решали одновременно две задачи: создать архитектурный центр крепости и сохранить от излишнего загромождения внутреннее пространство, необходимое при вероятной еще в начале XVIII в. осаде. Сооружение культовой постройки, совмещающей черты молельни и колокольни, прекрасно отвечало обеим задачам. При минимальной площади плана постройка была значительна по высоте, в результате чего ярус звона колокольни выполнял не только архитектурно-художественную функцию, но являлся также смотровой вышкой с круговым обзором. Кроме того, как всякое православное культовое сооружение, часовня-колокольня исполняла символическую роль вознесения креста, осеняющего острог и его жителей.

Следует признать, что мы не можем указать ни одного сохранившегося до наших дней культового сооружения из дерева, которое могло бы служить прямым аналогом предполагаемой реконструкции. Однако нельзя не учитывать, что церковь или часовня «под колоколы» – весьма древний тип каменного культового зодчества. Достоверно известно, что молельни с башнеподобным ярусом звона активно возводились со второй половины XV в., т.е. фактически со времени распространения самих колоколов, вытеснявших более древние «била»[65].

Среди сохранившихся до наших дней церквей «под колоколы» можно отметить такие памятники каменного зодчества, как Духовская церковь Троицкой лавры, Георгиевская церковь в Коломенском, Распятская церковь в Александровской слободе, наконец, церковь Иоанна Лествичника в Московском Кремле, более известная как «Иван Великий». Как видно, тип культового сооружения «под колоколы» связывается с резиденциями высшей светской власти и центрами русского православия и обладает, вследствие этого, повышенным престижем. Несомненно, этот тип церквей должен был воплощаться и в дереве. Косвенным свидетельством этого является облик многих часовен Русского Севера, в котором визуально преобладает башенная колокольня, возведенная над папертью или притвором. Это часовни XVIII – XIX вв., собранные сейчас в Кижском музее-заповеднике, среди которых и монументальная Кавгорская, часовни и небольшие церкви в Обонежье и Поонежье[66]. Остается загадкой, почему этот тип часовни исчез. Не исключено, что он в чем-то не согласовывался с новациями в православном архитектурном каноне, характерными для XVIII – XIX вв.

Можно рассматривать как заключительный этап эволюции часовен их преобразование в церкви путем пристройки алтаря. Правда, все известные на Российском Севере примеры таких преобразований приурочены ко второй половине XIX в., но, возможно, у них были исторические прецеденты. Происходили и обратные преобразования, как бы поворачивающие эволюционный процесс вспять: по церковным правилам в случае упразднения и сноса церкви ее престол не мог уничтожаться, а должен был обращаться в часовенку. Наконец, известны часовни с имитацией алтарной апсиды, происхождение которых можно связать с преобразованием престола упраздненной церкви и, соответственно, с желанием запечатлеть в облике культовой постройки главный элемент храма-предшественника. Церкви, возникшие путем преобразования часовен, являлись производными от них и одновременно – прототипами, поскольку сами часовни – вариант церквей с упрощенным ритуалом, лишенным главной части – литургии.

Исходя из соображения древности, престижности и редкого сочетания практичности и художественной эффектности, мы и предлагаем гипотетическую реконструкцию часовни в Зашиверске в этот период как

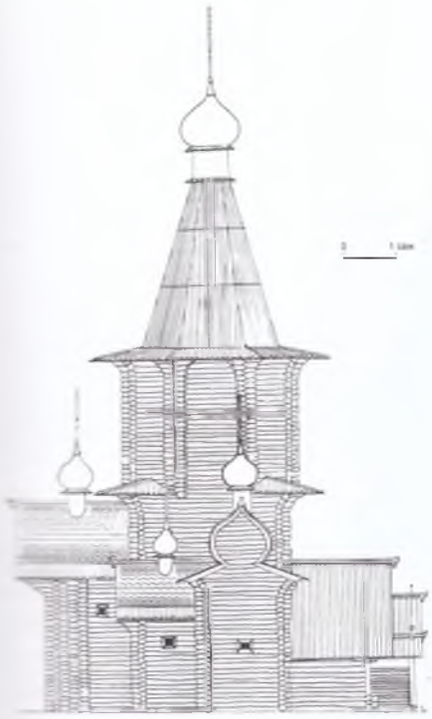

Рис. 42. Северный фасад церкви Спаса Нерукотворного с Никольским (?) приделом. 1735 г. Реконструкция.

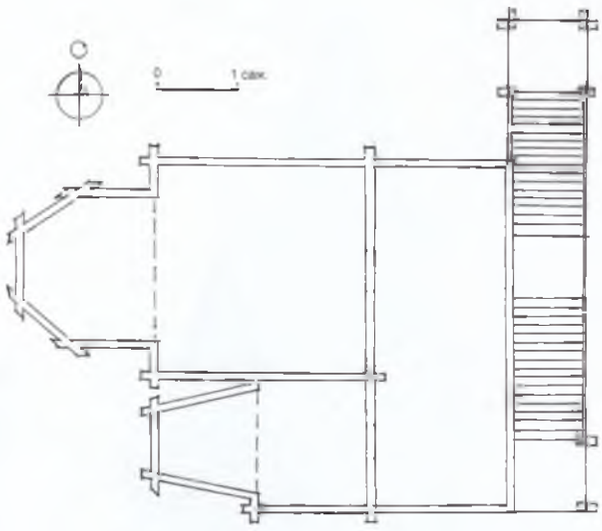

Рис. 43. План церкви Спаса Нерукотворного. Около 1735 г. Реконструкция.

Рис. 44. Церковь в селе Саунино Архангельской области – архитектурный аналог здания Спасской церкви в Зашиверске.

построенной «под колоколы». Данных о других постройках нет, но можно предположить, что все они были сохранены с некоторыми переделками, возможно также была поставлена внутри острога за отдельной дополнительной оградой «аманатская» изба.

Четвертый этап – 1735 – до 1787 г. Решающий период для Спасской церкви. До 1735 г. возводится и освящается первое здание церкви во имя Нерукотворного Образа Спасителя нашего Иисуса Христа. Существовавшая до этого часовня во имя Николая Мирликийского превращается в придел, что внешне выражается в появлении придела с алтарным прирубом, перекрытого бочками. Массивный восьмерик церкви устраивается на повалах, что было характерно для многих деревянных церквей Русского Севера этого периода. Продолжая традицию шатровых покрытий, начатую в здании часовни «под колоколы», на восьмерике церкви ставится шатер с главкой. Церковь можно отнести к холодным, без печи. Традиционно такие церкви имеют притвор

Рис. 45. Церковь Спаса Нерукотворного и надвратная колокольня Зашиверского острога. Около 1735 г. Вид с запада. Реконструкция

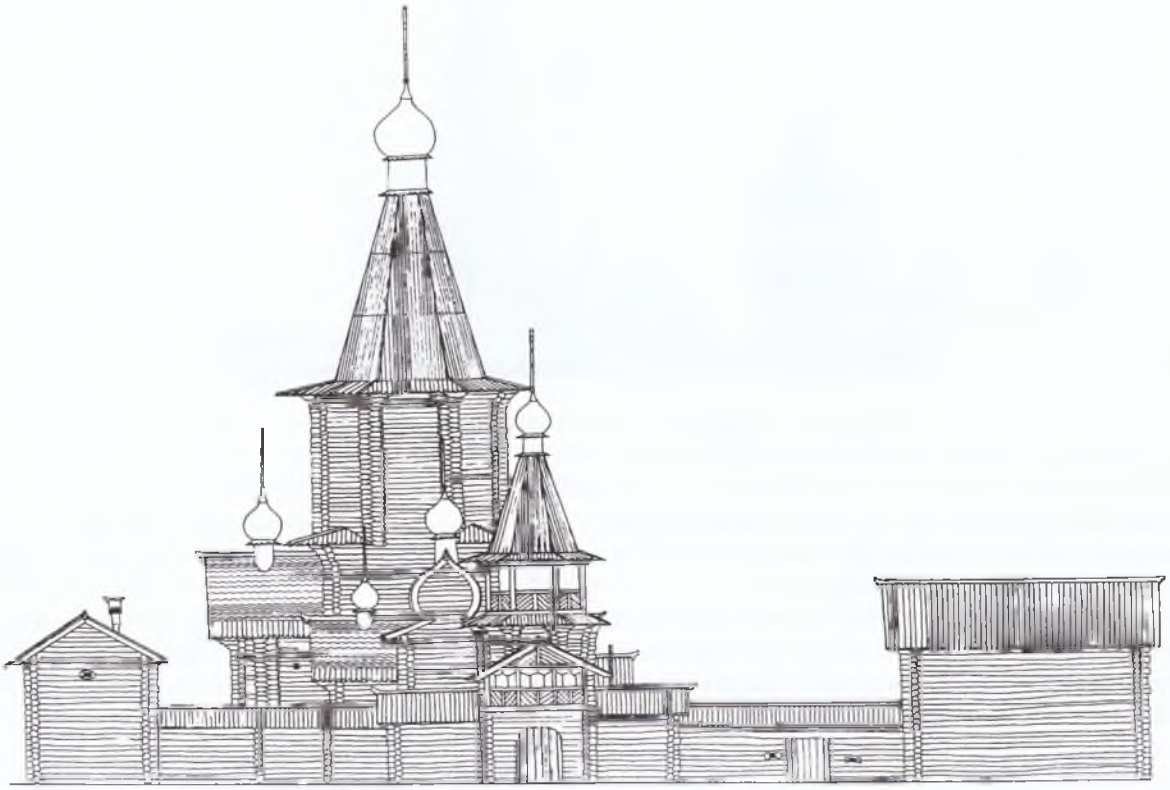

Рис. 46. Зашиверский острог. Вид с севера. Около 1735 г. Реконструкция.

Рис. 47. Холодная церковь Спаса Нерукотворного. Северный и западный фасады. Конец XVIII в. Реконструкция.

с двускатным покрытием. Вход в церковь осуществляется через северное и южное крыльца, по лестницам, примыкающим к западной стене. Острог сохраняет ту же территорию, огороженную стенами, сделанными в течение предыдущего этапа, при этом иначе решается северный вход в острог, который также приобрел шатровое завершение, путем переноса на четверик колокольни с часовни, т.е. ее восьмерик, ярус звона, шатер с главкой. Пропорции колокольни несколько изменились, так как восьмерик стал висячим, поскольку его установили на лагах в верхнем венце облама. Большая часть восьмерика колокольни по высоте была скрыта четырехскатной кровлей облама. Над входом также были устроены консольные часовни-балконы, характерные для проездных башен.

Таким образом, северный вход приобрел очертания обычной башни с часовнями на свесах и колокольным завершением, что являлось одним из распространенных приемов архитектурного оформления сибирских укреплений конца XVII в., берущих начало в традициях строительства древнерусских крепостей, так как во времена Древней Руси на проездных башнях обычно устанавливали вестовой колокол.

Имеющиеся данные не противоречат также варианту реконструкции крепости и церкви в этот период, в течение которого здание церкви и северная проезжая башня-колокольня соединены крытым переходом.

Таким образом, в это время в центре крепости, отчасти сохраняющей оборонительные функции, был создан эффектный ансамбль, сочетающий высокое здание шатровой церкви с приделом и шатровую колокольню на северной башне, что дает Зашиверску выразительный речной фасад.

Пятый этап – 1787 – 1797 гг. Зашиверск теряет функции крепости, превращаясь в открытое поселение, в центре которого в результате перестроек возникает типичный погостный ансамбль из трех сооружений: холодной церкви, теплой церкви (или часовни) и расположенной рядом с ними отдельно стоящей колокольни. Возможно, что толчком к перестройке центра поселения послужил пожар, уничтоживший крепостные стены, а вместе с ними и постройки северной части крепости, в том числе и церковь. Уцелели в пожаре массивный амбар в северо-западном углу и расположенная рядом с ним «аманатская изба», которая продолжала существовать и в 1798 г., что отмечено на плане, и в 1830-е гг.

Итак, во второй половине XVIII в. на месте первой Спасской церкви возвышалось новое церковное строение, срубленное из лиственничных бревен, которое занимало в плане большую территорию, чем предыдущее здание, и которое было построено по принципу обложения снаружи сохранившихся нижних венцов ранее существовавшего здания. Такая перестройка церкви позволяла, согласно существовавшим традициям, оставить

Рис. 48. Георгиевская церковь в с. Поча – аналог Спасской церкви в конце XVIII в. Вид с юго-запада. Фото Е.А. Ополовниковой.

в «неколебимом состоянии» престол (или, по крайней мере, закладной крест под ним), а это обеспечивало сохранение за новым церковным зданием статус храма без переосвящения. Перестройка церкви методом «обложения» влекла за собой и другое важное для облика здания последствие: в этом случае естественным образом сохранялись все основные архитектурные черты здания, в том числе его шатровое завершение, покрытие алтарной апсиды кровлей с переломами. При этом сама апсида превратилась из пятигранной в прямоугольную, с резко выраженным повалом продольных стен. План церкви приобрел характерную ступенчатую форму, когда к основному срубу церкви с востока и севера примыкают прирубы апсиды и придела (что видно на плане 1798 г. и рисунках Л. Воронина). Крыльцо было каркасным и поэтому как легкая конструкция на плане не было зафиксировано. Общие пропорции церкви изменились, она стала более приземистой, площадь увеличилась, а высота несколько уменьшилась. Восьмерик церкви стал висячим, причем эта черта будет повторена в церковных постройках следующих этапов.

Новая церковь осталась холодной, что присуще погостным комплексам с двумя церквями, соответственно, при ней не было трапезной. С южной стороны находилась теплая Никольская церковь. Судя по единственному ее изображению на южной панораме, это была невысокая клетская постройка, имевшая традиционную трехчастную

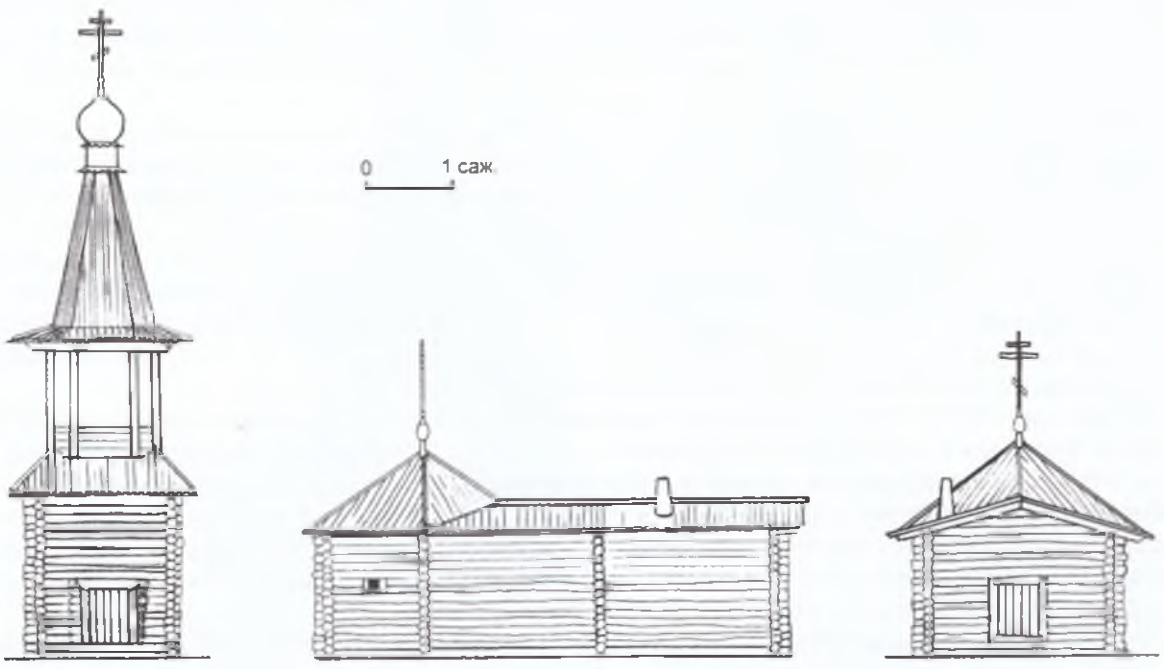

Рис. 49. Постройки церковного комплекса. Конец XVIII в. Реконструкция.
1 – колокольня, восточный фасад; 2 – теплая церковь (?), северный и западный фасады.

структуру: алтарь, церковь и трапезную. Аналогом ей может служить здание церкви на Алазее[67], отличительной чертой которого являлся алтарь треугольной формы, что позволяло и его, и частично собственно храм перекрыть четырехскатной крышей, причем оставшаяся часть церкви и трапезной была перекрыта двускатной кровлей. С западной стороны от обеих церковных построек стояла невысокая колокольня «восьмерик на четверике», особенность которой состояла в том, что ее восьмерик из нескольких венцов был скрыт под скатной кровлей так, что над кровлей четверика сразу возвышался ярус звона.

Комплекс приобрел типичные черты ансамбля погоста, который занял место прежней крепости. С западной и южной сторон он был окружен усадебными постройками, причем самый развитый южный комплекс мог принадлежать зашиверскому священнику. Северная и восточная сторона остались открытыми, поэтому здесь были выстроены две зигзагообразных стены, имеющие не оборонительное, а представительское значение. Вероятно, техника их возведения была подобна той, что обнаружена в крепости на Анюе: замет между столбами нетолстых бревен или плах-половинок с припазовкой их между собой.

Шестой этап – 1798 – 1840 гг. Зашиверск снова подвергся перестройке, что было связано с утверждением статуса города как административного центра. Возникла идея зональной планировки города с выделением военно-административного ядра, для чего и восстановили на месте исчезнувшего около полувека

Рис. 50. Колокольня Братского острога. (См. *Кочедамов.* – С. 41).

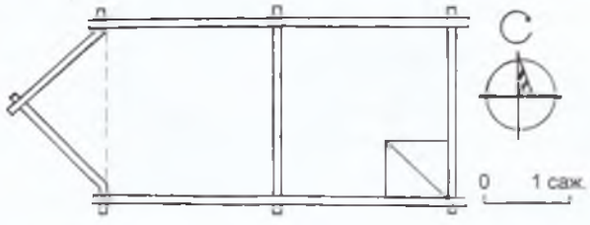

Рис. 51. План теплой церкви. Конец XVIII в.

Рис. 52. Церковь Спаса Нерукотворного с колокольней. После 1798 г. Северный фасад. Реконструкция.

Рис. 53. Церковь Спаса Нерукотворного с колокольней. После 1798 г.
Вид с запада. Реконструкция.

назад острога, его копию, повторив размеры и ориентацию. Стены этого, последнего, Зашиверского острога вновь сделали срубными, хотя, вероятно, они не достигали высоты настоящего оборонного сооружения.

В южной части стены размещалась Спасская церковь, которая объединила в себе черты всех своих предшественниц. Она была теплой шатровой с обширной отапливаемой трапезной и соответствующим образом устроенными конструкциями потолков. Ее алтарь вновь стал пятигранным, а не прямоугольным, как у ее непосредственной предшественницы. Спасская церковь рубежа XVIII – XIX вв. в своем облике возрождала основные архитектурные черты своего прототипа, относившегося к началу XVIII в. Сделать это было не сложно, так как церковь пятого этапа была построена «обкладкой» сруба церкви четвертого этапа, т.е. с сохранением планировки и образа сооружения. Церковь рубежа XVIII – XIX вв. также несла «память» и о своей непосредственной предшественнице даже в деталях, так как была выстроена из ее материала. Сопоставление размеров приводит к выводу, что сруб церкви пятого этапа стал срубом трапезной шестого этапа, а помещение собственно церкви было выполнено перекладкой с необходимыми дополнениями сруба алтарной апсиды. Сама же апсида выложена из остатков дерева, образовавшихся при подгонке бревен срубов пятого этапа к размерам шестого. Об этом, в частности, говорит то, что в апсиде обнаружены бревна разных пород дерева (лиственницы и сосны). Восьмерик, повторив тип восьмерика церкви пятого этапа, срублен заново из сосновых бревен, новыми были и стропила шатра. В то же время глава и маковица на апсиде сделаны из лиственницы, что позволяет считать, что они были перенесены на новое здание со старого.

Следует особо подчеркнуть то, что церковь и колокольня этого этапа не были тождественны тем постройкам, что существуют сейчас, например, высота восьмерика церкви и высота четверика колокольни больше

существующих. Кроме того, церкви предшествующих этапов имели характерное увеличение ширины помещений в направлении с востока на запад, т.е. ширина трапезной была больше ширины собственно церкви, которая, в свою очередь, была шире апсиды. Церковь рассматриваемого периода сохраняла эту особенность планировки, что видно на плане 1798 г., тогда как в существующем в настоящее время сооружении северные стены образуют прямую линию. В церкви же шестого этапа трапезная была примерно на сажень (ок. 2 м) шире существующей. Это обстоятельство подтверждается расположением уже упоминавшегося нижнего межпотолочного слухового окна, которое в настоящее время находится к северу от вертикальной оси западного фасада. Кроме того, только допустив, что первоначально трапезная ныне существующей церкви была значительно шире, можно понять характер разрушений, отмеченный комиссией 1835 г., которые в данном случае становятся не только возможными, но и вполне закономерными. Повреждения, отмеченные этой комиссией, появились на достаточно больших пролетах и вследствие изменения температурно-влажностного режима, в котором работали конструкции церкви. Перекрытия, перенесенные из холодной церкви, в трапезной теплой церкви под воздействием жара от печи и колебания содержания влаги в древесине подвергались значительным деформациям, что и вызвало их разрушение. Дополнительным подтверждением большей величины трапезной в этот период может являться и рисунок Ф. Матюшкина, по которому можно ориентировочно определить пропорции частей здания.

Высокий притвор церкви 1798 – 1740-го гг. был связан с колокольней в единый церковный комплекс. В отличие от отдельно стоящей колокольни погоста предыдущего этапа, новая колокольня увенчала вход в возрожденный острог, вследствие чего ее роль приобрела новую окраску. На плане раскопок Зашиверского острога видна почти полная тождественность северного входа в острог и нового, юго-западного, ставшего главным. Оформление входа на территорию церковного комплекса на севере России в виде срубов с надвратными сооружениями хорошо известно, поэтому постройка, сделанная по такому же типу была вполне традиционной и логичной в восстановлении облика входа крепости начала XVIII в.

Калитка входа была устроена во внутренней стене-перерубе между двумя срубами. Рядом с калиткой в ней были прорублены несколько небольших окошечек, выполненных в классической форме бойниц. Однако они являлись лишь смотровыми, так как использовать их в качестве действительных бойниц было невозможно, поскольку углы внешних стен срубов закрывают обзор справа и слева, создавая перед входом обширные «мертвые зоны». В данном случае мы видим соединение двух мотивов: калитка или воротца во внутреннем перерубе – обычный прием для огражденных комплексов Севера, а «бойницы» – результат возрождения острога.

Следы воспроизведенного прошлого заметны и в устройстве восьмерика колокольни. Когда она представляла собой обычный тип восьмерика на четверике, вход в нее был с земли с последующим подъемом по внутренней лестнице на ярус звона. Теперь все было изменено: над калиткой с внутренней стороны был устроен помост, на который вела наружная лестница, расположенная вдоль стены бокового сруба. В восьмерике была прорублена дверца, а снаружи, судя по рисунку Ф. Матюшкина, над входом, окно. Эта сложная конструкция функционально не обоснована, так как при малой высоте колокольни и небольшом пространстве на ярусе звона с тремя колоколами подъем на ярус звона был необязателен, согласно традициям, веревки церковных колоколов выпускались с колокольни вниз, т.е. в колокола часто звонили с земли. В воспроизведении же надвратных часовен в виде помоста-балкончика, вход в колокольню с земли, появлении конструкции висячего четверика, повторяющего облам башен, в этом проявились черты колокольни пятого этапа в новой колокольне. Таким образом, перестройка Спасской церкви в 1798 г. представляла собой своеобразную реставрацию ее облика в первой половине XVIII в., материалом же для конструкций новой церкви послужило здание, существовавшее во второй половине XVIII в.

Седьмой этап – после 1840 г. Тревожное предупреждение комиссии 1835 г. о состоянии церковного строения в стремительно пустеющем Зашиверске возымело свое действие. По-видимому, в храме был проведен ремонт. Воспоминания о нем остались в памяти у старожилов, рассказывавших в конце 1880 гг. А. Бердникову о перестройке внутри церкви. Стена между трапезной и собственно церковью была убрана, что, с одной стороны, явилось результатом общих тенденций в развитии архитектуры, так как соединение объемов трапезной и собственно церкви путем устранения восточных стен трапезных отвечало новым критериям архитектуры классицизма, которые стали проявляться с первой половины XIX в., выражавшихся в устранении самих трапезных[68], а с другой стороны, это было необходимой составной частью интересного приема ремонта. Поскольку подпорки, как выяснилось, не могли удержать потолок обширной трапезной, решили уменьшить ее ширину, компенсировав при этом уменьшение площади соединением церкви и трапезной в одно пространство. Сужение трапезной осуществлялось за счет спрямления северной линии фасада. При этом, судя по тому, что дверной проем на западной стене оказался на новой вертикальной оси фасада, а слуховое окно осталось на старом

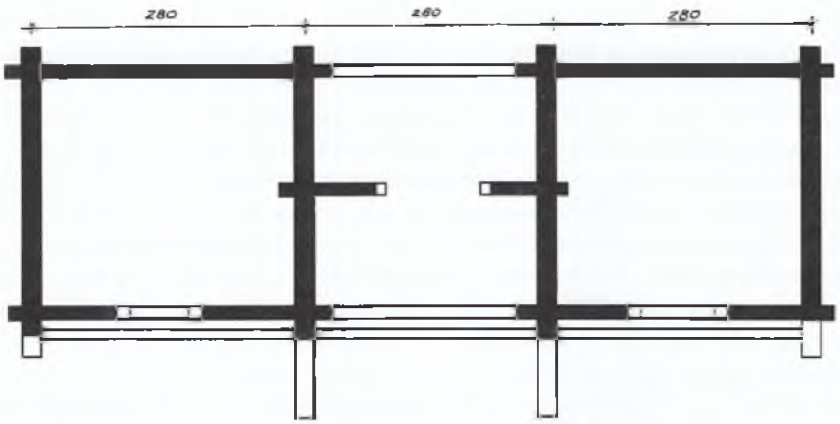

Рис. 54. План колокольни. После 1835 г.

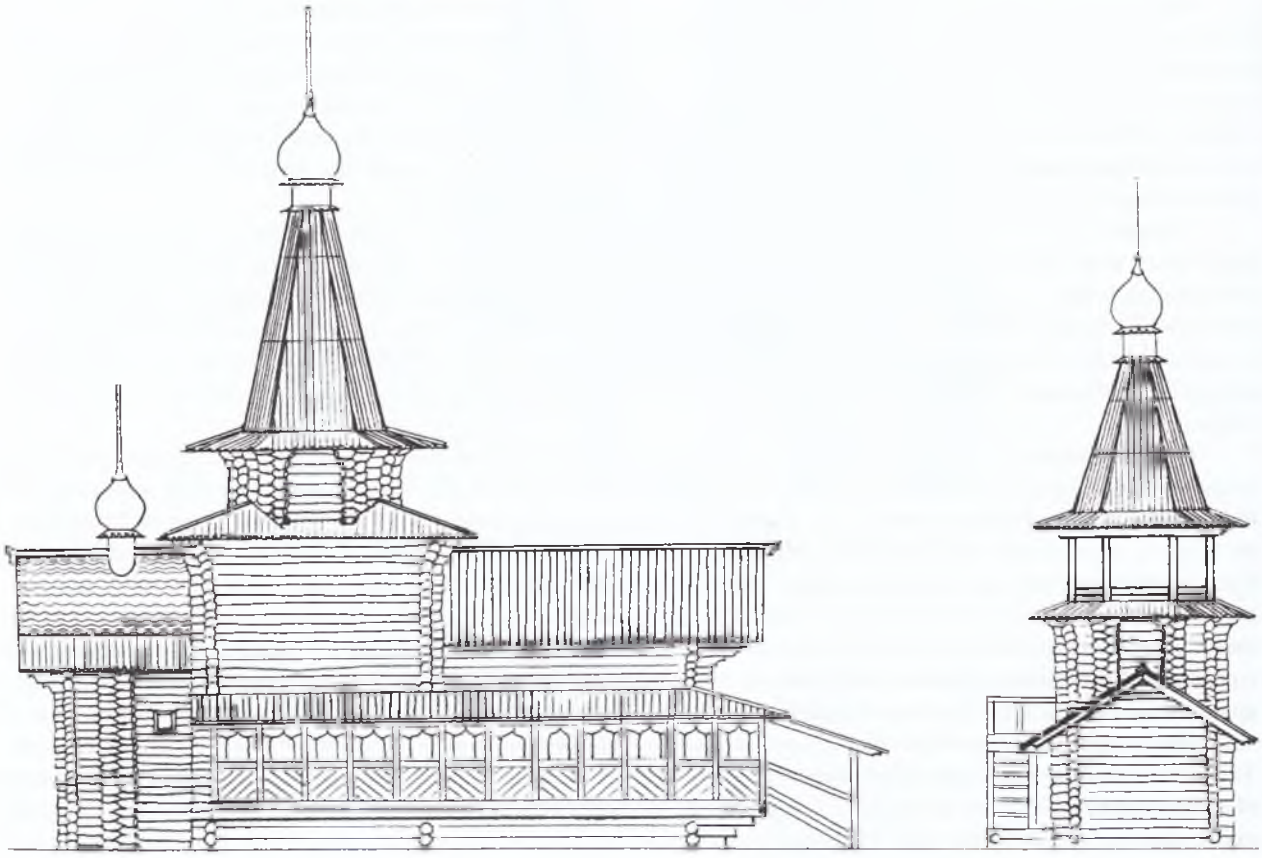

Рис. 55. Церковь Спаса Нерукотворного с колокольней. Северный фасад. Середина XIX в. Реконструкция.

месте, верхние венцы сруба трапезной до высоты нижнего теплого потолка были перерублены, а средние венцы до уровня пола сдвинуты внутрь, что потребовало подрубки только с южной стороны от двери в западной стене. Нижние венцы сруба трапезной были превращены в выпуски-консоли, на которых устроили галерею с северной стороны (до этого этапа галерея с этой стороны церкви отсутствовала, существовало только крыльцо-паперть с запада). После такого изменения пролет потолочной балки-матицы и лаг под полом в трапезной намного уменьшился, следовательно, уменьшился и прогиб этих несущих конструкций перекрытий.

Восьмерик был существенно уменьшен по высоте, шатер церкви сделан однослойным. Церковь приобрела тот вид, который нам хорошо знаком, кроме того, что вход на галерею и крыльцо находились согласно

Рис. 56. Церковь Спаса Нерукотворного с колокольней. Западный фасад. Середина XIX в. Реконструкция.

наброску плана, сделанного А. Бердниковым, в юго-западном углу, а не посредине западного фасада, как это выполнено сейчас в реконструкции церкви, стоящей в музее под открытым небом. Возможно, что благодаря небольшому расстоянию между церковью и колокольней, некоторое время в середине XIX в. вход в Спасскую церковь оформили как полукрытый переход от калитки к внешней стене острога-погоста. В ходе ремонта церкви была переделана «черная» печь в печь с топкой по-белому или устроена надежная вытяжка над устьем. При этом старое слуховое окно должно было быть заделано для снятия выхолаживающего эффекта.

Несомненно, что перестройка церкви повлекла за собой и переделку колокольни для сохранения пропорциональных соответствий зданий. Меньшая высота кровли трапезной, обусловленная сокращением площади последней, невысокий восьмерик вызвали необходимость сделать ниже и колокольню. Ее четверик, расположенный над примыкающими клетями, был уменьшен до пяти венцов и перекрыт двускатной кровлей по одной оси с кровлями клетей. Судя по рисунку Бердникова, на этом этапе сочли излишним сохранять калитку под колокольней, и так как, по-видимому, стены погоста уже были разобраны, проемы – забиты. Таким образом, на последнем этапе колокольня вновь стала отдельно стоящей и своим обликом напоминала о погосте второй половины XVIII в.

Конечно, если бы Спасскую церковь длительное время продолжали использовать как теплый храм, ее конструкции, чей возраст к середине XIX в. приближался к столетнему, достаточно быстро

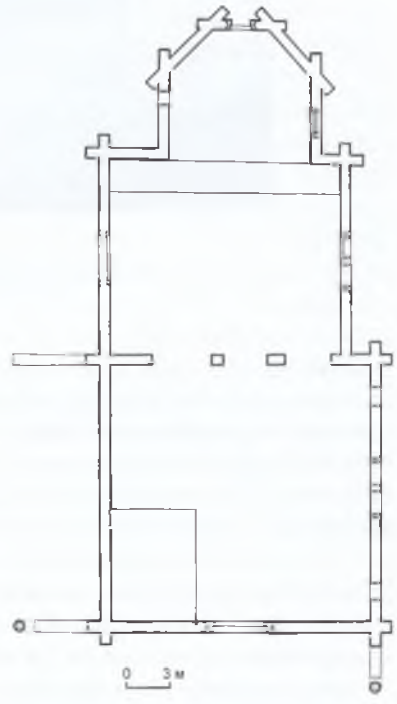

Рис. 57. План Зашиверской церкви. Выполнен участниками экспедиции 1969 г. (См. ДЗ – С. 99).

Рис. 58. Спасская церковь из Зашиверска в Историко-архитектурном музее. Новосибирск. Фото 1992 г.

пришли бы в негодность, что привело бы к разрушению здания. Однако, к счастью для потомков, уже в 1853 г. Спасская церковь в Зашиверске была упразднена. Последующая история церкви сводится к медленному обветшанию и разрушению. Климат на Индигирке оказался благоприятен для сохранения древесины, а жители окрестностей сохранили довольно уважения к храму, чтобы не тронуть его основные сооружения. Так церковь во имя Всемилостливого Спаса Нерукотворного образа, построенная в первые десятилетия XVIII в., отреставрированная на рубеже XVIII – XIX вв., отремонтированная в 1840-х гг., дошла до наших дней.

Итак, мы проследили судьбу одного из рядовых для своего времени культовых сооружений Сибири. Оказалось, что история церкви в маленьком заполярном селении была сложной и даже бурной. Всего за одно с небольшим столетие Спасская церковь неоднократно перестраивалась, и даже была перенесена на другое место. Отметим, что наши толкования сведений письменных документов, рисунков, результатов археологических раскопок идут вразрез с утвердившимся мнением о том, что церковь в Зашиверске была построена только однажды и более с ней ничего не происходило, кроме мелких ремонтов, касавшихся кровли. Надо сказать, что такой «упрощающий» подход к истории сохранившихся до наших дней памятников деревянного зодчества до недавнего времени преобладал в нашей реставрационной, историко-архитектурной

Рис. 59. Эволюция архитектурного облика Спасской церкви. XVIII – XIX вв.

науке. Исследователи истории памятников, как правило, стремились обосновать возможно более раннюю дату строительства сооружения, а во временном промежутке между этой ранней датой и нашими днями устанавливает только мелкие ремонты или перестройки, по мнению историка архитектуры, только портящие, «искажающие облик» здания. Таким образом, авторитетом являлись лишь самые ранние создатели сооружения, представители же других поколений, пользовавшихся зданием, были лишены, в представлении исследователей, не только чувства прекрасного, но и элементарного вкуса. Как можно видеть, авторы этой книги исходили из нескольких других принципов.

Во-первых, мы стремились реконструировать состояние церкви в Зашиверске, а с нею – и ее ближайшего окружения, в каждый период ее существования так, чтобы максимально полно учесть все сведения, содержащиеся в разнородных источниках. При всех противоречиях между имеющимися описаниями, рисунками, чертежами мы полагаем, что следует не выбирать один источник и считать только его достоверным, а все прочие, в чем-то расходящиеся с ним ошибочными, а рассматривать различия сведений документов как следы разновременного облика памятника. Разумеется, это не означает, что можно прямолинейно, без анализа использовать сообщения современников, так как только комплекс всех сведений с учетом общего развития культуры может пролить свет на реальное положение дел.

Во-вторых, и это главное, авторы считают, что традиции народного деревянного зодчества – это не нечто застывшее, существовавшее до XVII в., а затем «умершее». Ручная работа с деревом была основой строительного мастерства и зодческого искусства в России с незапамятных времен до, по крайней мере, конца XIX в. По нашему мнению, традиция народной деревянной архитектуры жила и развивалась на всем протяжении этой эпохи, так как традиция не может существовать без развития. Нельзя противопоставлять произведения «народного зодчества» XVII в. деревянным сооружениям более позднего периода. Конечно, уже с XVIII в., а особенно в XIX столетии, в деревянном строительстве появляется и все более нарастает влияние так называемой «профессиональной архитектуры»[69], но и она не была оторвана от народных традиций, не говоря уже о том, что, хотя проект здания делался архитектором, но постройку реализовывали народные плотники-мастера. Что-то новое вносил в свою постройку каждый мастер, было ли это в допетровской Руси или уже в России железных дорог. Но все новое было связано со старым часто внешне не заметными, но прочными генетическими связями. Поэтому и в XIX в. при желании можно было построить храм настолько традиционный, что исследователи следующего века будут считать его постройкой 1650 г., или, как в нашем случае, 1700. Нужно учитывать, что традиция жила не только в сознании мастеров, но всегда была наглядно воплощена в существующих зданиях. В случае с Зашиверском, как мы пытались показать, при начале каждого нового строительного этапа церковь-предшественница служила наглядным образцом, не говоря уже о том, что использовавшиеся при перестройке детали предшествующего строения задавали размеры и приемы рубки понимающим эту подсказку дерева плотникам.

В результате, как можно видеть, мы не решились с точностью не только до года, но и до десятилетия датировать ныне существующий в отреставрированном виде памятник деревянного зодчества – Спасскую церковь из Зашиверска. Ныне присущий памятнику вид здание приобрело около 1840 г., однако изменения при этом коснулись только северного и западного фасадов. Южный и восточный фасады при этом не изменялись, сохраняя тот же облик, который им был придан приблизительно в 1798 г. В свою очередь, в это время церковь не была построена в первый раз, а перенесена с занимаемого ею прежнего места и переложена с небольшими добавками и изменениями. В основных же чертах здание 1798 г. сохранило тот же вид, который запечатлен на

Рис. 60. Езда на собаках. Прорисовка со «шторок Шахова».

Рис. 61. Вооружение стрельцов XVII в.

рисунках в 1780-х гг. В свою очередь, церковь, существовавшая в 1780-х гг., была возведена несколькими десятилетиями раньше методом обложения срубов церкви-предшественницы, соответственно, с воспроизведением форм первого здания храма, которое было построено до 1735, с закономерными их изменениями. Наконец, переделки, выполненные около 1798 г., имели целью вернуться к характерным чертам именно первой Спасской церкви. Даже ремонт 1840 г., итогом которого было появление северной части галереи-паперти, в архитектурном отношении также приближал впечатление от внешнего облика здания к первоначальному образцу. Трудно сказать определенно, является ли это сходство обдуманным или невольным, интуитивным. Наша гипотетическая реконструкция часовни «под колоколы» была выполнена с учетом всех последующих этапов существования памятника, закономерности конструктивного построения определили ее форму, которая могла являться основой всех последующих зданий церкви. Сама же форма этой колокольни, являясь традиционной для звонниц и колоколен Русского Севера, продолжала существовать в колокольнях Зашиверска во все последующие этапы. В этом смысле толчком к такой реконструкции послужили не только графические материалы, но и формы существующих зданий церкви и колокольни, решенных в едином архитектурно-художественном ключе. Так, все имеющиеся материалы, от рисунков и чертежей XVIII – XIX вв. до существующего ныне здания, дали возможность проследить все этапы существования церковного комплекса.

Исходя из вышеизложенного, мы не считаем возможным устанавливать для постройки Спасской церкви какую-нибудь фиксированную дату. Правильнее будет говорить о ней как о памятнике живой архитектурной традиции шатрового церковного деревянного зодчества, прошедшей в своем развитии более двух веков. Особенностью храма из Зашиверска явилось то, что запечатленная в нем архитектурная традиция продолжала существование и в первой половине XIX в., в то время как в более обжитых районах России ее бытование было уже искусственно подавлено. Представляется, что видеть в Спасской церкви памятник традиции даже почетнее, чем «привязать» постройку церкви к какому-то одному, пусть даже максимально раннему году.

И последнее замечание о еще одной загадке Зашиверска, которая имеет отношение к его связи с местностью, расположенной на несколько сотен верст выше по течению Индигирки, в устье ее правого притока Момы. Дело в том, что существует противоречие между смыслом названия острога-города и местом его расположения. В верхнем течении Индигирка, имея исток в горах, окружающих Оймяконского нагорье, прорезает несколько хребтов системы хребта Черского. Между хребтом Черского и его северным отрогом, Момским хребтом (Илино-Тас) лежит Момская котловина. Здесь в Индигирку впадает р. Мома. Зашиверск находился у северного выхода Индигирки из каньона Момского хребта. Отсюда и до впадения в океан река течет по низменности с малой скоростью и без перепадов в русле, которые можно было бы назвать «шиверами» – порогами. Напротив, шивера многочисленны в каньоне Момского хребта, в районе хребта Черского их высота делает реку несудоходной. В XVII в. в долине Индигирки располагалось несколько зимовий землепроходцев, некоторые из которых разрослись к концу века в остроги[70].

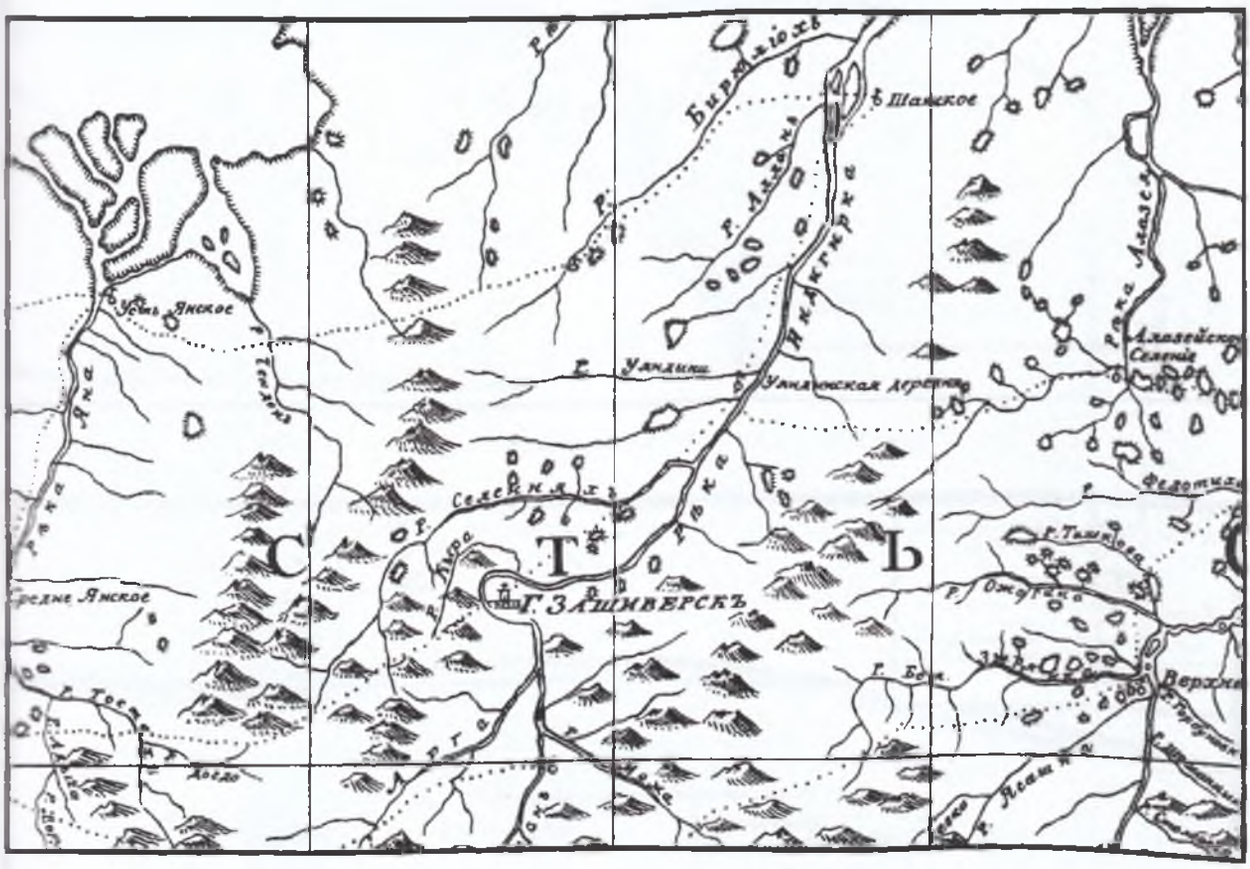

Рис. 62. Схема расположения Зашиверска.
На карте отражено расселение русских в Индигирском крае в XVII – XVIII вв. (См. ДЗ – С. 8.).

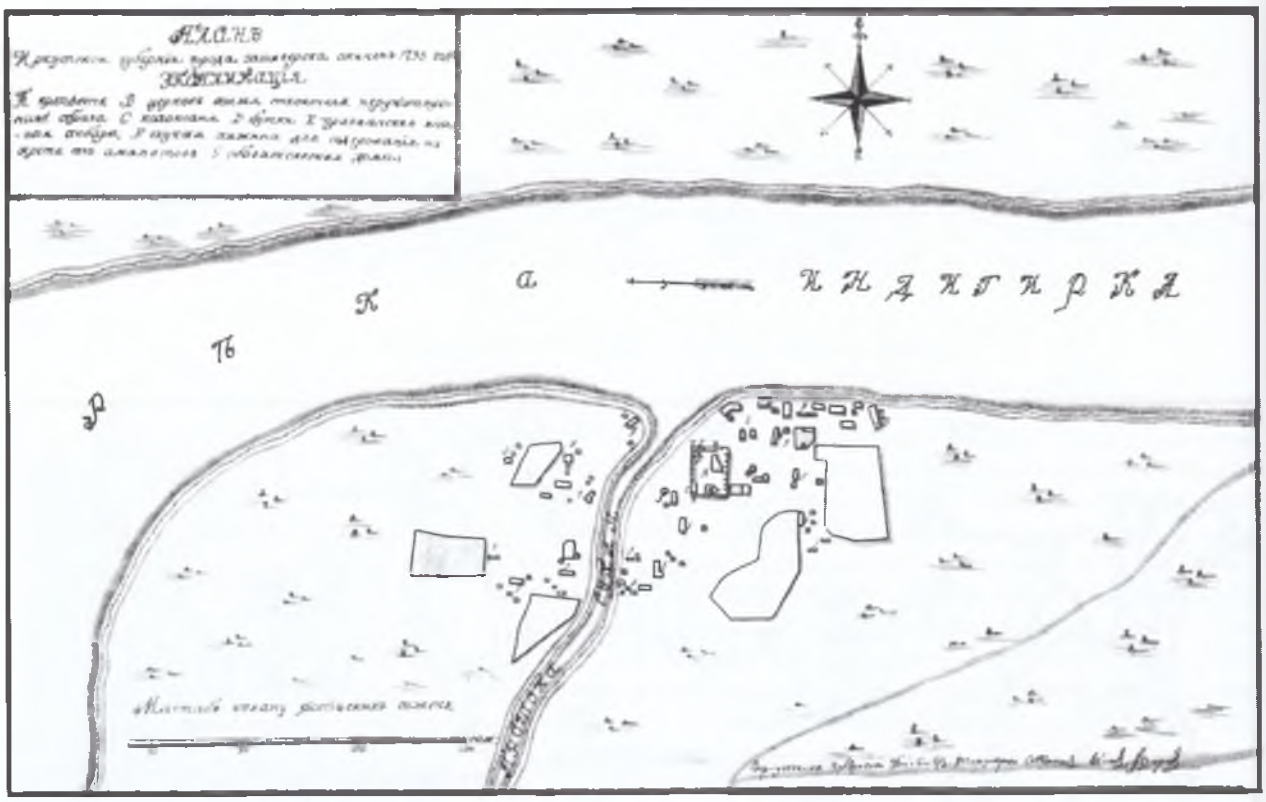

Рис. 63. План г. Зашиверска. 1798 г. Фрагмент. (См. *Сафронов.* – Вклейка).

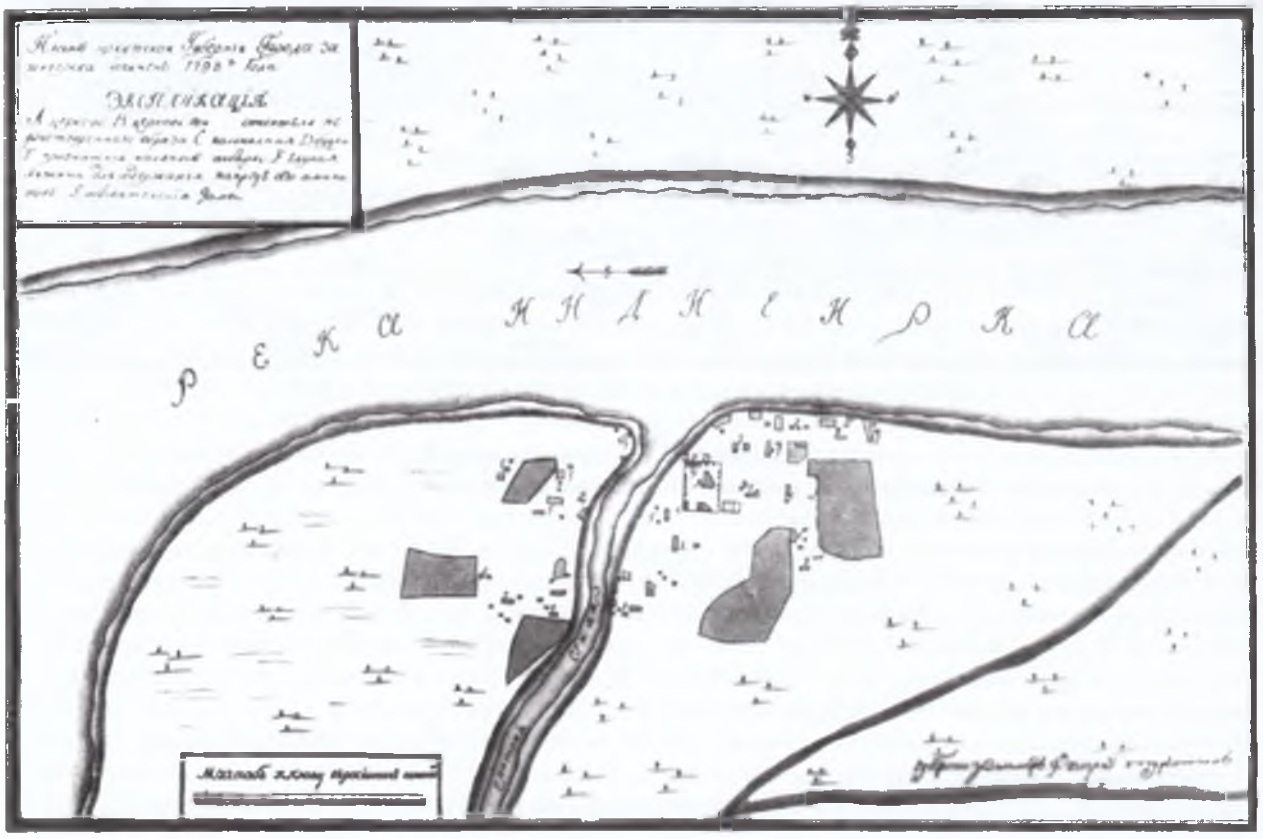

Рис. 64. План г. Зашиверска, подписанный губернским землемером Турчаниновым. Фрагмент. (См. ДЗ – С. 9).

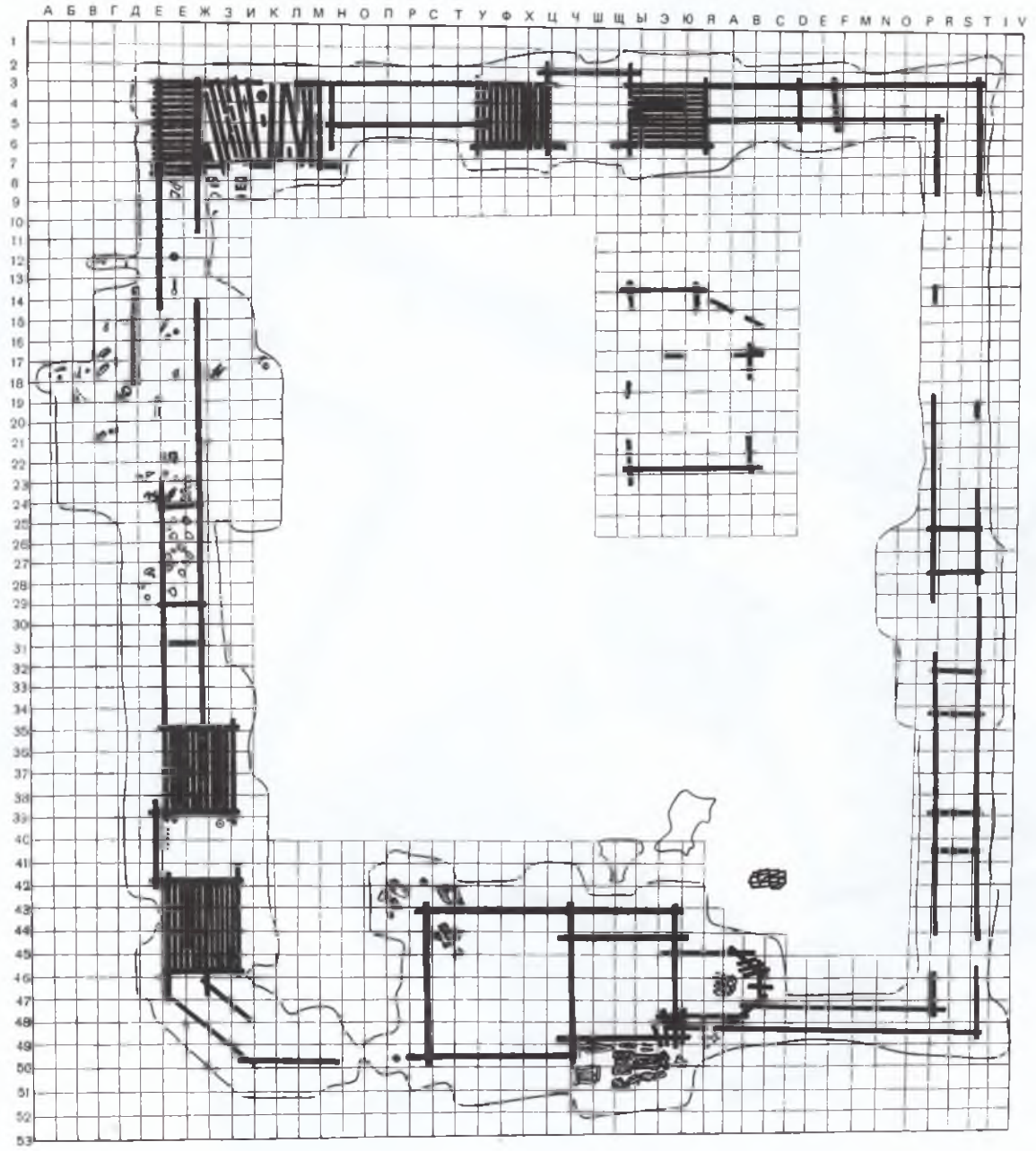

Рис. 65. Схематичный план раскопа Зашиверского острога по исследованиям 1972 г. (См. ДЗ – С. 84).

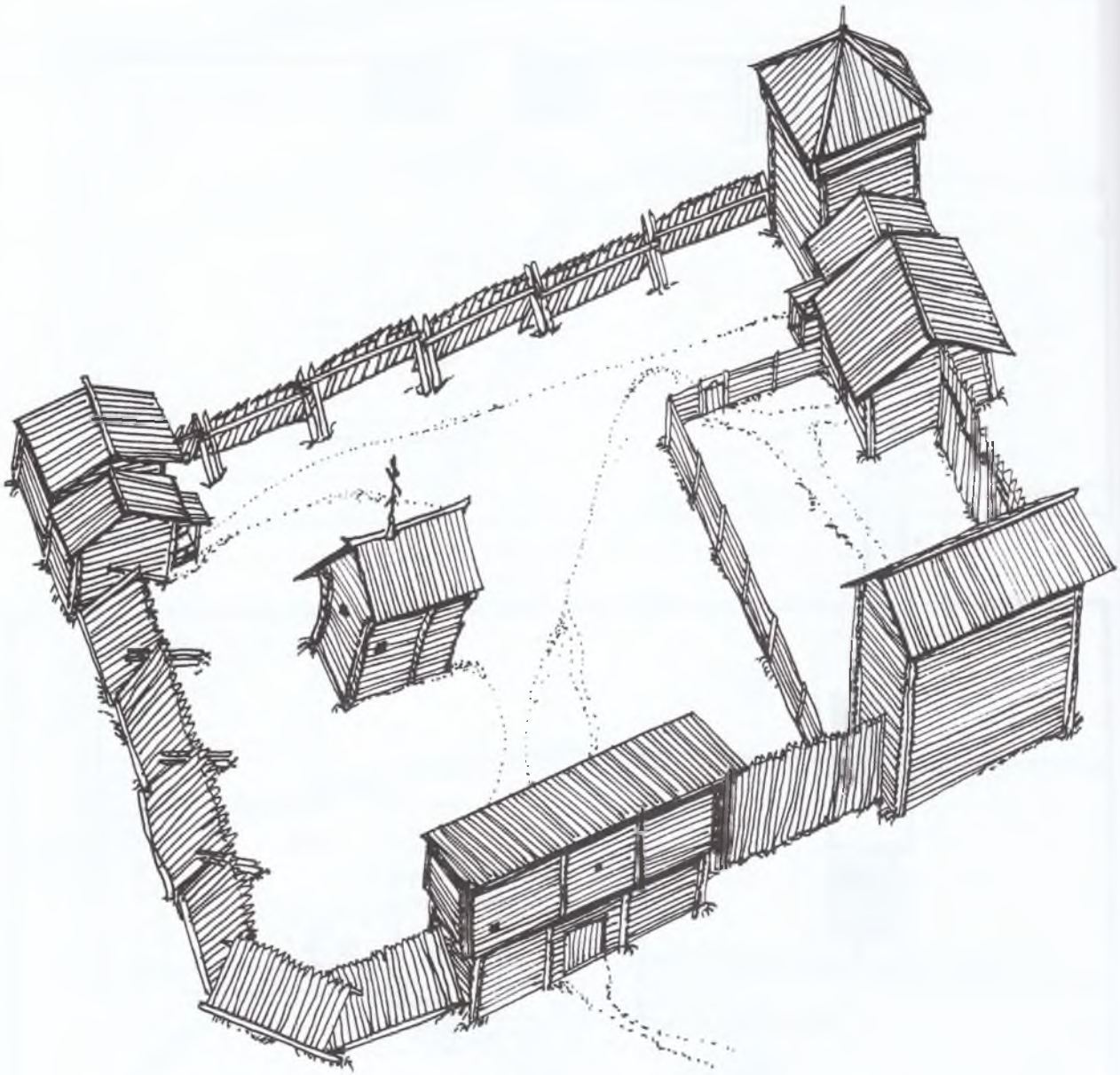

Рис. 66. Реконструкция Зашиверского (Усть-Момского?) острога. До 1700 г.

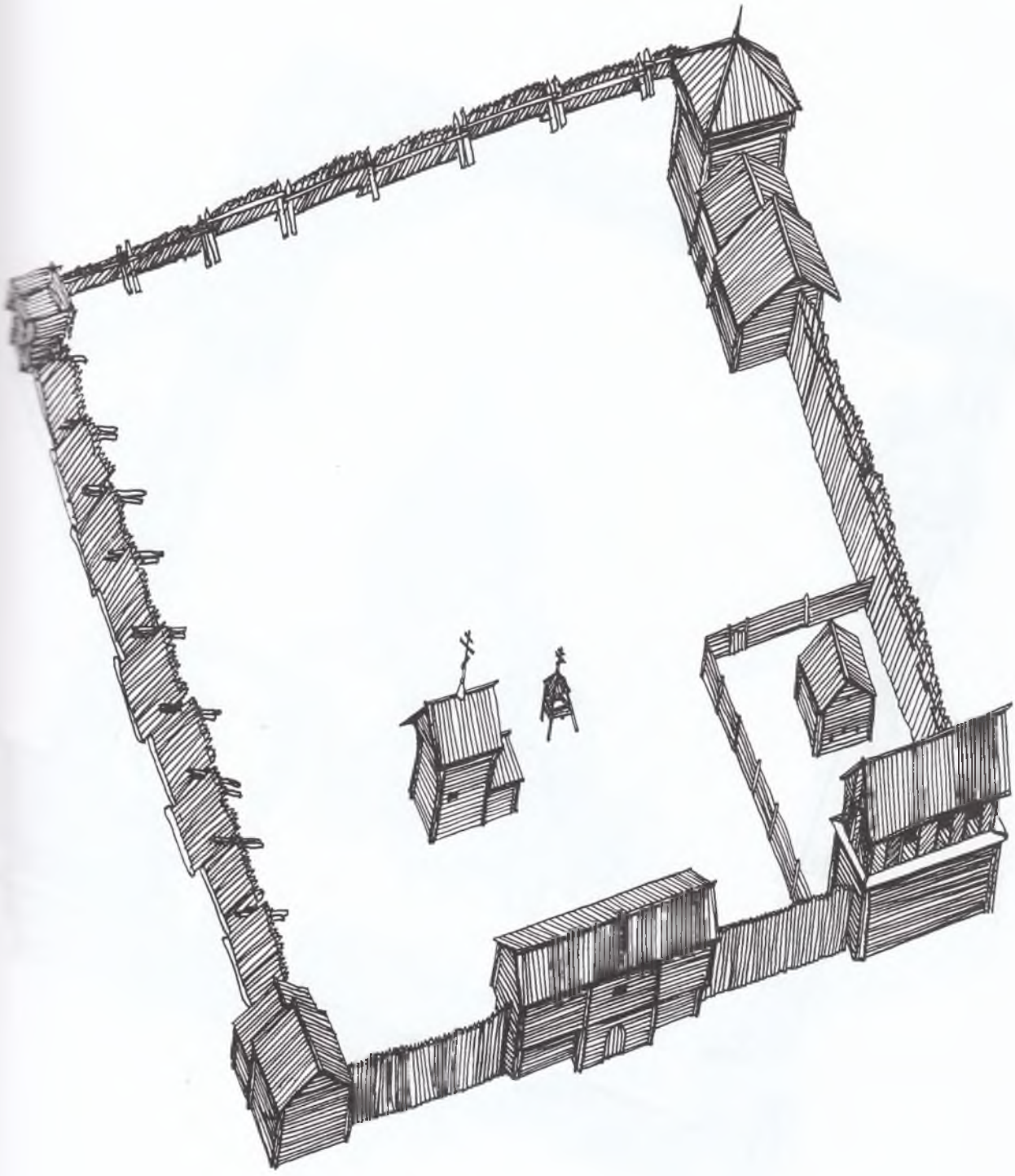

Рис. 67. Реконструкция Зашиверского острога после его переноса на р. Индигирку. До 1700 г.

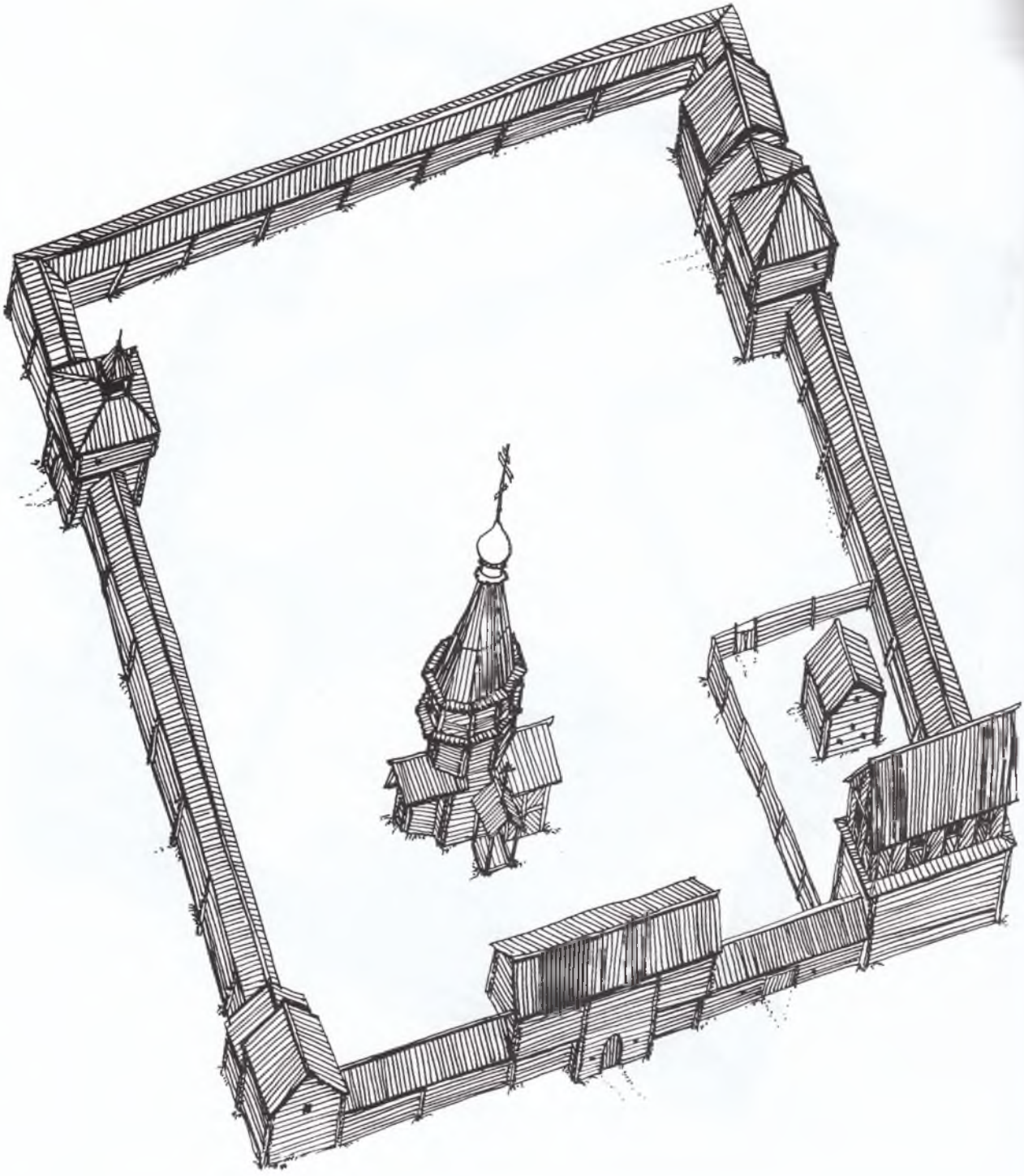

Рис. 68. Реконструкция Зашиверского острога с часовней «под колоколы».
1700 – 1735 гг.

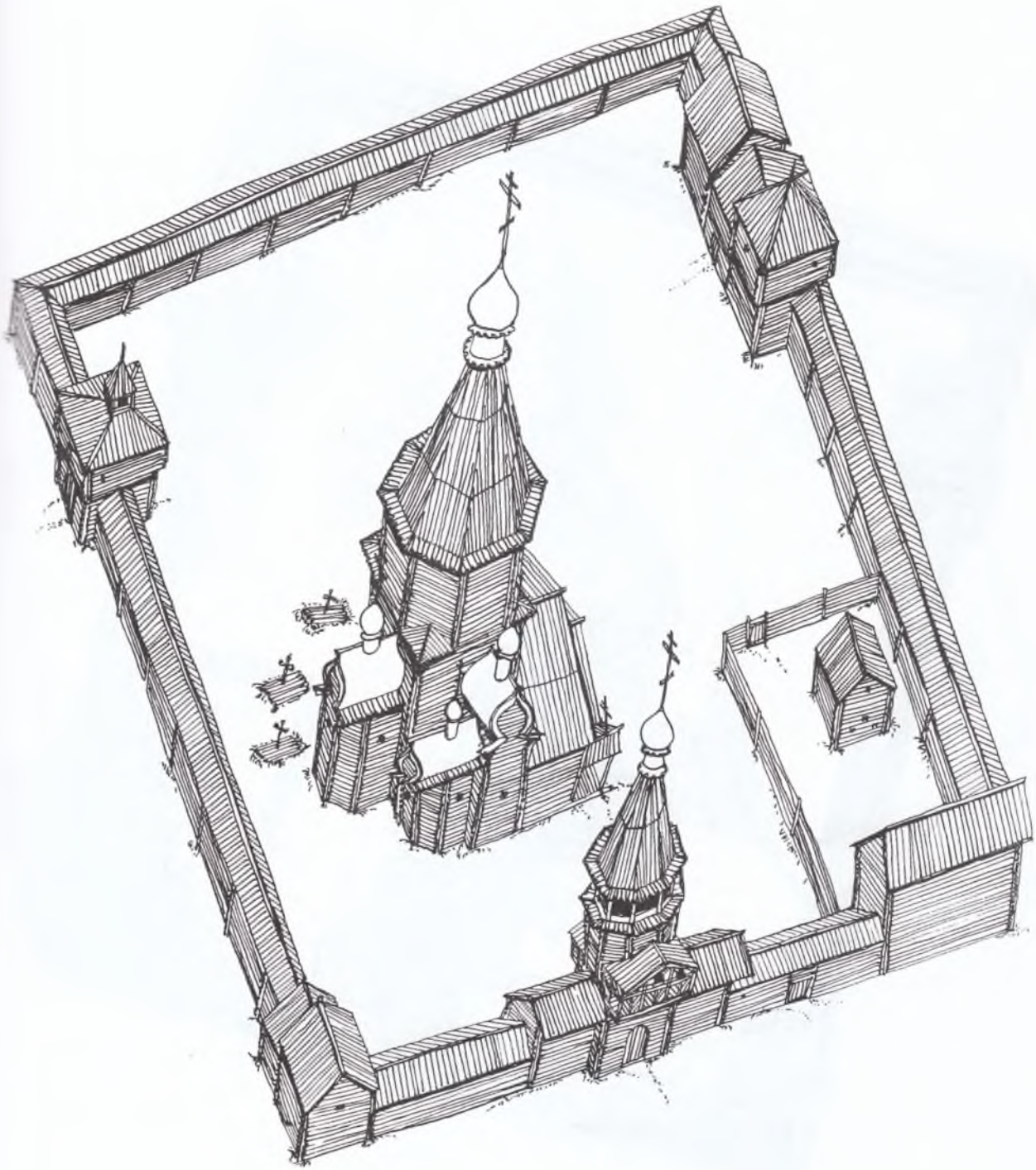

Рис. 69. Зашиверский острог. Около 1735 г.
Реконструкция. Вариант.

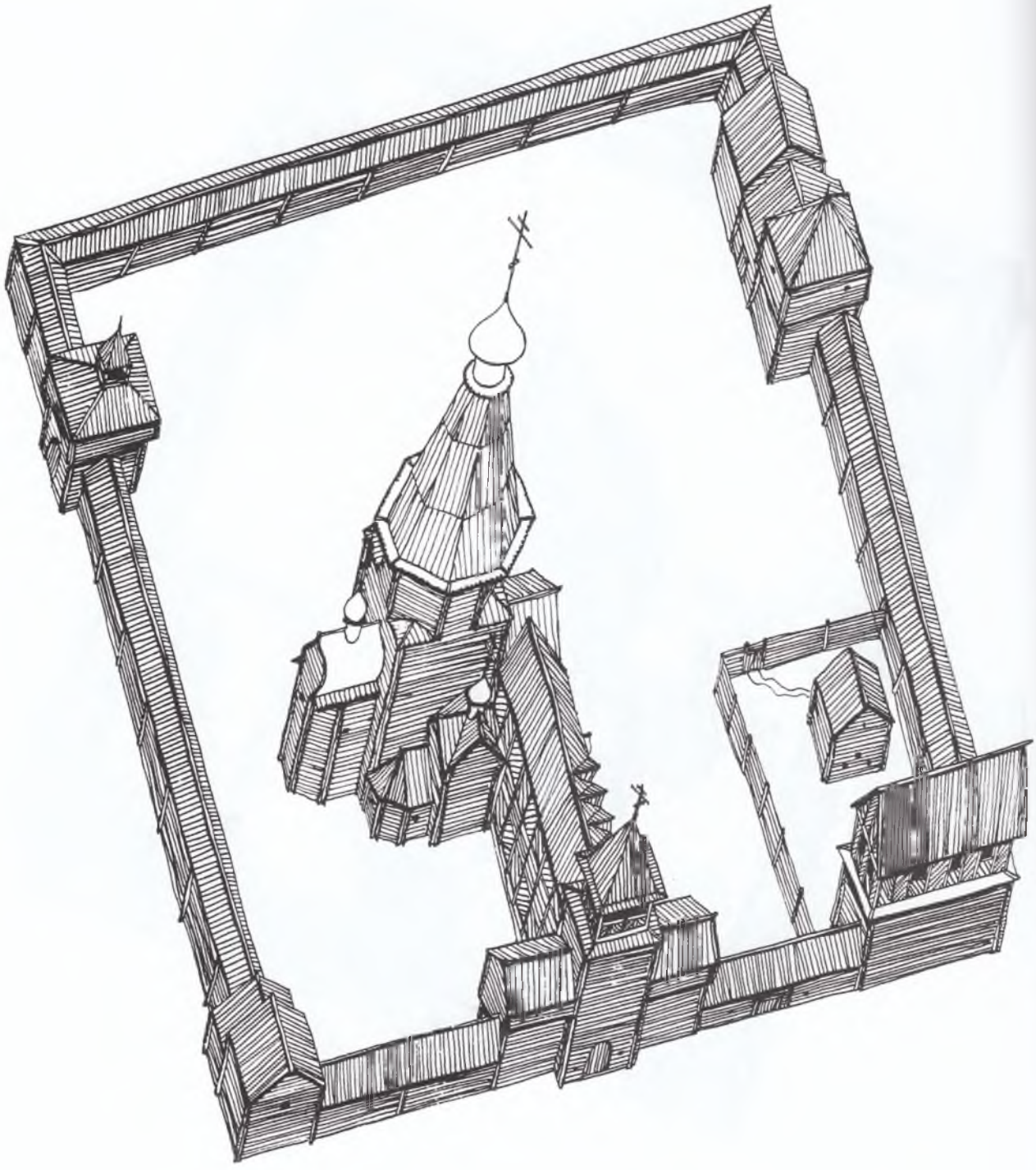

Рис. 70. Зашиверский острог. Около 1735 г.
Реконструкция. Вариант.

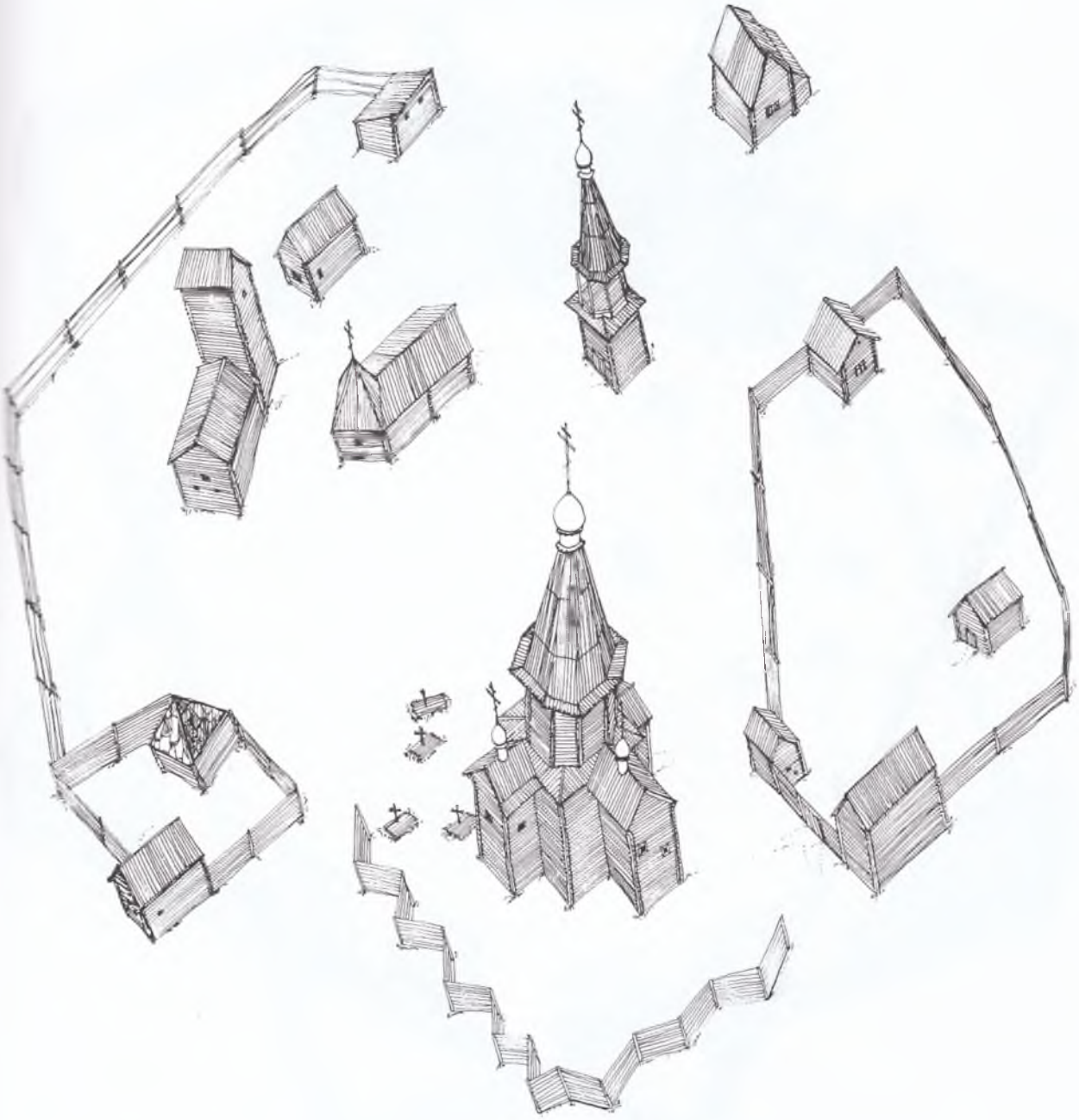

Рис. 71. Центр Зашиверска. Конец XVIII в.
Реконструкция.

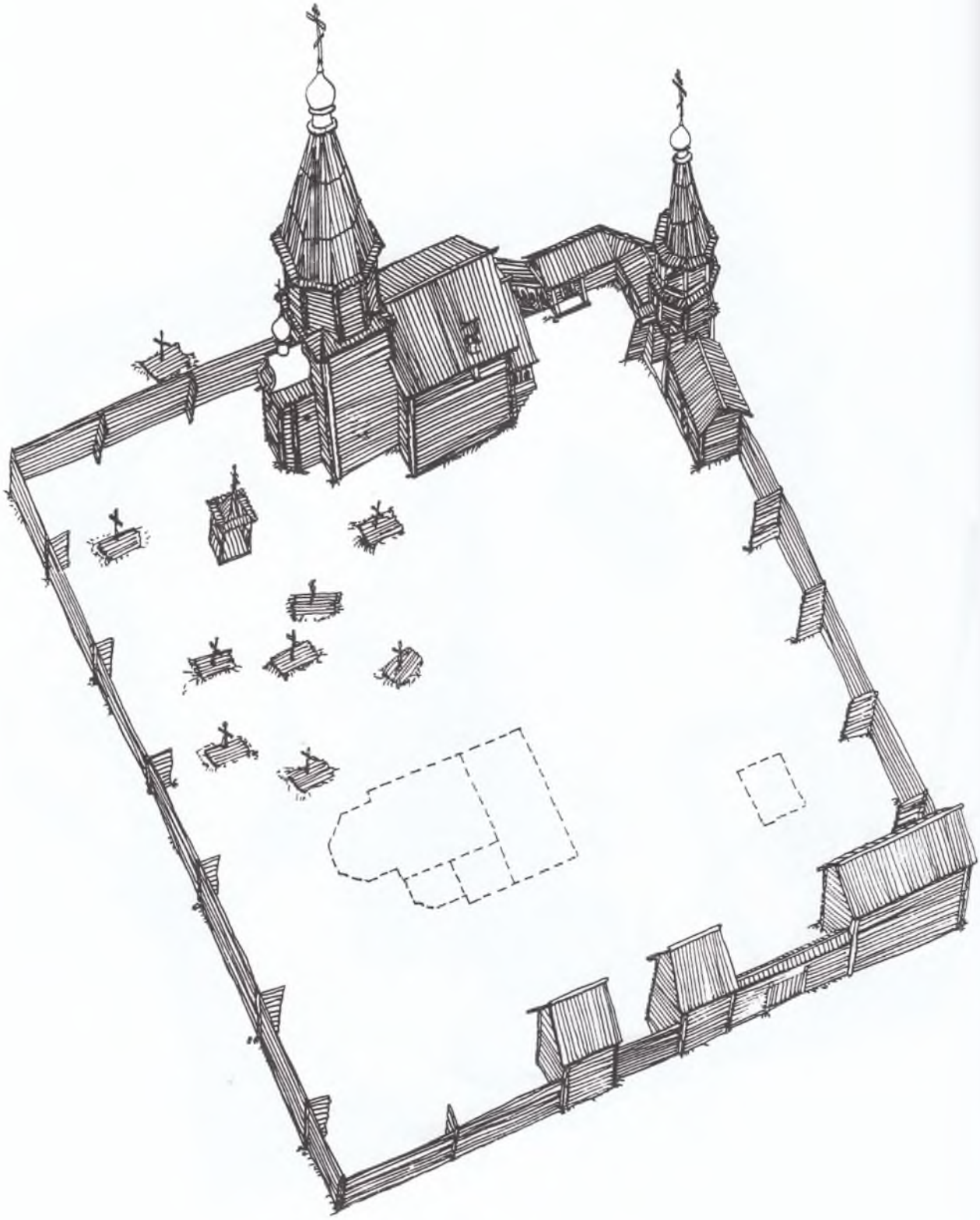

Рис. 72. Зашиверский острог. Рубеж XVIII – XIX вв.
Реконструкция.

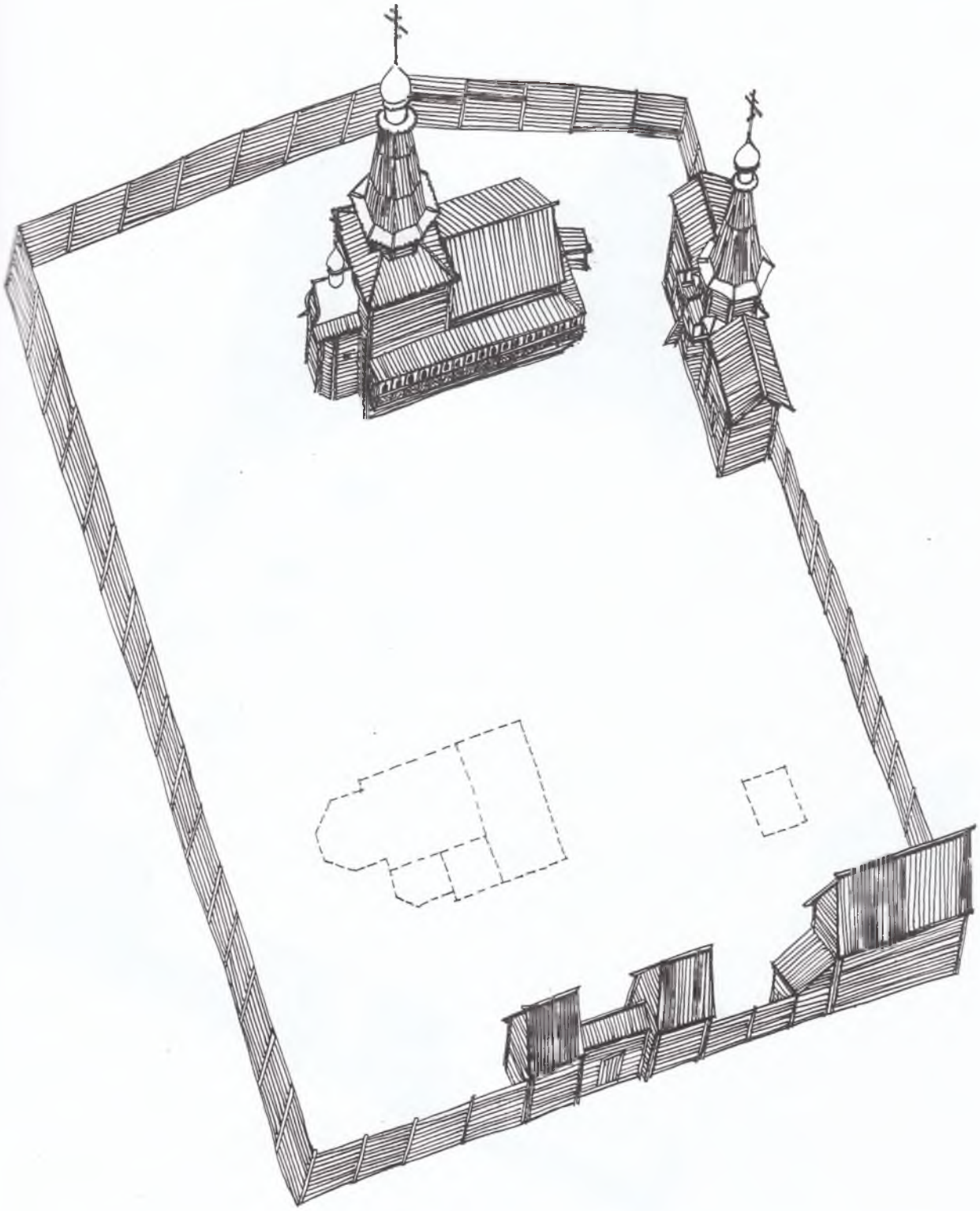

Рис. 73. Зашиверск. Перестройка острога после 1835 г.
Вариант реконструкции.

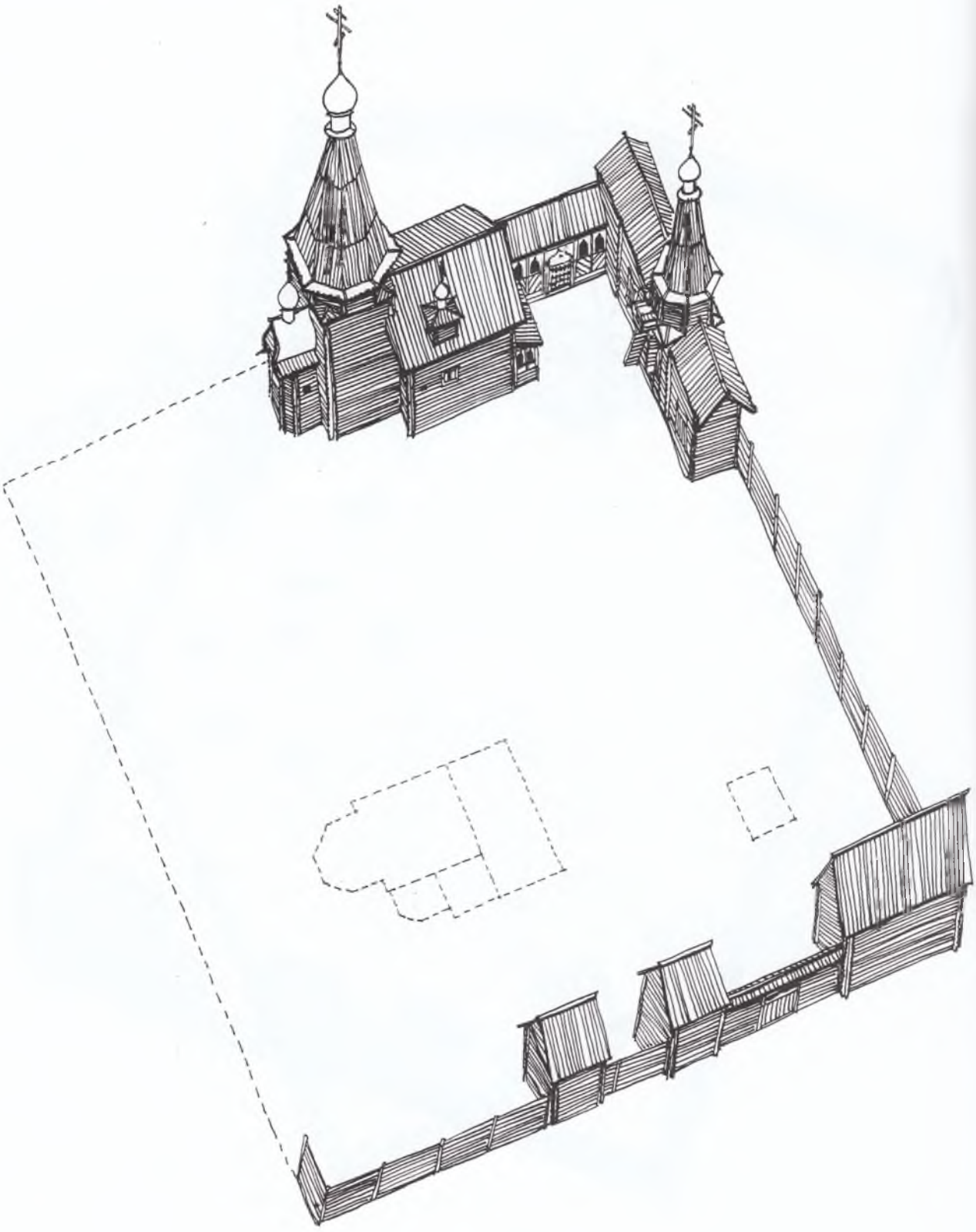

Рис. 74. Зашиверск. Перестройка острога после 1835 г. Вариант.

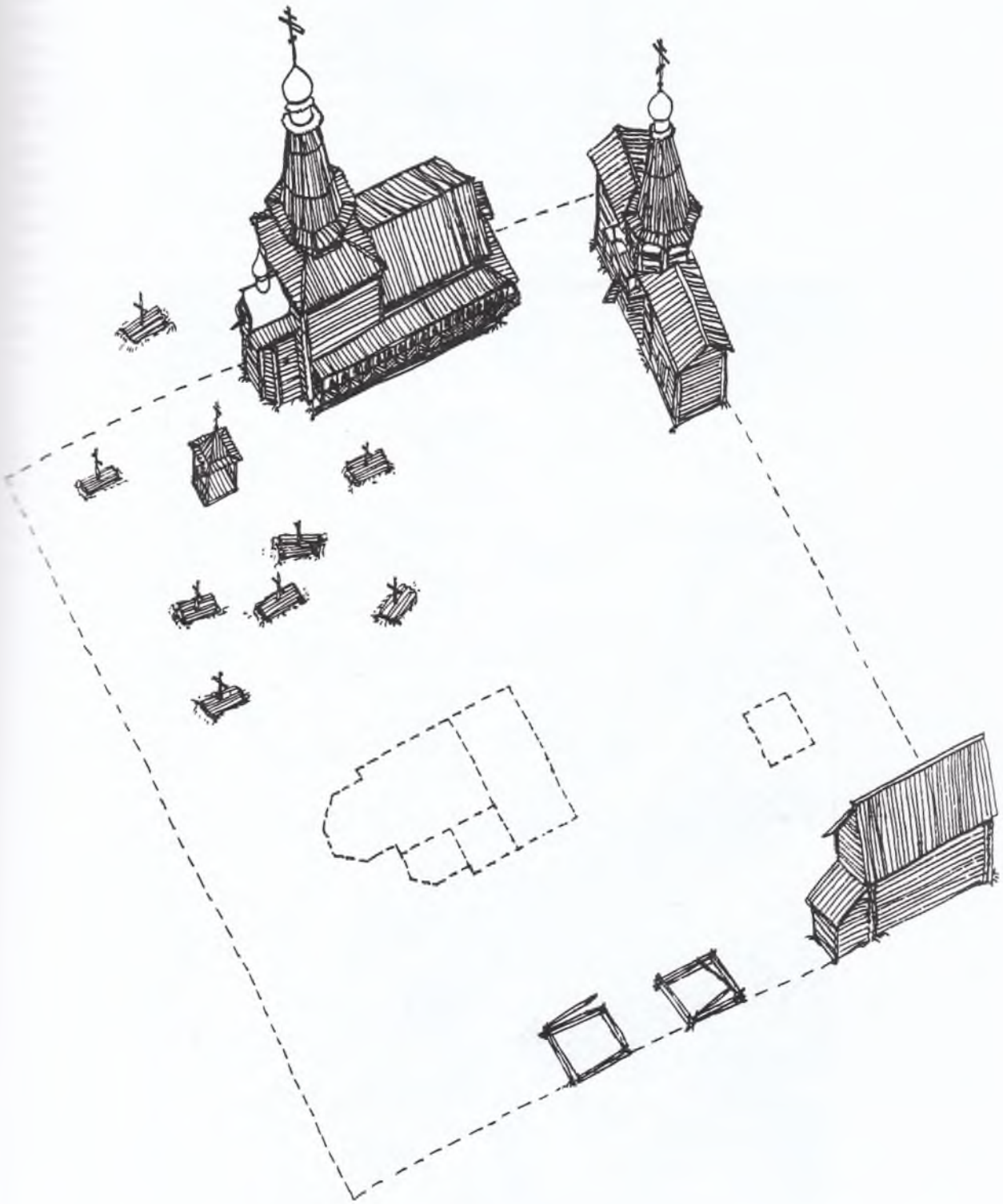

Рис. 75. Зашиверский острог. Конец XIX вв. Реконструкция.

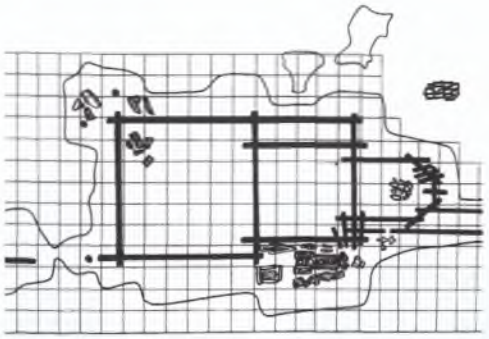

Рис. 76. План церкви по материалам раскопок 1972 г.

Рис. 77. Карта-схема бассейна Индигирки.

Как было выяснено, хотя впервые на Индигирку землепроходцы попали с запада, с Яны, их опорным пунктом стало Уяндинское зимовье, а затем острог, стоявший в устье притока Индигирки Уяндиной гораздо ниже будущего Зашиверска. Затем были основаны другие зимовья, расположенные вверх по Индигирке, в том числе Подшиверное и Зашиверское[71]. Последнее было основано, видимо, в начале 1650-х гг. Как видим, топонимия вполне соответствует природным условиям района, как они стоят при движении вверх по реке от Уяндинского острога. Но, еще раз подчеркнем, к северу от Зашиверска шивер нет, они существуют выше по реке. Поэтому невольно приходишь к единственно возможному выводу: первое Зашиверское зимовье основано выше каньона Момских гор, в устье Момы. К северу же от каньона находилось Подшиверное зимовье. Затем, ближе к концу XVII в., Зашиверск перенесен ниже по течению, к северу от Момского хребта. Возможно, не случайно то, что при раскопках в Зашиверске не было найдено ни одного предмета, который можно было бы датировать именно XVII в. Таким образом, не только Спасская церковь в Зашиверске была подвержена перестройкам и переносу, само поселение меняло свое местоположение; напомним, что в конце XVIII в. город собирались вновь переносить. Таким образом, первое Зашиверское зимовье в соответствии со своим названием было построено в устье Момы. Возможно, что здесь оно разрослось в острожек, в котором была построена часовня во имя св. Николая. При переносе острога на другое место его строения разобрали и сплавили по реке плотами, а затем восстановлены в изначальном виде там, где находился известный нам Зашиверск. Поэтому понятно, почему после упразднения Спасской церкви в Зашиверске икону св. Николая отправили в церковь, расположенную на месте оставленного в свое время зимовья, т.е. туда, где она была изначально.

Глава 3. Деревянная архитектура в контексте русской средневековой культуры

так, мы пытались восстановить обстоятельства существования двух комплексов памятников средневековой в типологическом отношении деревянной архитектуры. И Казымский острог, и церковный ансамбль Зашиверска прошли целую серию этапов развития. Казымский острог, период жизни которого укладывается в неполных два десятилетия, прошел путь от простейшего зимовья до вполне развитого острога с несколькими башнями. Зашиверский культовый комплекс немногим более чем за полтора столетия превратился из крошечной часовни в классический трехэлементный погост, а затем опять сократился до ансамбля церковь – колокольня, в таком виде и прекратил свое существование. Для каждой перестройки, как острога, так и церковного комплекса, обнаруживаются вполне конкретные и основательные причины, которые имеют отношение не только к колонизационной ситуации Сибири XVII – XIX вв.

Преобразования, происходившие с этими двумя комплексами, являются не произвольными перестройками, ничего не оставляющими от строений, предшествующих вновь сооружаемым. Каждая новая постройка, возникающая вместо своей предшественницы, или вместе с ней, непротиворечиво реконструируется именно в архитектурно-планировочной связи с тем, что было здесь ранее. Иной раз возникают «переклички» архитектурных образов, отделенных друг от друга десятилетиями. Так, Спасская церковь рубежа XVIII – XIX вв. получает объяснение своему объемно-планировочному решению, оказавшемуся конструктивно неудачным и потребовавшему радикальной реконструкции, только при рассмотрении здания церкви, существовавшего в Зашиверске на полвека раньше и исчезнувшего, казалось бы бесследно по меньшей мере за 15 – 20 лет до начала постройки церкви рубежа веков. Возникает ощущение постоянного изменения, движения самой архитектуры, движения совершенно отчетливо ориентированного, хотя и не линейного. Деревянная архитектура оказывается не только серией одновременно существовавших или сменявших друг друга построек, но и воплощением идей, обеспечивающих переход от одного строения к другому.

Для осознания сущности феномена русской деревянной архитектуры, ее места и роли в развитии культуры народа важно применить как аксиологический, так и деятельностный подходы что позволяет понять тенденции движения архитектурного творчества, как части культуры, поскольку в этом случае объекты архитектуры непосредственно связываются с деятельностью и восприятием людей в исторически определенном контексте. В этом случае конкретное здание или архитектурный ансамбль перестает быть самоценностью, обладающей некими свойствами, и не только занимает определенное место в стилевой эволюции, но и является составной частью целостной системы развития культуры. В ценностях общечеловеческое предстает в национально-специфической, классово-конкретной и индивидуально-особенной форме, что дает возможность выделить и связать особенности культуры вообще, и архитектуры в частности, с историческим, социальным, этническим, экономическим, геополитическим, природно-климатическим контекстом развития народа. Ценности архитектуры как явления культуры реализуются в социально-психологических ценностных ориентациях обыденного сознания людей, идеологических конструкциях, являющихся результатом осознания и теоретического выражения этих ориентаций, в ценностном сознании общества, различных социальных групп и творящей личности, в единстве с добываемыми ею знаниями о мире, обществе, людях и самой себе[72].

При этом принадлежность архитектуры к художественной культуре, особому слою культуры, обеспечивающему хранение, выработку и распространение художественной информации, отделяет ее от других слоев культуры – материального и духовного, образование сложных комплексов с ними, определяет стиль самой архитектуры[73]. Высокий же эстетический потенциал архитектуры позволяет говорить о ее принадлежности

Рис. 78. Правый берег Индигирки. Вдали виден шатер Спасской церкви. (См. ДЗ – С. 32).

к культуре, фиксирующей ее особый разрез, проходящий через все культурные слои. Поэтому в оценке произведений архитектуры важен анализ как художественных, так и эстетических ценностей.

Место и роль того или иного архитектурного произведения помогает понять их характеристика, трактуемая более широко, чем ценностная, поскольку может быть также и познавательной. Оценка произведений архитектуры должна быть комплексной, соединяющей частные определения их технико-технологических, социально-функциональных, экономических, эргономических, эстетических и других качеств. Рассмотрение же ценностной характеристики того или иного исторического периода, понимаемой как оценка, которую осуществлял субъект, индивидуальный или групповой, не абстрагируясь от своих потребностей, установок, идеалов, присущих конкретной исторической эпохе, а именно из них исходя, позволяет понять характер произведения архитектуры как исторически изменчивый и культурно опосредованный. Очевидно поэтому изменение ценностной установки ведет к смене эстетических оценок и приоритетов, и, как следствие, к смене стилей, что позволяет говорить о закономерности стилевых изменений и для произведений деревянной архитектуры, этапности развития зданий с фиксированными особенностями, присущими каждому этапу и отличающему его от других.

Необходимо отметить, что в формировании ценностей архитектуры важную роль играет дуализм последней, имеющей как всякое явление культуры две стороны: процессуальную и предметную, при этом охватывающем способы опредмечивания своих сущностных сил в создаваемой «второй природе» и способы их распредмечивания. Поэтому деятельностный подход позволяет глубже понять сущность образного строя архитектуры, являющейся самой этой предметностью, «второй природой».

Генетически связанная с архитектурой Российского Севера, деревянная архитектура Сибири имела свои ценностные ориентиры. Принимая во внимание все вышесказанное, рассмотрим некоторые из них, влиявшие на ее свойства и характеристики на примере крепостей и православных храмов, сопоставив в какой-то мере типологические особенности, выражающие соотнесенность архитектуры с разными сферами жизни, и понимание специфики трактовки и восприятия различных типов архитектурных сооружений. Для этого, прежде всего, следует обратиться к символике, т.е. значению, смыслу и ценности, которые приписывает морфологической основе русская культура; морфологии самой формы произведений архитектуры, т.е. поддающейся объективному описанию основы, обычно принимающей вид геометрической фигуры; а также феноменологии архитектурной формы, т.е. тем смыслам, которые возникают в индивидуальном сознании[74].

Для нас важно рассмотрение этих особенностей, присущих средневековой культуре, поскольку и Казымский острог, и храмовый комплекс Зашиверска с полным правом и в типологическом отношении, и отчасти во временном можно отнести к постройкам, имеющим характер средневековых.

Общеизвестно положение о самобытности русской архитектуры, и, видимо, стоит согласиться с тем, что она определяется не столько наличием или отсутствием тех или иных форм, сколько характером их интерпретации, как своих, т.е. освоенных давно, так и заимствованных откуда бы то ни было[75].

Рис. 79. Северный фасад церкви. Фото 1980-х годов.

История культуры показала, что человечество как тотальный субъект породило мифологическо-религиозную форму ценностного сознания, в которой большую роль играет символика, порождающая множество ассоциаций и смысловых значений, создающих и поддерживающих систему ценностей. В принципе любой архитектурный объект может восприниматься как символ эпохи, народа, идеологии. Способность становиться символом свойственна архитектуре благодаря тому, что ее объекты всегда создаются для определенной жизнедеятельности, которая находится вне воспринимаемой формы, стоит за ее конкретностью[76].

Для средневекового типа сознания, существующего в какой-то мере в силу некоторой инерционности развития и в эпохи, исторически следующие за Средневековьем, характерно обращение к символизму, как к основному принципу, диктующему форму и стиль произведений архитектуры и искусства, приверженность к идеализации и сохранению традиционности форм. Символика русских деревянных православных храмов в своей основе сохраняет свое смысловое содержание на протяжении всей истории своего существования вне зависимости от региона расположения и стилевых особенностей зданий храмов, совпадая при этом с символикой каменных церквей. Она связана, в первую очередь, с пониманием храма как подобия Неба на земле[77].

Строительство церквей в Сибири было одной из государственных забот Московского правительства, которое стимулировало этот процесс с начала продвижения русских на восток. Культовые сооружения возводились в острогах, городах, затем стали строиться в погостах, слободах и крупных селах. Так как в архитектуре храмов этого периода ясно проступали северорусские традиции, то вполне закономерно при рассмотрении их обращение к аналогам Российского Севера. Первоначальные церковные сооружения в Сибири были малы и несложны (таковы часовни и клетские церкви,) напоминавшие обычные жилые избы «русского» или «карельского» вида, построенные для нужд нескольких семей в одном селении[78].

Преемственность в развитии православных культовых зданий отмечалась исследователями эволюции архитектурных сооружений. По наблюдениям В.П. Орфинского[79], часовни претерпели ряд изменений, причем заключительным этапом эволюции было их преобразование в церкви путем пристройки алтаря в основном во второй половине XIX в. Происходили также и обратные преобразования, как бы поворачивающие эволюционный процесс вспять: по церковным правилам в случае упразднения и снесения церкви ее престол не мог уничтожаться, а должен был обращаться в часовенку. Известны и часовни с имитацией алтарной апсиды, происхождение которых можно связать с преобразованием престола упраздненной церкви и, соответственно, с желанием запечатлеть в облике культовой постройки главный элемент храма-предшественника. Церкви, возникшие путем преобразования часовен, являлись производными от них и, одновременно, прототипами, поскольку сами часовни – это вариант церквей с упрощенным ритуалом, лишенным главной части – литургии. Преемственность выражалась в стремлении поставить новое здание на месте старого и в случае полного уничтожения второго, что осознавалось как традиция. Примером этого может служить Преображенская церковь в с. Поздышево Архангельской обл.[80]

Очень скоро с ростом сибирских поселений типы культовых зданий усложнились, повторяя сложившиеся в России традиционные образы церквей. Архитектура сибирских деревянных церковных зданий до первой половины XVIII в. была во многом подобна северорусскому деревянному православному зодчеству[81].

Русская архитектура в Сибири не претерпела значительной ценностной переориентации, однако стала заметна концентрация интереса на определенном типе церквей. Шатровые храмы стали распространенным типом культовых строений в городах и селах Сибири уже в XVII – начале XVIII в. В исследованиях отмечается, что

крестьяне охотно рубили церкви с «верхами на шатровые клетцы и олтари круглы...» Срубные колокольни почти все имели шатровые завершения и шести- или восьмиугольную в плане форму[82].

Такое предпочтение храмам шатрового типа в Сибири отдавалось, видимо, в силу прекрасной организации ими пространства, утверждения освоенности новой территории, структурированности всего поселения, что в конечном итоге и является целью и результатом архитектурного творчества. Идеологические установки также способствовали этому, поскольку тоталитаристское политическое сознание эпохи феодализма утверждало в качестве главенствующей ценность государственной власти[83], что позволило исследователям говорить о символическом смысле шатровых храмов как утверждающих идею государственности на новых землях.

Те же соображения можно высказать и в отношении деревянных крепостей, строившихся в Сибири, в которых сложившаяся четкая иерархичность сооружений позволяет заметить неточности в их реконструкции и направить путь поиска, поскольку делает возможным выделение сущностных характеристик развития в общей массе сведений.

К XIX в. русские в Сибири жили уже более двухсот лет, для них эта земля стала родной, манифестация обживаемости территории должна была смениться символами устойчивости и обжитости, вероятно, поэтому стало возможным удаление шатровых покрытий, появление каменных зданий, а при нехватке материала для их строительства – деревянных «под каменное дело», т.е. имитирующих признаки сооружений из камня, для чего здания обшивались досками, что придавало им более распластанные формы. Распространение принципов классицизма меняет характер культовой архитектуры в Сибири. Начинается перестройка старых зданий, которые получали новый облик, более близкий к архитектуре классицизма. Так, архиепископ Нил, будучи в 1843 г. проездом в с. Орленском Иркутской губ., приказал церковь, построенную около 1784 г., в которой «здатели о пропорциональности и думать не смели», обшить тесом и перекрыть, «чтобы дать зданию... больше благообразия». В 1846 г. в с. Уян церковь, построенную в 1798 г., отремонтировали, обшили и покрыли тесом, выкрасили масляной краской. Были сняты с церквей «остроугольные шатры», главы и кресты делали железными и красили[84].

Представляется необходимым более подробное рассмотрение морфологии форм сибирской деревянной архитектуры, связанной со структурированностью, упорядоченностью пространства, с проблемой устойчивости использования определенных форм и получения ими разных трактовок во взаимосвязи с общими тенденциями развития культуры. Структурирование формы стало ассоциироваться с простотой и ясностью геометрических очертаний, чему полностью отвечает архитектура деревянных храмов, каждое здание которой, упрощенно говоря, представляет собой сочетание кубов, параллелепипедов, призм, пирамид. Однако, простота форм не означает примитивность, а напротив, благодаря ориентированности на восприятие комплекса форм в различных ракурсах, в движении и смене точки зрения наблюдателя, в возможности обозрения сооружения или ансамбля зданий с ближних и дальних расстояний без утраты художественных и эстетических достоинств создает особые ценности, присущие архитектуре этого типа. На различных этапах существования произведения русской деревянной архитектуры устойчивым элементом композиционной основы при внешнем различии форм является именно это свойство, т.е. изменчивость впечатлений при движении. В данном случае форма выступает как материальное воплощение многообразной информации, существенной для деятельности и духовной жизни человека, как носитель эстетической и художественной ценности. Возможно, как с устойчивостью такого рода, так и со стабильностью символической системы связана изменчивость форм и «необычайная гибкость средневековой архитектуры и ее способность в широких пределах ассимилировать элементы других архитектурных систем в противоположность моностилевым амбициям классицизма»[85], о чем писал В.П. Орфинский. Многими исследователями отмечалось правило архитектурно-строительной практики того времени следовать образцу и передавать из поколения в поколение одни и те же строительные приемы и принципы, что обеспечивало наличие ясных ориентиров в зодчестве, но не приводило к репродуктированию архитектурных форм, изначально допуская многозначность прочтений и возможность переосмыслений при отсутствии жестких формальных ограничений[86], но, вероятно, в этом случае можно говорить о канонизации образцов и правил как о воплощении устойчивости некоторых ценностных ориентиров в архитектурной практике.

Для деревянных зданий характерна недолговечность, что связано со свойствами материала и что верно рассматривается как недостаток. Но, по-видимому, существуют глубинные культурные причины, которые удерживали Русь-Россию на протяжении чуть ли не всего первого тысячелетия ее истории в статусе «деревянной страны». Конечно, вполне резонны отсылки к климату, к специфике природных условий, не лишены оснований и соображения о бедности слабо заселенной земли, подвергавшейся разрушительным вторжениям извне. Но кроме этого еще существует нечто, что обнаруживается в самом ядре культурной парадигмы. Западная Европа, ее заальпийские территории, была к началу средневековья залесена не меньше средней полосы России. Германцы начинали свое историческое бытие с той же традиции деревянно-земляной архитектуры, что и славяне.

Рис. 80. Строительство деревянной церкви. Миниатюра XVII в.

Тем не менее уже в XI – XII вв. Европа переходит к массовому каменному строительству. Россия осваивает кирпичную и каменную кладку стен и сводчатых перекрытий в то же время, но после монголо-татарского нашествия первой половины XIII столетия практически на целый век отказывается от этой практики. Последствия погромов Батыя и Неврюя? Да, но в 1365 г. посреди деревянной, не исключая и храмов (кроме четырех каменных кремлевских церквей), Москвы за два года возникает грандиозная каменная крепость. Об нее разбиваются два литовских похода, разбился бы и тохтамышев набег, если бы крепость не открыла ворота сама. Значит к середине XIV в. в деревянной России нашлись сотни и тысячи мастеров по работе с камнем, нашлись и зодчие, и распорядители работ. Были и людские, и материальные ресурсы, и навыки каменного строительства. Но тем не менее Москва остается деревянной еще несколько веков. «Окаменевать» русские города по-настоящему начинают только с XIX в., да и то в своих исключительно центральных частях. Что уж говорить о малых поселениях, даже несельскохозяйственного типа, а тем более о русской деревне: здесь дерево составляет главный строительный материал и до наших дней.

Что заставляло русских людей веками строить в основном деревянные здания? Ведь для них не было секретом одно из неизбежных следствий сплошной деревянной застройки: ее уязвимость огнем. Это свойство даже использовали с успехом в ситуации нападения врагов на поселение: жители прятались в остроге или городе, занимавшем центральное возвышенное место, сжигая окружающие его постройки, чтобы они не послужили опорными пунктами для нападавших. Но и затем, при отсутствии какой-либо угрозы города России строили деревянными, и вплоть до XX в. они горели с такой регулярностью, что невольно напрашивается определение архитектурно-планировочного ландшафта русского города как «пирогенного», по ближайшей аналогии с хвойными суходольными лесами. То, что каменная постройка под сводами представляет собой весьма надежное сооружение, не только мало подверженное огню, но и препятствующее его распространению, было известно всегда. Тем не менее каменные здания остаются единичными вкраплениями в деревянной застройке.

Заметим, что частые пожары, которым были подвержены все поселения России, включая и сибирские, при всей их трагичности служили обеспечению и стимуляции обновления зданий. Историк и теоретик архитектуры М.А. Ильин писал, что об облике зданий Москвы середины XVIII в. мы имеем весьма общее представление, так как многочисленные переделки и перестройки второй половины XVIII в. и особенно пожар 1812 г., не говоря уже о безжалостном уничтожении многих ценных сооружений, значительно уменьшили количество зданий, относящихся к 1740 – 60-м гг. Большой ущерб Москве нанес катастрофический пожар 1747 г., пострадавшие общественные, дворцовые и церковные здания восстановили, многие построили вновь[87].

Такое положение было обычным даже для столицы государства, подобной же была ситуация и в отдаленных от европейских центров поселениях Сибири и Севера. Так, например, Тобольск горел более восьми раз. Наконец, после пожара 1686 г. началось строительство каменных стен, башен, ворот. За столетие с момента основания в 1594 г. Тара горела четырежды[88].

С другой стороны, каменные храмы средневековой России, как будто бы с великим трудом возводимые в XIV и XV столетиях, существовали не более нескольких десятилетий. Широко известна история Благовещенского собора Московского Кремля начала XV в. Возведенный на рубеже веков, он десятилетие стоял без росписи, наконец, она была выполнена артелью Андрея Рублева, а буквально через два-три года собор снесли и на его месте построили другое здание. Причина здесь, конечно, не в плохом качестве выполнения работ. Фундаментные части московских соборов XIV в., обнаруженные под позднее возведенными храмами, имеют отличную сохранность и высокую степень надежности, что говорит о хорошем качестве выполнения работ. Что касается каменных храмов конца XV – начала XVI в., сооруженных в Москве под руководством итальянских архитекторов, то Успенский собор является сейчас единственным сохранившемся зданием, возведенным Аристотелем Фиораванти, ни одной церкви Алевиза Нового (кроме Архангельского собора Кремля) не сохранилось не только до наших дней, но даже и до XVIII в., хотя достоверно известно, что он построил не менее пятнадцати.

Итак, с одной стороны, каменное строительство в средневековой России представляет собой нечто необычное, экстраординарное, каждый храм – архитектурное событие, а с другой стороны, эти уникальные постройки с необыкновенной легкостью сносятся и заменяются другими чуть ли не в первые десятилетия своего существования. Трансформация же деревянных сооружений была еще более типичным явлением. Достоверно установлено, например, что часовня Архангела Михаила на острове Кижи пережила несколько строительных этапов[89]. Развитие Кемской крепости также было поэтапным, что позволило реконструировать ее вид в разные периоды[90]. Колокольня в Долгощелье первоначально была столбчатой (XVII – первая половина XVIII в.), затем ее конструкцию изменили на срубную (вторая половина XVIII в.), и, наконец, обшили тесом (конец XIX в.)[91].

Из-за частых пожаров, уничтожавших церковные здания, и быстрого временного износа храмов Святейший Синод издавал указы (от 10 дек. 1770 г., от 8 сент. 1796 г.) о запрещении строить деревянные церкви. Высочайшее повеление от 10 дек. 1800 г. также запрещало строить деревянные церкви. Однако Синод по ходатайству сибирского генерал-губернатора Пестеля отступил от строгости указов для Сибири и разрешил возведение деревянных сооружений уже в 1815 г. по всей Сибири[92].

Очевидно, что все это не было результатом серии случайных совпадений неблагоприятных факторов, которая, в таком случае, слишком длинна и систематична, чтобы не увидеть за ней проходящей сквозь века закономерности, а именно, культурного стереотипа поведения человека в архитектурном пространстве.

Отвлекаясь от естественных причин и действительных преимуществ изобилия дерева как строительного материала, можно говорить о том, что стабильность, неизменность формы здания, деревянного или каменного, по своей сути не отвечает архитектурным принципам, основывающимся на изменчивости и чутком реагировании на малейшее изменение ценностных установок людей. Практически любой объект живой, действующей деревянной архитектуры, использующийся по назначению (здесь мы не говорим о музеефицированных зданиях или о сохраняемых как памятники архитектуры), существовал в определенном виде, имея определенные формы, в лучшем случае в течение времени жизни одного поколения людей, а большинство из них – намного меньше. Для сооружений русской деревянной архитектуры стало неотъемлемой чертой их постоянное возобновление в различных формах.

В связи с этим исключительно важной была практика ремонтов зданий, в первую очередь православных храмов. Этот вопрос детально был рассмотрен М.И. Мильчиком[93], что позволило ему сделать ряд важных выводов. Во-первых, ремонты предусматривали как полную переборку зданий, так и частичный ремонт кровельных перекрытий, выпрямление основного сруба, частичную перестройку или достройку существующего храма, что, по нашему мнению, как раз и означает трансформацию облика здания согласно изменившимся ценностным установкам, конечно, в этом случае ни коим образом не отрицается и значение обновления технических, конструктивных, и прочих характеристик здания, которые также включены в систему ценностей.

Во-вторых, ремонтные работы являлись неотъемлемой частью всего деревянного дела в России, при их проведении плотники, как и при новом строительстве, соединяли в своем лице зодчих, мастеров и организаторов работ. При возведении новых храмов на месте старых, как и при ремонтах, заказчик-мир требовал воспроизведения прежних, ставших уже привычными форм. Однако это требование не исключало разного рода достроек и видоизменений, что характерно для всякого средневекового ремесла, связанного с духовными сторонами культуры того времени. В XVII в. целью ремонта было поддержание или возобновление старой функции при сохранении лишь в общих чертах прежнего облика сооружения и при бережном отношении к использованным ранее строительным материалам в целях экономии. Требование максимального сохранения подлинных элементов полностью отсутствовало (исключение – чудотворные иконы), так как в сознании современников деревянные храмы не являлись уникальными сооружениями. Строительство новых после частых пожаров убеждало в возможности повторения, возобновления привычных типов и форм и, добавим, гибко удовлетворяло

потребности, в том числе эстетические, и вкусы новых поколений людей. Таким образом, не только доступность и легкость обработки материала обеспечили долгую жизнь деревянной архитектуры, и не просто сумма известной триады Витрувия «польза, прочность, красота», а скорее интегрированность многочисленных факторов, влияющих на форму на основе их эстетического и художественного осмысления.

Почему же это свойство изменчивости и трансформируемости при четкой устойчивости определенных характеристик, о которых мы говорили ранее, стало отвечать духу и потребности русской культуры? Возможно, ответ на этот вопрос нужно искать в качествах и определениях русского народа, который является, по мнению некоторых исследователей, движущимся этносом с самосознанием оседлого[94].

Передвижения всегда играли в жизни народа заметную роль, начиная со времен Древней Руси, процесс расселения не завершен и сейчас. Движение это отлично от перемещений кочевников, оно постоянно и в ряде случаев неявно. В этом смысле можно говорить о переселении семей, общин, целых селений в новые далекие края, например в Сибирь, приискание новых мест для земледелия и, связанной с ним заимочной формы хозяйствования, странничества, которое нередко предваряло последующее переселение. На эту характерную особенность – постоянное перемещение, не раз указывали многие историки, в том числе и С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, говоря о славянской и русской колонизации земель[95].

Данные конца XIX – начала XX в. также говорят о продолжении различных перемещений, с чем не могли не связываться свойства изменчивости деревянной архитектуры. Так, в каталоге домов с росписью мастеров Петровских в Поважье указано[96], что из 17 домов перестроено и перебрано 4 дома, перевезено 4 дома, часть домов была и перебрана, и перестроена, часть – перевезена и перестроена, таковы, например, дом А.И. Дмитриева из д. Луневская, перевезенный в 1930-е гг. с другого конца деревни («с горы») и перестроенный, дом Н.В. Меньшина из д. Федоровской. Некоторые дома перестраивались несколько раз, например, дом В.П. Любушкиной из д. Озябловской перестраивался в 1910-х и 1930-х гг.

Исследования поселений Приобья[97] также свидетельствуют о том, что в этом регионе был распространен перевоз дома на новое место жительства, как старожилами, так и переселенцами начала XX в. из губерний Европейской России. Многие из наших информаторов сообщали, что возраст их домов превышает 90 – 100 лет, и хозяева перевозили его с собой при переезде. Например, семья Хазовых (р.д. Маслянино) переселялась четырежды. Часто причиной переноса домов на новое место служила неустойчивость русла рек. В некоторых деревнях Сузунского р-на Новосибирской обл. приходилось переносить дома в среднем один раз в 10 лет. Все жители деревни Верхний Сузун переселялись несколько раз, причем, например, дом В.Д. Селезнева переносили 5 раз, Н.Д. Казакова – 3 раза, семье Панова пришлось переселиться 2 раза. Полностью переехала деревня Дубровино Мошковского р-на, оставив на прежнем месте, на другом берегу Оби, несколько домов – Стародубровино. Вынуждены были перевезти с острова на берег Оби дома жители деревни Чингисы.

Понятно, что во всех этих случаях перенос основательных и нетранспортабельных каменных или кирпичных домов был бы практически невыполним. А предположение о необходимости переезда заставит избегать строительства таких домов.

По наблюдениям американского исследователя архитектуры Новой Англии XIX – XX вв. Т.С. Хубки[98], для того чтобы широкого распространения какой-либо тип дома, необходимо, чтобы он был доступен большинству членов общества. Понятно, что несколько строителей могут возводить постройки, не ориентируясь на материальные и экономические причины, которые ограничивают большую часть других людей. Однако, чтобы строительство достигло широкой популярности, оно должно проверять строительные традиции стабильностью в общем использовании и должно быть оценено строителями и владельцами. В нашем случае видно, что в практике сибирского строительства явное предпочтения отдавалось деревянным домам.

Дальнейший анализ этого автора сельских строительных традиций на осваиваемых янки территориях показывает, что существует две тенденции: сохранение традиций и их изменение, включающее разнообразие типов и конструкций, перестройку и новое толкование существующих зданий. Постоянство выражалось в том, что для всех периодов заселения Новой Англии характерно стремление сохранить дома и сараи, перевозя и вновь используя их. Другой чертой постоянства была английская традиция добавлять к уже существующим зданиям пристройки. Эта традиция укреплялась практикой повторного использования элементов, действовавшая по всей Новой Англии. Хотя подобная практика применялась сельскими жителями всего мира, жители Новой Англии подняли ее до степени утонченного и общепринятого искусства при всех уровнях благосостояния и во всех формах сооружений. Архитектурная традиция постоянства была уравновешена общей мощной традицией строительного изменения и непостоянства. Переделка дома в сарай, кухни в навес, навеса в мастерскую – это было обычным явлением, хотя с некоторыми ограничениями, так, например, преобразование сарая в жилой дом было редкостью. Постоянное изменение интерьера и экстерьера были доступной социальной нормой для фермеров. Здания, которые были повторно

использованы, не сохранялись в старом виде, а приспосабливались к новым функциям и модернизировались.

Далее этот автор замечает, что установившаяся практика передвижки зданий не была английской традицией, ее широкое распространение было специфически американским явлением. Перенос зданий осуществлялся с раннего колониального периода до 1940-х гг. Была установлена большая частота передвижки основных жилых и сельскохозяйственных зданий в XVIII – XIX вв. Кажется, что некоторые города передвигались целиком. Это было нормой и для наибольшего числа сельских поселений Новой Англии. Фермеры были прекрасно подготовлены к этому, так как существовала хорошо разработанная технология перевоза и отсутствие крепления к фундаментам. Перевозили на специально сделанных санях, в которые впрягали волов или лошадей. Отсутствие линий электропередач, перегруженных движением дорог и практика соседской помощи облегчали задачу. Сама возможность перемещений зданий не означала автоматически повсеместного их распространения. Фермеры XIX в. в других частях страны имели подобные возможности, однако они не пользовались этим так часто, как жители Новой Англии. Объяснение этому исследователь находит в присущей этому региону постройке особых типов ферм с блокированными зданиями, которые позволяли с легкостью перемещать их и, добавим, отвечали желаниям и устремлениям хозяев, осознающих и предусматривавших в их конструкциях возможность передвижки.

В этих весьма показательных примерах усматривается явная соотнесенность со строительством зданий на осваиваемых территориях Сибири, из чего можно заключить, что эти свойства нельзя назвать специфически присущими русским поселенцам, а что они скорее являются одной из форм адаптационных возможностей движущегося этноса, колонизующего новые территории и обладающего некими ценностными ориентирами в строительстве зданий, признающими ценностью возможность трансформации, передвижения и гибкого приспособления зданий к изменяющимся возможностям, при устойчивости некоторых сущностных свойств. Идея движения и ощущения возможности беспрепятственного воспроизводства культурных феноменов в новых условиях поддерживалась характерной для христианства (и православия в частности) особенностью концепции, заключающейся в том, что христиане символически воссоздают всю топонимику святых земель в любом месте христианской ойкумены, так как считают, что Бог обитает внутри верующего, в отличие от концепций иудаизма и ислама. Первая из них полагает, что Бог всегда остается среди верующих, в их общине, собирающейся в храме для молений, формой Его присутствия является его Имя. Поэтому с утратой иерусалимского храма в 70 г. н.э. иудеи понесли невосполнимую утрату, так как потеряли место сосредоточения общины. Вторая же воссоздает центростремительную идею храма с непременным ежегодным паломничеством к нему, причем мечети всего мира рассматриваются как частички Храма, верующий же как антропоморфный его аналог[99].

Следует заметить также, что существуют две стратегии поведения человека в архитектурном пространстве, соответствующие двум стилям отношения человека к овеществленным в дереве, камне, глине, бетоне и т.д. архитектурно-пространственным образам. В первом случае человек приспосабливает свое существование к доставшимся ему в наследство от предшествующих поколений зданиям и их ансамблям, во втором – создает архитектурно-пространственную среду своего существования заново. Вторая стратегия и связанный с ним стиль мироощущения и мироосвоения нам сейчас более понятны – последние десятилетия мы живем в мире, созданном заново. Сознательное преображение архитектурной среды – нарастающая на протяжении последних трех веков тенденция градостроительства, причем не только в России. Вся Европа, начиная с XVII в. каждые сто, а затем каждые пятьдесят лет, изменяет облик своих городов. При этом каждой эпохе преобразования соответствует особый архитектурный стиль: барокко, классицизм, ампир, эклектизм, модерн, конструктивизм... Современная эпоха преобразования архитектурной среды обитания даже не выработала для себя определения: постмодернизм – это отрицательная характеристика, ничего не говорящая о содержании глубоко своеобразного мира современных архитектурных образов.

Итак, в последние столетия вторая, преобразовательная стратегия поведения человека в мире архитектурных идей и образов выступает не только как господствующая, но и как выраженная в постоянном обновлении художественно-образного языка архитектуры, которое, как и острота противопоставления традиции и новации, проявляет эту стратегию, делает ее очевидной. Нетрудно заметить и непосредственную связь напряженного переживания «нового» на фоне «старого» с тем обстоятельством, что как раз в последние три столетия по нарастающей идет процесс вычленения архитектурного творчества в специфическую, закрепленную за особой профессиональной группой общества деятельность. Представляется, что средневековье, в частности, тем и отличалось от Нового времени, что в первом степень профессионализации архитектуры была несравненно меньше, чем во втором. Это не значит, что до XVII – XVIII вв. не было архитекторов, для которых зодчество было главной сферой духовно-практической деятельности. Но весь вопрос в степени профессионализации.

Обратим внимание на общеизвестные факты: на рубеже Средних веков и Нового времени деятельность архитектора выступает еще в неразрывной связи, с одной стороны, с инженерией в широком смысле этого слова (от военного дела до градостроительства), а с другой – с художественной практикой во внеархитектурных сферах художественной культуры. Достаточно назвать имена «титанов Возрождения» – Леонардо, Рафаэля и Микеланджело, к ним можно было бы причислить и Аристотеля Фиораванти, спектр занятий которого в России был много шире архитектурной деятельности. Этот «ренессансный титанизм», идеалом которого был *homo universale*, являлся отчетливой артикуляцией сложившейся в предшествующие Ренессансу века, т.е. в средневековье, практики нерасчлененности до социально обособленного профессионализма всей совокупности человеческой деятельности.

Деятельность профессионала-зодчего в эпохи, типологически предшествующие современности, осуществлялась в условиях качественно меньшей обособленности этой деятельности, но большей погруженности ее в органическое единство других видов реализации человеком своих трудовых и творческих возможностей. Неразрывная связь всех сторон человеческого бытия – от элементарных бытовых действий до ритуально-магических акций, от собственно трудовых до духовных, а также имеющих отношение к художественной культуре – имела как следствие невозможность отрыва одной из сторон этой разнообразной деятельности от остальных. Соответственно, ни в одном из видов профессиональной деятельности, не могло возникнуть острой потребности в новаторстве в разрыве с традицией. Медленность средневекового развития, которое вследствие этого трудно назвать прогрессом, имела и другую сторону – развитие шло органически, охватывая более или менее полно все многообразие социальной практики, не создавая на границах видов профессиональной деятельности разрывов.

В более плавном и замедленном по сравнению с нашей эпохой движении культуры средневековья не могла не быть более значимой стратегия приспособления поведения к уже существующему миру вещей, архитектурных образов. Спокойное отношение человека к вещам, доставшимся ему в наследство от предков и оставляемым им потомкам, проявлялось и в круге бытовых предметов, и в архитектурной среде. Великие князья московские обстоятельно перечисляли в своих завещаниях одежду, украшения, посуду наравне со своими земельными владениями и политическими правами. Архитектурные и художественные стили средневековья были менее противопоставлены друг другу, чем те же явления Нового времени, и существовали дольше. Ближе к нашим дням происходит экспликация идеала «жизни по старине», «как отцы и деды наши жили». До этого же сотни лет эта ситуация была не идеалом, который нужно осознавать и реализовывать в противопоставлении иным тенденциям, а естественной житейской необходимостью. Был неизменный тип храма, тип дворца, тип жилья. Казалось бы, в этих условиях в обществе должно было преобладать стремление создавать все, в том числе и постройки, на века. Но таковое стремление является выраженным проявлением традиционалистской стратегии, действующей по принципу сохранения формы, а не содержания. Средневековый период в России не был временем господства этой стратегии, которая появилась как продукт Нового времени, противопоставившего традицию и новацию, а был эпохой, когда поведение человека в мире образов архитектуры было закономерно органично и системно. Вещный мир средневековья, окружавший человека, составляющий среду его обитания и пространство его социальной деятельности был естественен для человека. Это означало, что человек осуществлял свое духовное бытие в мире устойчивых, каноничных идей и образов, в том числе и архитектурных, но этот мир был открыт для его деятельности на каждом уровне, более того – он существует только в процессе самой человеческой деятельности и держался на ежедневном труде.

Стратегия поведения человека средневекового типа в отношениях с архитектурной средой обитания соединяла обе дихотомически разошедшиеся с началом Нового времени тенденции. Традиционализм предполагает воспроизведение формы явления, будь то архитектурный объект или нормы поведения, без учета изменения его содержания. Для средневековья же были характерны сущностные связи, появление или повторение форм было их следствием, отсюда огромное значение придавалось символизму. Архитектурная среда воспринималась человеком традиционного общества как естественно-пластическая устойчивость, более близкая и безопасная, будучи рукотворной, чем природа. С одной стороны, архитектурные формы были воплощением устойчивой языково-образной системы, не изменявшейся в своей сущности на протяжении жизни трех-пяти и более поколений. Поэтому от начала до конца жизни человека окружала рукотворная среда, организованная вокруг одних и тех же принципиальных образов и форм. С другой стороны, функциональная сторона архитектурного пространства подвергалась изменениям в рамках канонического набора конструктивных приемов, планировочных решений и художественных образов. Средневековая архитектура была замкнута в рамках стилевого комплекса, который в сравнении со стилями Нового времени можно было бы определить как «макростиль», имея в виду его универсальность, разносторонность и длительность существования. Общность стилевого подхода к реорганизованной архитектурной среде не исключала существенных сдвигов в эстетическом

Обратим внимание на общеизвестные факты: на рубеже Средних веков и Нового времени деятельность архитектора выступает еще в неразрывной связи, с одной стороны, с инженерией в широком смысле этого слова (от военного дела до градостроительства), а с другой – с художественной практикой во внеархитектурных сферах художественной культуры. Достаточно назвать имена «титанов Возрождения» – Леонардо, Рафаэля и Микеланджело, к ним можно было бы причислить и Аристотеля Фиораванти, спектр занятий которого в России был много шире архитектурной деятельности. Этот «ренессансный титанизм», идеалом которого был *homo universale*, являлся отчетливой артикуляцией сложившейся в предшествующие Ренессансу века, т.е. в средневековье, практики нерасчлененности до социально обособленного профессионализма всей совокупности человеческой деятельности.

Деятельность профессионала-зодчего в эпохи, типологически предшествующие современности, осуществлялась в условиях качественно меньшей обособленности этой деятельности, но большей погруженности ее в органическое единство других видов реализации человеком своих трудовых и творческих возможностей. Неразрывная связь всех сторон человеческого бытия – от элементарных бытовых действий до ритуально-магических акций, от собственно трудовых до духовных, а также имеющих отношение к художественной культуре – имела как следствие невозможность отрыва одной из сторон этой разнообразной деятельности от остальных. Соответственно, ни в одном из видов профессиональной деятельности, не могло возникнуть острой потребности в новаторстве в разрыве с традицией. Медленность средневекового развития, которое вследствие этого трудно назвать прогрессом, имела и другую сторону – развитие шло органически, охватывая более или менее полно все многообразие социальной практики, не создавая на границах видов профессиональной деятельности разрывов.

В более плавном и замедленном по сравнению с нашей эпохой движении культуры средневековья не могла не быть более значимой стратегия приспособления поведения к уже существующему миру вещей, архитектурных образов. Спокойное отношение человека к вещам, доставшимся ему в наследство от предков и оставляемым им потомкам, проявлялось и в круге бытовых предметов, и в архитектурной среде. Великие князья московские обстоятельно перечисляли в своих завещаниях одежду, украшения, посуду наравне со своими земельными владениями и политическими правами. Архитектурные и художественные стили средневековья были менее противопоставлены друг другу, чем те же явления Нового времени, и существовали дольше. Ближе к нашим дням происходит экспликация идеала «жизни по старине», «как отцы и деды наши жили». До этого же сотни лет эта ситуация была не идеалом, который нужно осознавать и реализовывать в противопоставлении иным тенденциям, а естественной житейской необходимостью. Был неизменный тип храма, тип дворца, тип жилья. Казалось бы, в этих условиях в обществе должно было преобладать стремление создавать все, в том числе и постройки, на века. Но таковое стремление является выраженным проявлением традиционалистской стратегии, действующей по принципу сохранения формы, а не содержания. Средневековый период в России не был временем господства этой стратегии, которая появилась как продукт Нового времени, противопоставившего традицию и новацию, а был эпохой, когда поведение человека в мире образов архитектуры было закономерно органично и системно. Вещный мир средневековья, окружавший человека, составляющий среду его обитания и пространство его социальной деятельности был естественен для человека. Это означало, что человек осуществлял свое духовное бытие в мире устойчивых, каноничных идей и образов, в том числе и архитектурных, но этот мир был открыт для его деятельности на каждом уровне, более того – он существует только в процессе самой человеческой деятельности и держался на ежедневном труде.

Стратегия поведения человека средневекового типа в отношениях с архитектурной средой обитания соединяла обе дихотомически разошедшиеся с началом Нового времени тенденции. Традиционализм предполагает воспроизведение формы явления, будь то архитектурный объект или нормы поведения, без учета изменения его содержания. Для средневековья же были характерны сущностные связи, появление или повторение форм было их следствием, отсюда огромное значение придавалось символизму. Архитектурная среда воспринималась человеком традиционного общества как естественно-пластическая устойчивость, более близкая и безопасная, будучи рукотворной, чем природа. С одной стороны, архитектурные формы были воплощением устойчивой языково-образной системы, не изменявшейся в своей сущности на протяжении жизни трех-пяти и более поколений. Поэтому от начала до конца жизни человека окружала рукотворная среда, организованная вокруг одних и тех же принципиальных образов и форм. С другой стороны, функциональная сторона архитектурного пространства подвергалась изменениям в рамках канонического набора конструктивных приемов, планировочных решений и художественных образов. Средневековая архитектура была замкнута в рамках стилевого комплекса, который в сравнении со стилями Нового времени можно было бы определить как «макростиль», имея в виду его универсальность, разносторонность и длительность существования. Общность стилевого подхода к реорганизованной архитектурной среде не исключала существенных сдвигов в эстетическом

воздействии на современников трансформировавшимися комплексами сооружений, ансамблями зданий. Средневековый ансамбль, как и образующие его архитектурные элементы, были масштабны человеку, следствием чего была известная затесненность застройки средневековых городов, позволявшая воспринимать здания совместно и в острых ракурсах, усиливавших эстетическое значение форм.

Отличие средневекового российского общества от западноевропейского заключалось в меньшей степени регламентированности поведения индивидов, большей степенью социальной динамики. Для России не были характерны цехи и гильдии. В России с ее малой плотностью населения, огромными территориями, четким диктатом смены занятий в зависимости от смены сезонов, узкая специализация и профессионализация были невозможны даже в старозаселенных местностях. На колонизуемых территориях, составлявших на каждом этапе исторического развития России большую часть ее территории, это проявлялось особенно ярко. В Сибири невозможно представить узкого специалиста-профессионала, так как каждому переселенцу, стремительно превращавшемуся в старожила на фоне идущей следом все более массовой колонизационной волны, приходилось самому заботиться о хлебе насущном, о жилье, об одежде, об оружии.

В этот круг жизненных интересов естественным образом входила архитектурная среда. Формирование застройки было всецело в распоряжении жителей поселений, которые в зависимости от своего статуса распространяли личностное отношение к архитектурной среде, взятой в функциональном и художественном аспектах. Поведение человека средневекового общества было ориентировано на предметную деятельность, целеполагание и способы достижения целей, в которой были интериоризированы индивидом в большей степени, чем человеком Нового времени. Поэтому персональная оценка того или иного архитектурного сооружения оказывалась мощным стимулом для его практического преобразования в случае, если оно по тем или иным параметрам «разошлось» с персональным представлением об идеальном состоянии. Внутрисословный эгалитаризм в сфере интересов и коммуникационной открытости, что не распространялось, разумеется, на имущественные отношения, способствовал тому, что мнение, основанное первоначально на сугубо индивидуальной оценке, становилось общим для некоторой группы лиц, а неполная отгороженность сословных групп в сравнении с западноевропейской и восточноазиатской практикой открывала возможность распространения этого мнения на надсословную общность, пределы которой задавались локализацией обитания. Мнение, ставшее общим для совокупностей элит и субэлит различного ранга, естественным образом воплощалось в практическую деятельность, результатом которой было преобразование вещной оболочки среды обитания, а также реорганизации архитектурного пространства.

Очерченный таким образом механизм изменения архитектурной среды в рамках характерной для России специфической разновидности средневековой социальной структуры обнаруживает возможность установить временную длительность каждого этапа существования архитектурного сооружения и каждого шага его трансформации. Исходя из того, что «спуск» этого механизма интериоризировался в персональной ментальности индивида, смена поколений может рассматриваться причиной сдвига в менталитете и, как следствие, смене оценки. Самодвижущаяся система средневековой культуры охватывала общество в его социобиологической определенности, т.е. культурный сдвиг происходил согласованно со сдвигом демографии общества. Таким образом, средний минимальный срок сохранения неизменности архитектурной среды может быть определен длительностью поколения в демографическом смысле, применительно к относительно краткой продолжительности жизни средневекового человека, что составляет 25 – 30 лет.

В Сибири на этот ритм должна была накладываться некоторая периодичность колонизационных процессов, особенно ощутимая вне земледельческой полосы, в таежно-тундровой зоне, где рост или убыль населения находились в зависимости от уровня эксплуатации природных ресурсов. Вся продолжительность существования Мангазеи укладывается в три четверти века, т.е. в период жизни трех поколений, причем фактически город утратил свое значение уже через полвека после своего основания, пережив на рубеже своего тридцатилетия жестокий кризис, выплеснувшийся наружу в виде вооруженного конфликта между воеводами Палицыным и Кокоревым.

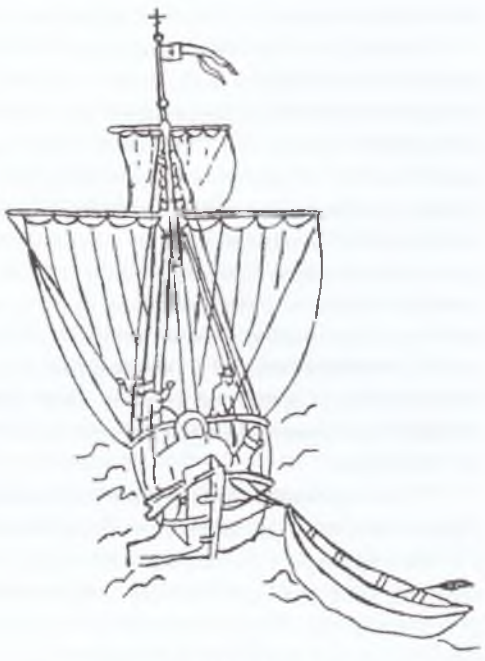

Рис. 81. Каюк.
Прорисовка со «шторок Шахова».

Рис. 82. В приказе московских времен. Художник С.В. Иванов.

Влияние фактора колонизации должно было сказываться опосредованно в виде повышенной жесткости граней перехода от одного поколения к другому на относительно ранних этапах заселения края в целом или его отдельных регионов в частности. Первичное заселение того или иного региона осуществлялось как достаточно краткосрочная, едва ли не «разовая» акция. При этом переселенцы не имели в своем составе нормального для старожильческого сообщества процента стариков и детей. Колонисты-пионеры практически все принадлежали к одному поколению. Смена его должна была происходить в достаточно резко очерченном временном интервале. С образованием устойчивого старожильческого ядра и общим ростом численности населения межпоколенный переход все более растягивался, пока не приобретал плавный, постепенный характер.

Культура общества средневекового типа содержала в себе в качестве основного системного элемента императив всесторонне деятельностного поведения человека. В этом аспекте оказывается понятной строго дифференцированная по степени полноты прав структура средневекового общества: сословно-общинная расчлененность населения выступала своего рода предохранительным механизмом от выхода индивидов в своей деятельности за пределы разумного с точки зрения сохранения основ самого общества. Аналогичную роль можно приписать и стилевой однородности художественной культуре эпохи: средневековый канон, имеющий не только внеличностную, но и внеобщественную, сакральную санкционированность, будучи интериоризированным в массовое сознание, выступал как эффективный формализатор и ограничитель индивидуальной практической деятельности, сохраняя при этом цельность социокультурной системы. Таким образом, средневековая «традиционность» была важным элементом функционирования культурной системы, согласовывающим темпы индивидуальной духовно-практической деятельности с допустимыми по технологическим условиям существования общества данного типа темпами его системно-органической трансформации, в конечном счете, выступающими как производное от темпов изменения природной среды в процессе хозяйственной практики общества.

Специфичность культурной динамики общества средневекового типа оказывается производной от характерной для эпохи организации общественного бытия как социоестественного процесса: высокая, в сравнении с Новым временем, зависимость от природных процессов, сочетающаяся с полным разрушением естественно-социальных структур (родовой организации) и высвобождением индивида как деятельностного существа. Отсутствие форм структурирования общества по принципу разделения труда Нового времени в соединении с распадом социобиологических структур родового типа должны были порождать в обществе оригинальные «идеально-естественные» структуры. Стратифицирование по вертикали и дифференцирование по горизонтали правоспособностей индивидов приводило к созданию в обществе локальных общностей и сословных

групп. Естественность выступала в таких своих проявлениях, как место обитания в географическом пространстве, фактора образующего локальные общности, как движение населения и смена поколений, выступающих механизмом поддержания в относительно стабильных пределах численностей сложно увязанных между собою перераспределением продукта сословных групп. В то же время, само место территориальной и сословной общности среди других социальных подразделений выступало как имеющее внеобщественную, надобщественную, сакральную санкцию воплощения в жизни общества некоторой иерархически организованной совокупности идеалов. Трансформации общества при переходе к Новому времени происходили в резком отрицании описанной здесь социальной системы. Идеологема Нового времени представила определенность социальной позиции и роли индивида через локализацию его обитания и принцип естественного наследования статуса от родителей как отрицательную ценность. Средневековое общество достаточно длительный период времени существовало в рамках этой «идеально-естественной» системы, чтобы выработать специфический художественный язык, не только лексика, но и грамматика которого сущностно отличались от способов художественного освоения и преобразования мира в последующие эпохи. Если продолжать рассуждать в рамках аналогии с языком, то можно сказать, что средневековая художественная культура оперировала с весьма ограниченным набором корнеслов, но обладала богатой и логичной грамматической способностью варьировать слова морфологически и сопрягать образующиеся варианты синтаксически. Важнейшим отличием языка этой эпохи от последующей была его всеобщность. Как естественный язык средневекового общества существовал в виде совокупности отличных, но взаимопроницаемых и понятных для всех диалектов, так и язык художественной культуры был дифференцирован по отраслям и видам художественной практики на том же диалектном уровне, не только не исключающим, но предполагающим взаимное понимание носителей разновидностей единого языка. Индивид средневековой эпохи в своей духовно-практической деятельности мог рассчитывать и обязан был учитывать возможность и необходимость понимания продуцированного им культурного текста со стороны любого другого индивида, принадлежащего к той же культурной общности. Средневековье не знало резко выявившегося в Новом времени стратифицирования общностей по этническому признаку. Не случайно культурные общности этого времени определяются как «суперэтнические», различаемые по принадлежности к той или иной мировой религии. Надэтничность культурного пространства средневековья противопоставлялась опыту этничности общностей античности, где именно на этнической почве возникли и развились тенденции, приведшие к распаду Древнего мира.

Процесс освоения Сибири вполне может быть описан в только что очерченных понятиях. Практическая деятельность индивида как безусловный императив его поведения воплощалась в стремительное продвижение в природно-географическом пространстве численно малых групп землепроходцев. Каждый из этих пионеров колонизационного движения был в высшей степени универсальной личностью. Этот универсализм проявлялся не только в свободной смене видов трудовой деятельности, но и в чрезвычайно гибком поведении в социальной сфере. Каждый землепроходец был готов в любой момент перейти от роли рядового члена артели, «ватаги», «войска», подчиняющегося строгой дисциплине и предводителю, к роли руководителя независимого микроколлектива, способного принять и осуществить решения, касающиеся не только трудовой деятельности, но и выбора места для ее осуществления, способов экономического и социального взаимодействия с представителями иных общественных структур, форм взаимоотношений с «иноземцами», находящихся на разных стадиях организационного структурирования общества. Колонист-сибиряк с легкостью переходил от таежной охоты к промыслу морского зверя и рыбы, от этих занятий – к эффективному землепашеству в новых для него агроклиматических условиях, мог отыскать руду и наладить железоделательное производство, или вываривать соль из подземных вод. При этом, как известно, землепроходец был искусным плотником, компетентным в строительстве не только изб, лабазов и амбаров, но и мельничных плотин и механизмов, крепостных стен и башен, речных дощаников, морских лодей и кочей. Не затруднялся он в сооружении храмового здания, часовни или церкви. Столь же универсальна и гибка была социальная деятельность землепроходца, выражавшаяся в принятии им на себя тех или иных сословных ролей. Будучи в статусе «гулящего человека» новоявленный сибиряк успевал за годы активной жизни побывать и «промышленным человеком», членом артели, входящей в социально-экономические структуры торгово-промыслового характера, и посадским на возводимом посаде у стен какого-либо сибирского острога, и крестьянином, и «государевым человеком», в статусе которого большинство первопоселенцев завершали свою социальную миграцию. В разных сословных статусах одному и тому же человеку приходилось подчиняться разным нормам регуляции своей деятельности, не исключая и управленческие функции. При этом сибирский землепроходец осознавал свою этнокультурную ориентацию, в частности – свою религиозную принадлежность. В осваиваемых землепроходцами регионах им приходилось постоянно общаться с носителями разных этнокультурных традиций, заимствовать знания географического, природоведческого и социального характера. Приходилось владеть несколькими языками, причем

Рис. 83. Конный воин.
Рисунок из альбома Пальмквиста. 1674 г.

не только сибирских народов, так как этноязыковое происхождение самих землепроходцев было весьма пестрым, среди них были выходцы из неславянских этносов Европейской России, Центральной и Западной Европы и др. Что касается религиозной ориентации, то следует отметить, что церковное освоение Сибири отставало от землепроходческого движения, так что встречи со священнослужителями, включенными в официальную церковную иерархию были для первых колонистов редкостью. В этих условиях каждый индивид должен был обладать развитым самосознанием, чтобы сохранять свою этничность и веру. При существовании феномена «суперэтничности», объединения людей на основе приверженности вере, в данном случае православию, самосознание индивида совмещало принадлежность к определенной этнической группе и конкретной конфессии при несомненном приоритете последней, в результате чего эти два понятия совмещались, приобретая характер этнокультурного явления.

Первопоселенцы Сибири успешно осваивали огромный край столь малочисленно силами потому, что среди них преобладали ответственные и самодостаточные личности, способные компетентно действовать в хозяйственной, социальной, религиозной и прочих сферах общественного бытия вне развитых официальных контрольно-управленческих структур. Каждый из них обладал глубоко интериоризированной в индивидуальное сознание системой социообразующих ценностных установок. На этой основе оказывается возможной активная и разносторонняя деятельность. Сибирские первопоселенцы являли собой тип идеально развитой личности «средневекового» характера, реализовавшийся в условиях отсутствия большинства функционально неоправданных, традиционных на данной стадии развития общества форм внешней социокультурной регуляции. Системный комплекс стереотипов хозяйственного, социального и культурного поведения, образовывавший личностную структуру индивида «землепроходческого» типа, можно представить основывавшимся на таких ценностных установках, как следование практической активности, как ответ на действия природной и общественной среды, коллективизм эгалитарного типа, развитое этнокультурное самосознание. В сущности, это условия, без которых освоение Сибири было бы невозможно. Очевидно, что указанные ценностные ориентации проецировались на архитектурную сферу деятельности, создавая феномен непрерывно движущейся деревянной архитектуры.

Заключение

Тенденции движения русской культуры нашли отражение в архитектурном творчестве, как части художественной культуры, образующей сложные структуры с ее материальными и духовными слоями. Ее символика, морфология и феноменология тесно связывается с деятельностью и ценностями людей, наряду с исторической, социальной, этнической, экономической, геополитической, природно-климатической обусловленностью. Особенно ярко это проявилось в русской архитектуре Сибири XVII – начала XIX в., в период интенсивных миграционных процессов, основными участниками которых были люди особого «землепроходческого» типа, обладавшие высоким этнокультурным потенциалом личности и рядом ценностных установок. Одна из них – следование практической активности, объясняет причины непрерывного, из поколения в поколение продолжавшегося преобразования архитектурной среды. Другая – коллективизм, обосновывает приложение практики архитектурного творчества к сооружениям и постройкам общественного назначения, потребность в которых выходит за пределы сугубо индивидуальной. Следущая ценностная установка – устойчивая и активная этнокультурная определенность мировосприятия личности, выступает как общая основа для осуществления архитектурно-строительной практики в пределах устойчивого набора канонических конструктивных приемов и связанных с ними художественных форм.

Приложение этих трех аксиологических категорий, действующих в рамках особенностей типологически средневековой культуры, объясняет феномен непрерывно движущейся деревянной архитектуры, с которым мы столкнулись при попытке восстановить историю Казымского острога и комплекса, связанного со Спасской церковью Зашиверска. Каждый восстановленный по прямым и косвенным свидетельствам этап преобразования архитектурной среды этих двух комплексов оказывается быстрой и адекватной реакцией на изменяющуюся внешнюю обстановку деятельности небольшого, но оттого еще более эффективного в совместном действии коллектива, для которого острог и церковь были необходимыми материальными формами реальной и идеальной духовной практики.

Обеспечению относительно краткосрочной, сезонной жизни и деятельности предельно малого коллектива – охотничьей, промысловой артели в три-пять человек, прекрасно отвечало зимовье, реконструирующееся как начальный этап существования Казымского острога. Для размещения такого же малого коллектива, но уже служилых людей, представлявших на месте государственную власть, потребовалось придание тому же зимовью функции архитектурно-образной репрезентации. Возведение второго, боевого бруса с шатровой кровлей сразу превратило скромное зимовье в мощную башню. Далее возникает потребность обеспечить укрытие опекаемого гарнизоном местного населения, находящегося в конфликте с иноплеменниками: вокруг зимовья возводится тыновое ограждение с двумя башнями, что превращает совокупность построек в ансамбль. При этом острог четко зонируется, что служит основанием для развития в восточной половине, где уже находится башня-зимовье, комплекса жилых и хозяйственных построек, предоставляющих все удобства для размещения гарнизона переменного состава, который увеличивается при непосредственной военной угрозе и сокращается, когда она минует. Архитектурный комплекс острога способен был функционировать также на стадии своего угасания и распада. Очевидно, что столь чутко и оперативно реагировать на изменяющиеся потребности можно было лишь в пределах именно деревянного строительства.

Аналогично развертывается история Спасской церкви. Вначале мы имеем дело с одним из строений, входящим в комплекс острога, подобного Казымскому. Строительство культового здания обозначало образование ядра относительно постоянного населения. В Зашиверске это произошло, очевидно, через тридцать лет

Рис. 84. Приезд воеводы. Художник С.В. Иванов.

после основания зимовья, из которого развился острог. Расширение функций Зашиверского острога, слившего в себе бывшие За- и Подшиверные зимовья, потребовало от его обитателей художественно-образного воплощения нового значения поселения-крепости. Если раньше в ансамбле острога доминировал «амбар о трех жирах», то теперь роль доминанты была передана символической, а не функциональной форме: часовня получила навершие в виде эффектной шатровой звонницы. Сформировавшийся силуэт острога оказался удачным в глазах его обитателей, и когда население Зашиверска выросло настолько, что оказалось в состоянии возвести храм и организовать свой церковный приход, уже ставший к тому времени традиционным акцент шатрового завершения был усилен и развит в мощный объем новой церкви.

Приблизительно через одно поколение выяснилось, что Зашиверск уже не нуждается в крепости-остроге как своем функциональном ядре и градообразующей доминанте. Специально острожные стены не сносили, но когда деревянный острог сгорел, отстраивать его не стали. Посреди разросшегося поселения образовалась площадь, на которой восстановили пострадавшую при пожаре церковь в привычных формах. Поскольку на предшествующем этапе церковь была практически составной частью острога, а возобновленная размещалась изолированно от других строений, оказалось логичным придать ее архитектуре более обобщенный облик, рассчитанный на восприятие со средних и дальних дистанций всего объема строения, а не одних только кровель, как это было, когда сруб церкви скрывался за острожными стенами. Одновременно была построена теплая церковь или часовня, что соответствовало вхождению церковных обрядов в устоявшийся семейный быт. Холодное и теплое церковные строения создали типичный ансамбль погоста, третьим необходимым элементом которого стала получившая независимое существование колокольня (ранее, как мы полагаем, она увенчивала главную проездную башню острога).

Вновь миновало около четверти или трети века, и перед следующим поколением обитателей Зашиверска открылись перспективы превращения поселения в административный центр. Его отвечавшее престижным потребностям обустройство началось с восстановления комплекса «острог – церковь», символизировавшего в глазах местных жителей союз государственной власти и христианской веры. Далее последовала известная катастрофа, в результате которой Зашиверск практически перестал существовать как компактное поселение. Церковь была перестроена, сохранив свой шатровый тип. Эти реконструированные этапы существования Спасской церкви Зашиверска укладываются в предложенную культурно-историческую схему. Перестройки осуществлялись приблизительно в ритме естественной смены поколений, их инициаторами и исполнителями были местные жители, совместными усилиями приводившие церковное здание в соответствие с изменяющимися

обстоятельствами его функционирования. Художественно-образный строй церковной архитектуры оставался единым, хотя в его пределах наблюдались тонкие, каждый раз конструктивно и семантически осмысленные вариации. Таким образом, на дальнем северо-востоке Сибири практически до середины XIX в. просуществовала традиционная русская средневековая культура, воплотившаяся в архитектурном творчестве в рамках канона.

Причины этого понятны: здесь, в заполярной лесотундре было возможно только охотничье-рыболовное хозяйство с минимальным скотоводческим дополнением. Поэтому экономика региона сохраняла свои сущностные черты, объединявшие ее с типом хозяйствования раннего освоения Сибири, при поддержании относительного имущественного и социального эгалитаризма населения. Поэтому русские индигирцы были потомками землепроходцев не только в физиологическом отношении, но и в смысле культурного наследования. Социокультурный комплекс, принесенный землепроходцами в Сибирь в XVII в. на юге Сибири, в земледельческой полосе, активно развивался и трансформировался, а на севере он продолжал свое функционирование.

Рис. 85. Охотник на лыжах с луком. Прорисовка со «шторок Шахова».

Система ценностей создателей русской деревянной архитектуры XVII – XIX вв., сохранявшая типологические черты средневековья, содержала в себе в качестве системного элемента императив деятельностного поведения человека и, следовательно, способствовала установлению в качестве ее характеристических свойств те, что связаны с изменчивостью, которая понимается в широком смысле, не только как изменение стилей, но и как известная мобильность, а также динамизм в воздействии на зрителя архитектурной формы, имеющей высокие художественные и эстетические качества. Изменчивость деревянных зданий и сооружений диктует появление этапности развития и стилевой эволюции, что выражается в качественных преобразованиях зданий, а также изменении формы здания в рамках одного стиля. Для деревянной архитектуры характерны как фиксация отдельных зданий в определенной стилевой дефиниции, так и стилевые изменения одного и того же здания в течение времени его существования. Характеристика русского этноса как движущегося с самосознанием оседлого, задавшая наравне с другими его ценностные установки, подкрепленные концептуальными положениями христианства, определила некоторые существенные особенности русской деревянной архитектуры. Рассмотренные ранее этапы развития Казымского (Юильского) острога и Спасской церкви из Зашиверска, позволяют отметить, что история существования этих сооружений прекрасно вписывается в общий ход развития русской деревянной архитектуры, поскольку их особенности находят аналогии в истории архитектуры этого периода, а также имеют соответствия с основными этапами ее развития, закономерно обладая при этом чертами изменчивости.

Приложение

Отписка сына боярского Козьмы Лошакова якутскому воеводе Ивану Голенищеву-Кутузову. 1668 г.

...В прошлом во 173 (1664/65) году послан я Коземка из Якутского острогу на Индигирку реку на Шиверы на перемену сыну боярскому Андрею Булыгину... И я Коземка у того Андрея по указу великих государей Зашиверский острожек и служилых людей и аманатов и ясачные книги принял... И в прошлом же во 175 (1666/67) году февраля в 16 день скопами те же ламутские мужики изменники, собрав себе воровское великое собрание, приступали ночью к острожку, и учали острожные стены и ясачное зимовье и острожные стены рубить топорами, а иные люди приставили лестницы к стенам через амбары, и мы Коземка с служилыми и промышленными людьми бой с ними поставили... и видя они ламутки к нам великую Божию помощь, убоялись и пометали топоры и оружье: луки и стрелы и копья и рогатины, и от острожку побегли, а нас Коземку с товарищи бог миловал, ни единого человека не изранили, а итти за ними изменниками в погоню войною некем, безлюден, толко служилых людей со мною пять человек, а промышленных людей десять человек... а в Зашиверском острожке надобно служилых людей безпереводно человек тридцать...

Древний Зашиверск, с. 156 – 158.

Из документов, собранных в Сибири Г.Ф. Миллером. 1736 г.

Зашиверский острог стоит над Индигиркою рекою, идучи вверх по левую сторону Индигирки реки, рубленой стеною, крыт тесом. У того острога двои проезжие ворота... И в том остроге имеют жителство для обережи оного острогу и содержания аманатов якуцкия служилыя люди... Оной Зашиверской острог от города Якуцка в растоянии пятисотных девять сот четырнадцать верст двести семьдесят сажен.

Там же, с. 158.

Документы о поставлении в Спасскую церковь Зашиверска священником Алексея Иванова сына Слепцова. 1735 г.

Господину преосвященному Иннокентию епископу Иркутскому и Нерчинскому

Доношение

Сего 1735 года июля 18 дня мы нижепоимянованны приговорили в Якуцке якуцкой соборной церкви дьячка Алексея Иванова сына Слепцова в Зашиверский острог во храм Нерукотворенного образа господа бога во священники, понеже у нас из давних лет оная святая божия церковь стоит пуста и никого по нынешнее число избранника доброго человека не было, и в толикия прошедшие леты во оныя дни в том остроге тамошния жители многия помирали бес покаяния а младенцы без святого крещения, а выпеявленного Алексея Слепцова питать будем мы нижепоимянованны своим иждивением без всякого прекословия неотложно со всяким желателным усердием колико можим по возможности своей...

1735 году июля 18 дня Зашиверского острогу жители нижеподписавшиеся приговорили мы в Якуцке соборной Троицкой церкви дьячка Алексея Иванова сына Слепцова во оной Зашиверской острог к церкви

Нерукотворенного образа господа бога и спаса нашего Иисуса Христа во священники, понеже он человек доброй и не пияница и искусной к церковному званию, а питатца ему Слепцову ругою от нас зашиверских жителей и за сим нашим выбором и писменным обязателством ево Алексея нам зашиверским жителям во всяком снабдении не оставлять...

К сему выбору вместо посадцкого человека Алексея Рожина ево велением драгун Василей Тетрин руку приложил. К сему выбору посадцкой человек Марко Кашин руку приложил...

Там же, с. 184.

Из акта о состоянии Спасской церкви Зашиверска. 1835 г.

...Наружный крест, состоящий на цернах с особою кровлею доволно наклонившись на западную сторону, что и крыша на церкви, колокольни, куполах и в окружности шпилей изтлела, местами разрушилась и большею частию превратилась в совершенную гнилость до такой степени, что при покрытии мхом означает нарост и с северной стороны травы... Внутри церкви потолки представляют на вид от давления землею изгибшими и местами из черепьев вышедшими, и оныя остаются на изгнутых и надломленных матицах, поддерживаемых особенно в трапезе двумя вновь приделанными столбами и одним деревянным болтом, пропущенным от наружных верхних связей сквозь потолков. Мост по всей церкви сколко от давления стобами, столко и от долговременности весь изкривлен и в гнилости... Церковь сия признается еще для служения годною токмо менее десяти лет...

Там же, с. 73.

Описание Зашиверского острога по отпискам его приказчиков. 1678 г.

186-го (1678) году апреля в 15 день... Якутцкого острогу казак Иван Гурьев принял...Зашиверской острожек, а в остроге две избы ясашные... казенка аманацкая да на воротех анбар казенной з замком... да против ясачные избы анбар... о трех жирах...

Лета 187-го (1678) году сентября в 29 день... принял яз Левка из Индигирки реки у служилого человека Ивашки Гурьева Зашиверской острожек, а в остроге две избы ясашные, в одной избе казенка аманатцкая да... анбар казенной з замком... против аманатцкие избы анбар аманатцкой о трех жирах...

Архив ЛОИИ, ф.160, № 712, л. 32; № 726, л. 5. (Цит. по: Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 224 – 225).

Описание Зашиверского (?) острога Я. Линденау. 1741 г.

...Укрепление этого острога состоит из деревянной стены, охраняемой со стороны реки 20, а с суши – 15 служилыми людьми. Укрепление имеет двое ворот, на которых стрелковые башни. Одни ворота расположены на север, другие – на запад. В укреплении этом находится церковь Спаса Преображения, ясачная изба и пять лавок. Вне этого расположены жилища их церковно служителей, 20 служилых людей...

ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, д. 2, л. 11. (Цит. по: Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 233 – 234).

Abstract

In the 16th century a Russian penetration in Siberia began. This land attracted adventurers who wanted to become rich by hunting and selling in Russia an extremely expensive fur of polar fox and sable. The Russian government tried to control the process and began to send special officers, who should represent the Russian state in new land, gather contribution from native Siberian tribes and build fortresses for taking a defensive position and stoking of goods. Recent investigations of authors allow to represent new reconstructions of Russian settlements in Siberia in 17th – 18th cent.

Cultural tendencies in Russian architecture are tightly connected with material and spiritual spheres of art. Symbolism, morphology and phenomenology are influenced by activity and values of people as well as historical, social, ethnic, economical, natural environment. Russian Siberian architecture of 17 – 19 centuries brightly reflected this influence in the period of intensive migrations when the main participants of them were people of specific type of person who possessed high ethnocultural potential

The value of practical activity can explain sources of permanent (from generation to generation) transformation of architectural environment. The second value, collective sense, provokes the architectural transformation of public buildings, which are needed to all community. The third value, stable and active ethnocultural definition of person perception, is a base for choosing constructive cannons and architectural forms. All these value categories acting in frames of specific culture of Middle Ages explain a phenomenon of permanently moving wooden architecture which is expressed in the history of Kazym Fort and Spasskaya Church from Zashiversk.

Each stage of transformation of these two complexes appears to be a fast and adequate reaction to changing of community activity. The early buildings of the Russians in Siberia were log huts with the additional story for observation post, winter cabins, fortresses that served for dwelling and defense. Contemporary knowledge about the first Russian settlements in Siberia is based on archival documents. Kazymsky ostrog is a rare exception because two of its towers were found in Kazym river region (West Siberia). It was an example of the wide range of the first Russian stockade settlements in Siberia which were current in the 17th and 18th centuries. The history of its developing seems to be typical. It was built in the late 17th cent. Firstly it was made as a winter hut with tower used as a observation post. Then a hut for hostages – «amanats» – was built nearby. In 1745 erecting a wall with two thoroughfare towers developed the settlement. After 1751 ostrog lost its significance as fort, but up to the beginning of the 20th cent. the place where it stood was used for fairs. Fortunately, local tribes who lived nearby didn't destroy the old towers although they became extremely dilapidated. That is why they were standing for more than two centuries before architects and archeologists carefully investigated them. Graphical reconstructions made by the authors represent the Russian fortresses in Siberia, including Kazymsky ostrog, as the settlements in which the traditions of Old Russia were continued.

The history of Spasskaya Church seems to be analogical one. At the first stage an ostrog the same as Kazym was built. Then erecting of the church pointed on the forming of relatively permanent inhabitance. In the case of Zashiversk it happened to be in 30 years after foundation of the first small fortress. Further widening of the functions of Zashiverskiy ostrog provoked the realization of it in architecture. It was realized in symbolic form of new architectural image of the church, which became the main form for years in the later modifications of church buildings.

In a period equal to one generation it became evident that Zashiversk didn't need the fort. There were not enemies nearby and art tastes were changed. The wooden ostrog was burnt in accidental fire. In the middle of

settlement the square was organized, where the church was rebuilt because it suffered in the fire. All architectural forms looked like previous ones but with some differences. The «warm» church with a stove inside was erected, too. New cold and warm churches were combined in traditional complex, the third element of which the belfry became. Early it was standing on the main tower of the fort.

In a quarter of a century the next generation of Zashiversk looked forward to the perspective of new status of the town – administrative center. It was decided to reconstruct the complex of «fort with a church» which was treated as a symbol of unity of the power and Christian belief. Then epidemic disease prevented the development of the settlement. Almost all survived people left Zashiversk. Nevertheless, the church was saved in rebuilt modest form.

All these reconstructed stages of Spasskaya church satisfy our proposed cultural and historical frame. Rebuilding of the church followed the natural change of generation. Local community built church according to their need. Image of church architecture remained the same but varied slightly according to fashion and new semantic meaning. So in far northeast of Siberia an example of traditional Russian architecture of Middle Age existed up to the middle of 19th century.

Changeability of the wooden architecture dictates stages in its development as well as evolution in styles. Attribution of each building in definite style and stylistic evolution of it during the definite period are characteristic for wooden architecture. Russian people are defined as moving with self-identity as settled, which gives them specific spiritual values. This definition influenced features of Russian wooden architecture.

All stages of Kazym ostrog and Spasskaya church from Zashiversk suit main tendencies of Russian wooden architecture.

Примечания

[1] См. *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982.

[2] *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. – Новосибирск, 1992. – С. 53 – 84.

[3] *Мериме П.* Сочинения. – М., 1966. – Т. 4.

[4] *Баландина С.Н.* К историографии деревянного зодчества и архитектуры Сибири конца XVII – начала XX в. // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1983. – С. 167 – 178.

[5] *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. – М., 1988.

[6] *Ополовников А.В.* Сокровища Русского Севера. – М., 1980; *Маковецкий И.В.* Памятники народного зодчества Русского Севера. – М., 1955; *Он же.* Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. – М., 1952; *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. – Л., 1982; *Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф.* Искусство Древней Руси. – М., 1993; *Вагнер Г.К.* Искусство мыслить в камне. – М., 1990; *Орфинский В.П.* Деревянное зодчество Карелии. – Л., 1972; и др.

[7] *Ушаков Ю.С.* Храмовый комплекс с. Поздышево (Агафоново) Архангельской обл. как пример реконструкции полностью несохранившегося ансамбля русского деревянного зодчества // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 1989. – С. 146 – 154; *Мильчик М.И., Варакин Е.П.* Иконография деревянного Антониево-Дымского монастыря и его графическая реконструкция // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992. – С. 141 – 154; *Проблемы* исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сб. – Петрозаводск, 1989; *Проблемы* исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сб. – Петрозаводск, 1991; *Народное* зодчество: Сб. науч. тр. – Петрозаводск, 1992.

[8] *Люцидарская А.А.* Юильский острог на р. Казым (к вопросу о времени и причинах возникновения) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 153 – 172.

[9] Датировка рисунков Н. Шахова, по традиции именуемых «шторками», колеблется в пределах столетия: со второй половины XVIII в. до середины XIX в. См. *Чернецов В.Н.* Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // Сб. МАЭ. – Л., 1949. – Т. 10. – С. 7 – 8.

[10] *Люцидарская А.А.* Юильский острог на р. Казым... – С. 163.

[11] *Памятная* книжка Тобольской губ. на 1884 г. – С. 75.

[12] *Крадин Н.П.* Об основании Казымского (Юильского) острога // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации. – Новосибирск, 1980. – С. 100 – 120.

[13] *Баландин С.Н., Вилков О.Н.* Юильский городок на Казыме // История городов Сибири. – Новосибирск, 1977. – С. 275.

[14] *Народы* Сибири. – М., 1956. – С. 58; *Ащепков Е.А.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. – М., 1950. – С. 11.

[15] *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. – М., 1978. – С. 38.

[16] *Соколова З.П.* Загадка Юильского городка // СЭ. – 1977. – № 4. – С. 129 – 137; *Крадин Н.П., Ополовников А.В.* Юильский городок на р. Казым // Архитектурное наследство. – М.. 1978. – Вып. 26. – С. 67 – 74; *Люцидарская А.А.* Юильский острог на р. Казым... – С. 153 – 172.

[17] *Люцидарская А.А.* Юильский острог на р. Казым... – С. 163.

[18] *Крадин Н.П., Ополовников А.В.* Юильский городок на р. Казым... – С. 73; *Он же.* Об основании Казымского (Юильского) острога... – С. 112.

[19] *Комин Г.Е.* Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации. – Новосибирск, 1980. – С. 122 – 126.

[20] *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество Сибири... – С. 66 – 81; *Кочедамов В.Н.* Первые русские города в Сибири... – С. 35 – 37.

[21] *Маковецкий И.В.* Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII – XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1971. – Ч. 1: Приангарье. – С. 11 – 120.

[22] *Никитин Н.И.* Русские землепроходцы в Сибири. – М., 1988. – С. 47 – 54.

[23] *Там же.* – С. 55.

[24] *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество Сибири... – С. 174 – 182; *Ополовников А.В., Крадин Н.П.* Деревянные крепостные сооружения Якутии // Архитектурное наследство. – М., 1982. – Вып. 30. – С. 85 – 93.

[25] *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество Сибири... – С. 66.

[26] *Ильин М.А.* Архитектура Москвы в XVIII в. – М., 1953. – С. 9.

[27] *Баландин С.Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 10 – 11.

[28] *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1975. – С. 138, 245, 264 – 282, 292, 293.

[29] *Люцидарская А.А.* Юильский острог на р. Казым... – С. 156.

[30] *Там же.* – С.157.

[31] *Соколова З.П.* Загадка Юильского городка // СЭ. – 1977. – № 4. – С. 130 – 137.

[32] *Люцидарская А.А.* Юильский острог на р. Казым... – С. 157.

[33] *Бахрушин С.В.* Очерки колонизации Сибири в XVI – XVII вв. // Избранные труды. – М., 1955. – Т. 3, ч. 1. – С. 73.

[34] *История* Сибири. – Л., 1968. – Т. 2. – С. 34; *Морозов В.М., Пархимович С.Г.* Перегребное (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс.н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень, 1985. – С. 89 – 99.

[35] *Кочедамов В.И.* К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири // КСИА. – М., 1968. – Вып. 113; *Он же.* Первые русские города Сибири... – С. 20.

[36] *Молодин В.И.* Археологическая разведка на р. Казым // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации... – С. 134 – 136.

[37] *Там же.* – С. 134.

[38] *Окладников А.П., Ащепков Е.А., Гоголев З.В.* Древний Зашиверск. – Новосибирск, 1977.

[39] *Там же.* – С. 156 – 158: Отписка сына боярского Козьмы Лошакова якутскому воеводе Ивану Голенишеву-Кутузову. 1668 г.

...В прошлом во 173 (1664/65) году послан я Коземка из Якутского острогу на Индигирку реку на Шиверы на перемену сыну боярскому Андрею Булыгину... И я Коземка у того Андрея по указу великих государей Зашиверский острожек и служилых людей и аманатов и ясачные книги принял... И в прошлом же во 175 (1666/67) году февраля в 16 день скопами те же ламутские мужики изменники, собрав себе воровское великое собрание, приступали ночью к острожку, и учали острожные стены и ясачное зимовье и острожные стены рубить топорами, а иные люди приставили лестницы к стенам через амбары, и мы Коземка с служилыми и промышленными людьми бой с ними поставили... и видя они ламутки к нам великую Божию помощь, убоялись и пометали топоры и оружье: луки и стрелы и копья и рогатины, и от острожку побегли, а нас Коземку с товарищи бог миловал, ни единого человека не изранили, а итти за ними изменниками в погоню войною некем, безлюден, толко служилых людей со мною пять человек, а промышленных людей десять человек... а в Зашиверском острожке надобно служилых людей безпереводно человек тридцать...

[40] *Окладников А.П., Ащепков Е.А., Гоголев З.В.* Древний Зашиверск... – С. 8.

[41] *Там же.* – С. 158.

[42] *ЦГАДА*, ф. 199, № 511, ч. 2, д. 2, л. 11. (Цит. по: *Проблемы* охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 233 – 234). Описание Зашиверского (?) острога Я. Линденау. 1741 г. «...Укрепление этого острога состоит из деревянной стены, охраняемой со стороны реки 20, а с суши – 15 служилыми людьми. Укрепление имеет двое ворот, на которых стрелковые башни. Одни ворота расположены на север, другие – на запад. В укреплении этом находится церковь Спаса Преображения, ясачная изба и пять лавок. Вне этого расположены жилища их церковно служителей, 20 служилых людей...».

[43] «Документы о поставлении в Спасскую церковь Зашиверска священником Алексея Иванова сына Слепцова. 1735 г.

Господину преосвященному Иннокентию епископу Иркутскому и Нерчинскому

Доношение

Сего 1735 года июля 18 дня мы нижепоимянованны приговорили в Якуцке якуцкой соборной церкви дьячка Алексея Иванова сына Слепцова в Зашиверский острог во храм Нерукотворенного образа господа бога во священники, понеже у нас из давних лет оная святая божия церковь стоит пуста и никого по нынешнее число избранника доброго человека не было, и в толикия прошедшие леты во оныя дни в том остроге тамошния жители многия помирали бес покаяния а младенцы без святого крещения, а вышеявленного Алексея Слепцова питать будем мы нижепоимянованны своим иждивением без всякого прекословия неотложно со всяким желателным усердием колико можим по возможности своей...

1735 году июля 18 дня Зашиверского острогу жители нижеподписавшиеся приговорили мы в Якуцке соборной Троицкой церкви дьячка Алексея Иванова сына Слепцова во оной Зашиверской острог к церкви Нерукотворенного образа господа бога и спаса нашего Иисуса Христа во священники, понеже он человек доброй и не пияница и искусной к церковному званию, а питатца ему Слепцову ругою от нас зашиверских жителей и за сим нашим выбором и писменным обязателством ево Алексея нам зашиверским жителям во всяком снабдении не оставлять...

К сему выбору вместо посадцкого человека Алексея Рожина ево велением драгун Василей Тетрин руку приложил. К сему выбору посадцкой человек Марко Кашин руку приложил...»

[44] См.: *Биркенгоф А.Л.* Потомки землепроходцев. – М., 1972.
[45] *Там же.* Вклека.
[46] *Окладников А.П., Ащепков Е.А., Гоголев З.В.* Древний Зашиверск... – С. 9.
[47] *Там же.* – С. 11.
[48] *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений в Сибири (XVII – XX вв). – Новосибирск, 1984. – С. 19.
[49] *Там же.* – С. 23 – 25.
[50] *Окладников А.П., Ащепков Е.А., Гоголев З.В.* Древний Зашиверск... – С. 184.
[51] *Оноловникова Е.А.* Русские крепости в сибирском Заполярье // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 72.
[53] *Оноловников А.В.* Сокровища Русского Севера... – С. 322 – 325.
[54] *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера... – С. 49.
[55] *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии. XVII – первая половина XIX в. – М.,1978. – Вклейка.
[56] *Окладников А.П., Ащепков Е.А., Гоголев З.В.* Древний Зашиверск... – С. 9.
[57] *Там же.* – С. 185 – 188.
[58] *Там же.* – С. 73.
[59] *Там же.* – С. 135 – 154.
[60] *Там же.* – С. 59.
[61] *Там же.* – С. 130
[62] *Там же.* – С. 123
[63] *АЛОИИ*, ф. 160, № 712, л. 32; № 726, л. 5.
[64] См.: *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений... – С. 21.
[65] *Кавельмахер В.В.* Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: история и современность. – М., 1985. – С. 39 – 78; *Выголов В.П.* Архитектура Московской Руси середины XV в. – М., 1988. – С. 52 – 59.
[66] *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. – М., 1942. – С. 39 – 48; *Оноловников А.В.* Сокровища Русского Севера... – С. 60 – 111; *Витухновская М.А.* Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник Кижи. – Петрозаводск, 1988. – С. 124.
[67] См. *Оноловников А.В.* Сокровища Русского Севера... – С. 322.
[68] См. *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений... – С. 13.
[69] Подробне об этом см.: *Ильин М.А.* Архитектура Москвы XVIII в. – М., 1953.
[70] *Вилков О.Н.* Источники и литература о времени основания в процессе освоения Сибири русскими города Зашиверска // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1983. – С. 9.
[71] *Там же.* – С. 5 – 13.
[72] *Эстетические* ценности предметно-пространственной среды. – М., 1990. – С. 46.
[73] *Там же.* – С. 48.
[74] *Забельшанский Г.Б., Миневрин Г.Б., Раппопорт А.Г., Сомов Г.Ю.* Архитектура и эмоциональный мир человека. – М., 1985. – С. 6.
[75] *Афанасьев К.Н.* Витрувий и архитектурно-строительные традиции Древней Руси // Естественно-научные представления Древней Руси. – М., 1988. – С. 3 – 11; *Бондаренко И.А.* Народное и царственное зодчество Древней Руси. К проблеме общности традиций и идеалов // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992. – С. 7.
[76] *Забельшанский Г.Б., Миневрин Г.Б., Раппопорт А.Г., Сомов Г.Ю.* Архитектура и эмоциональный мир человека... – С. 108.
[77] Подробнее об этом см. *Первые* шаги в православном храме. – М., 1991; *Вагнер Г.К.* Искусство мыслить в камне... – С. 23 – 34.
[78] См.: *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений... – С. 18 – 33.
[79] *Орфинский В.П.* Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992. – С. 39 – 42.
[80] *Ушаков Ю.С.* Храмовый комплекс с. Поздышево (Агафоново)... – С. 151.
[81] *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений... – С. 18 – 33.
[82] *Там же.*
[83] *Эстетические* ценности предметно-пространственной среды... – С. 54; *Орфинский В.П.* Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера... – С. 36 – 45.
[84] *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений... – С. 55 – 57.
[85] *Орфинский В.П.* К вопросу о художественной преемственности в современной русской архитектуре // Традиции и новаторство в градостроительстве Российской Федерации. – М., 1986. – С. 27 – 33.
[86] *Там же.* – С. 38; *Мильчик М.И.* Ремонты деревянных церквей в XIX в. по порядным записям // Проблемы исследования. реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 1989. – С. 120; *Бондаренко И.А.* Народное и царственное зодчество Древней Руси... – С. 7; и др.
[87] *Ильин М.А.* Архитектура Москвы... – С. 26 – 30.
[88] *Колесников А.Д.* Памятники военно-оборонительного искусства Сибири // Памятники истории и архитектуры Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 4.

[89] *Яскеляйнен А.Т.* Новое об эволюции часовни Архангела Михаила на о-ве Кижи // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992. – С. 155 – 166.

[90] *Куспак Н.В.* Кемская крепость XVII в. // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992. – С. 167 – 176.

[91] *Яскеляйнен А.Т.* Колокольня в Долгошелье: новое о старом памятнике // Народное зодчество. – Петрозаводск, 1992. – С. 212 – 215.

[92] См.: *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений... – С. 56.

[93] *Мильчик М.И.* Ремонты деревянных церквей в XVII в. ... – С. 120.

[94] *Щепанская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере // Русский Север. – СПб., 1992. – С. 103.

[95] *Соловьев С.М.* Начала русской земли. – СПб., 1879. – С. 18: Движение славянской колонизации получило направление в северо-востоку вплоть до Восточного океана. Старая Днепровская Русь носит изначала характер военного поселения, пограничной военной линии.

Ключевский В.О. Курс русской истории. – М., 1956. – Т. 1. – С. 294 – 297: Древняя Русь все мелкие финские племена объединяла под одним общим названием Чуди. И сами колонисты не вызывали туземцев на борьбу. Они принадлежали в большинстве к мирному сельскому населению, уходившему из юго-западной Руси от тамошних невзгод и искавшему среди лесов севера не добычи, а безопасных мест для землепашества и промыслов. Происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев. Могли случиться соседские ссоры и драки, но памятники не помнят ни завоевательных нашествий, ни оборонительных восстаний. Указание на такой ход и характер русской колонизации можно видеть в одной особенности той же географической номенклатуры Великороссии. Финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а вперемежку, чередуясь одни с другими. Значит, русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались между разбросанными среди лесов и болот финскими поселками. Такой порядок размещения колонистов был бы невозможен при усиленной их борьбе с туземцами. Столкновения вызывались не самой встречей пришельцев с туземцами, а попытками распространить христанство среди последних.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – СПб., 1873. – Вып. 1. – С. 71 – 72: Можно уже в отдаленные времена подметить те свойства, которые вообще составляли отличительные признаки великорусской народности: сплочение сил в собственной земле, стремление к расширению своих жительств и к подчинению себе других земель.

Уоллес М. Россия. – СПб., 1880. – Т. 1. – С. 197 – 198: Отсутствие религиозного фанатизма очень облегчило русскую колонизацию в северной полосе, и в особенности ему способствовало миролюбивое настроение русского крестьянина. Русский крестьянин точно создан для мирной, земледельческой колонизации. Среди нецивилизованных племен он добродушен, вынослив, миролюбив, способен терпеть крайний недостаток и отлично умеет приноравливаться к обстоятельствам. У него в характере вовсе нет высокомерного сознания личного и национального превосходства и непреодолимого стремления к господству, которое часто превращает преклоняющихся перед законом, свободолюбивых британцев в жестоких тиранов, когда они приходят в соприкосновение с более слабой расой. У него нет желания управлять, и он вовсе не хочет обратить туземцев в дровосеков и водовозов. Он желает только получить несколько десятин земли, которые он мог бы обрабатывать, и пока он может спокойно работать, он не станет тревожить своих соседей. Русские поселенцы удовлетворились самым скромным и самым безобидным образом действий, они мирно поселились между туземным населением и очень быстро слились с ним.

Некоторые из так называемых переселений были вовсе не переселениями, а скорее постепенными переходами, вроде которых происходили и происходят теперь в северной России. Ярославская губерния тысячу лет тому назад была населена финнами, а теперь в ней живет народ, вообще считающийся самыми чистыми славянами. Совершенно ошибочно было бы предполагать, что финны переселились из этой местности в более отдаленные губернии, где они находятся до сих пор. В действительности они прежде занимали всю северную полосу России, и в Ярославской губернии они были поглошены двигавшимися славянами.

Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – М., 1869. – Т. 1. – С. 151 – 152: Русские никогда не кочевали, они всегда колонизовались, они приходили в качестве ремесленников, огородников, земледельцев, рыболовов, ли вдоль всех рек и устраивались на них.

[96] *Мильчик М.И.* Дома с росписью мастеров Петровских в Поважье // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного аследия Российского Севера. – Петрозаводск, 1991. – С. 94 – 103. Все подсчеты наши.

[97] *Полевые* материалы Западносибирского этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН 1993 – 1995 гг.: *Бардина П.Е.* Жилище русских старожилов севера Томской обл. в конце XIX – начале XX вв. // Археология и этнография Приобья. – Томск, 1982. – С. 141.

[98] *Hubka T.C.* Big House, Little House, Back House, Barn. The Connected Farm Buildings of New England. – Hanover; London, 1984. – P. 138 – 142.

[99] *Шукуров Ш.* Что есть мусульманский храм? // Наука и религия. – № 1. – 1995. – С. 46.

Содержание

Введение 5

Глава 1. Крепость 9

Глава 2. Храм 29

Глава 3. Деревянная архитектура 70

Заключение 83

Приложение 86

Abstract 88

Примечания 90

Курилов Владимир Николаевич-историк, этнограф, кандидат исторических наук, плодотворно работает над проблемами истории и культуры сибиряков. Работая в историко-архитектурном музее Института археологии и этнографии СО РАН, занимался исследованиями особенностей памятников русской сибирской архитектуры, участвовал в научном обосновании реконструкции Казымского острога и Спасской Зашиверской церкви. Многие его работы посвящены истории сибирских городов и топонимики Зауральской территории.

Майничева Анна Юрьевна-архитектор, этнограф, кандидат исторических наук, лауреат российских и международных конкурсов. Автор проектов более двадцати сельских посёлков Новосибирской и Томской областей, участник реставрационных работ Музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. Совместно с другими специалистами работала над восстановлением Зашиверской Спассокой церкви и Казымского острога. Её публикации по проблемам развития народной и профессиональной архитектуры известны в России и за рубежом.
Интернет-страница автора http://newpulses.com/books